АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
Институт истории

А. П. ГРИЦКЕВИЧ

ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОРОДА БЕЛОРУССИИ В XVI—XVIII вв.

(СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ГОРОДОВ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА И ТЕХНИКА»
Минск 1975

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук З. Ю. К о п ы с с к и й,
кандидат философских наук Е. С. П р о к о ш и н а

Грицкевич А. П.

Г 85 Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. (социально-экономическое исследование истории городов). Мн., «Наука и техника», 1975.

248 с. (АН БССР. Ин-т истории).

Рассматривается социально-экономическое развитие городов Белоруссии, принадлежавших магнатам и составлявших свыше 40% белорусских городов. Из них: Слуцк, Быхов, Горки, Несвиж, Давид-Городок, Клецк, Туров, Шклов, Молодечно, Копыль и др.

В книге показана специфика экономической и общественной жизни частновладельческих небольших городов по сравнению с крупными (королевскими) городами Белоруссии.

Впервые в исторической литературе анализируется роль частновладельческих городов-крепостей как военной опоры магнатов и использование магнатами городских ополчений во время междоусобиц.

$Г \frac{10604—094}{М316—75} 1—75$ 9(С)13

ВВЕДЕНИЕ

В современной науке изучение истории городов, включая феодальные, помогает решать многие коренные вопросы развития и смены общественно-экономических формаций как на территории СССР, так и других стран.

Исследование истории феодальных городов Белоруссии привлекает все большее внимание советских ученых. Это вызвано не только тем, что разработка данной проблемы в значительной степени помогает уяснению важнейших сторон истории феодального общества. Дореволюционные буржуазные исследователи, а также современные фальсификаторы прошлого Белоруссии за рубежом, в том числе белорусские буржуазные националисты, внесли и вносят немало путаницы в представления об истории белорусских городов, рассматривают эту проблему с точки зрения осужденных наукой теорий «золотого века» Белоруссии в феодальную эпоху, используя отдельные факты для разжигания национальной розни. Советские историки в своих трудах на основе марксистско-ленинской методологии дают надлежащее освещение событий.

История феодальных городов Белоруссии привлекала внимание многих дореволюционных исследователей дворянско-буржуазного лагеря, как русских, так и польских (В. Б. Антонович, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. К. Стукалич, И. Д. Беляев, Ф. В. Тарановский, М. К. Любавский, Ф. В. Клименко, А. П. Сапунов, А. С. Грушевский, Ю. Ярошевич, В. Сырокомля (Л. Кондратович), Е. Ф. Орловский, М. Балиньский и др.). Одни в основном придерживались теории упадка городов Белоруссии, связывая этот упадок с заменой вечевого строя магдебургским правом, с закрепощением горожан польскими

и литовскими феодалами и с наступлением католической церкви на православную, которая была якобы защитницей горожан. Другие вообще не рассматривали экономику городов, а описывали главным образом события религиозной борьбы в Белоруссии с конца XVI в. В их работах не было речи о закономерностях развития феодального общества как определенной социально-экономической формации. Почти не изучалась история городов Белоруссии XVII и XVIII вв.

Различным сторонам истории белорусских городов посвящены статьи и отдельные замечания в трудах белорусских ученых 20—30-х годов: В. И. Пичеты, М. В. Довнар-Запольского, А. В. Бурдейко, В. Д. Дружчица, Д. И. Довгялло, Ф. И. Забелло, К. И. Керножицкого, Т. Степанова. Они стремились по-новому осветить историю белорусских городов XVI—XVII вв., приводили данные о ремесленной и торговой деятельности горожан, о городском строе. Их работы явились первым шагом в разработке социально-экономических проблем истории белорусских феодальных городов.

В 50—70-е годы историки БССР внесли много нового в историографию городов Белоруссии феодальной эпохи. Появился ряд трудов, в которых впервые во взаимосвязи исследованы их социальная история и экономическое развитие. Опубликованы работы по этой проблеме не только на основе большого архивного, но и археологического материала. Например, исследования Л. С. Абецедарского, Ф. И. Адащика, Ю. И. Драгуна, Э. М. Загорульского, А. П. Игнатенко, А. М. Карпачева, З. Ю. Копысского, П. Ф. Лысенко, В. И. Мелешко, М. А. Ткачева, Г. В. Штыхова, С. А. Щербакова. Обобщающие работы по социально-экономической истории городов Белоруссии XVI — первой половины XVII в. изданы З. Ю. Копысским, ремесленному производству в городах Белоруссии XVII—XVIII вв. посвящен труд А. П. Игнатенко.

Вместе с тем к числу актуальных вопросов, которые почти не затрагивались и дореволюционными исследователями, и советскими историками, относится совокупность аспектов, касающихся истории белорусского частновладельческого города в феодальную эпоху.

На территории Белоруссии в XVI—XVIII вв. существовали крупные земельные владения магнатов. Это не

могло не отразиться на социально-экономическом развитии, политическом положении и юридическом статусе городов, входивших в состав владений магнатов. В свою очередь частновладельческие города являлись значительной экономической, политической и военной силой, на которую опирались и которую использовали магнаты в своей политике.

В XVI—XVIII вв. в Белоруссии было немало частновладельческих городов: Друя (Сапежин), Несвиж, Мир, Клецк, Копысь, Туров, Шклов, Старый Быхов, Глуск, Давид-Городок, Копыль, Слуцк, Ружаны, Горки, Дубровно, Раков, более мелкие города и крупные местечки — Любча, Горы, Новый Быхов, Петриков, Койданов, Зельва, Молодечно, Заславль, Докшицы, Сморгонь, Логойск, Ляховичи, Глубокое, Влодава и др. В целом они составляли более 40% всех городов Белоруссии в этот период.

Существование значительного количества частновладельческих городов оказывало влияние на развитие социально-экономической и политической жизни феодального общества в целом. Нельзя, например, решать вопросы политики верховной власти в государстве, соотношения сил в борьбе феодальных группировок между собой без учета роли и значения частновладельческого города как экономической и политической опоры, орудия в руках крупных феодалов.

Формирование городского населения в феодальном государстве с большим удельным весом частновладельческих городов и местечек происходило и развертывалось не так, как в странах, где города не знали в этот период частной власти феодала. Существование частновладельческого города наложило свой отпечаток на процесс антифеодальной борьбы в городах. Развитие фольварка также связано с проблемой частновладельческого города, поскольку эти города были хозяйственными и административными центрами магнатских латифундий. Наличие городов, принадлежавших магнатам, оказало влияние на развитие капиталистических отношений в Белоруссии.

Социально-экономическое развитие частновладельческих городов, их юридический статус и политическое положение значительно отличали их от королевских городов. Королевские (до 1569 г. великокняжеские) города

находились в королевском домене и подлежали власти королевских чиновников. Население частновладельческих городов, принадлежавших феодалам и расположенных во владениях феодалов, подчинялось владельцу города, несло в его пользу повинности и было изъято из-под власти королевских чиновников. Эти отличия сказывались на экономике частновладельческих городов, на социальной жизни.

Некоторые сходные черты с частновладельческими имели белорусские города, входившие в состав староств (Ошмяны, Дисна, Кричев, Бобруйск, Сураж, Борисов и другие, а также Велиж и Усвяты, ныне находящиеся на территории РСФСР). Эти города, оставаясь номинально королевскими, в течение ряда десятилетий находились во владении тех или иных магнатов.

Много общего было у белорусских и литовских частновладельческих городов, которые в течение столетий оставались во владении одних и тех же магнатских семей, и политика магнатов по отношению и к тем и к другим была одинаковой. Поэтому проблема истории частновладельческого города Белоруссии очень тесно связана с изучением частновладельческих городов Литвы (Кедайняй, Биржай, Таураге, Паланга, Скуодас), а также тех, которые раньше входили в состав Великого княжества Литовского, а ныне расположены на территории РСФСР (Невель и Себеж), магнатских городов Украины, Польши, Латвии.

Частновладельческие города Восточной Европы — Венгрии, Румынии (особенно в Трансильвании), Чехословакии (в значительной мере в Словакии), Югославии (в Хорватии и Славонии) — развивались в основном в сходных политических и экономических условиях. Одной из общих черт развития стран Восточной Европы в XVI—XVIII вв. было усиление крепостного права и возникновение крупного барского хозяйства (в Речи Посполитой — фольварка). Как и в Белоруссии, в странах Восточной Европы верхушку феодального класса составляли магнаты, владевшие огромными латифундиями, в состав которых входили принадлежавшие феодалам города. Так, в Венгрии в период турецкого завоевания в руках магнатов было много частновладельческих городов. Некоторые из них впоследствии стали королевскими. В Германии уже с XIV в. различались им-

перские (или вольные) и княжеские (или земельные) города [1].

Методологической основой изучения всех вопросов, связанных с белорусскими частновладельческими городами, послужили труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в которых дана характеристика феодального общества и места города в нем, социально-экономического и политического положения Речи Посполитой и России, проанализированы вопросы социальной борьбы в феодальном городе.

Основная задача этого исследования — социально-экономическое развитие частновладельческих городов Белоруссии в XVI—XVIII вв. Антифеодальная борьба горожан и социальная борьба внутри городской общины здесь не рассматриваются: значимость темы и большое количество документов позволили выделить данный вопрос в качестве особого исследования. Тема монографии охватывает большой период, который начинается со времени возникновения частновладельческих городов и превращения некоторых удельных в частновладельческие в составе Великого княжества Литовского и включает период пребывания их в составе Речи Посполитой. В начале этого периода в связи с развитием производительных сил и ростом общественного разделения труда шел интенсивный процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, в результате которого в ряде поселений концентрировались ремесленники и торговцы.

Таким образом, в монографии исследуется процесс развития частновладельческих городов на протяжении одного из крупных исторических периодов феодальной общественно-экономической формации. Феодальные отношения с начала XVI в. приобретают барщинно-крепостнические формы, которые в течение трех с лишним столетий полностью определяют социально-экономический строй Белоруссии. В свою очередь этот большой исторический период разделяется (в соответствии с принятой в настоящее время белорусскими советскими историками периодизацией) на два, хронологическими рамками которых являются: 1) XVI — первая половина XVII в. и 2) вторая половина XVII—XVIII в.

---

[1] R. Schröder. Lehrbuch der Deutschen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1889, s. 605.

Первый период характеризуется развитием фольварочно-барщинной системы в Белоруссии. В этот же период территория Белоруссии вошла в состав феодальной Речи Посполитой. XVI — первая половина XVII в. отличается обострением классовой и национально-религиозной борьбы как на территории Белоруссии, так и во всей Речи Посполитой. Крестьянские и городские восстания в середине XVII в. переросли в массовое народное движение — антифеодальную освободительную борьбу белорусского народа, которая совместно с освободительной борьбой украинского народа нанесла сильный удар феодальной Речи Посполитой.

Вторая половина XVII—XVIII в. отмечена дальнейшим развитием феодально-крепостнического хозяйства, усилением феодального гнета, власти магнатов в стране, национальными и религиозными противоречиями (особенно во второй половине XVII — первой половине XVIII в.). Вторая половина XVII — первая половина XVIII в.— это период экономического и политического упадка феодально-крепостнической Речи Посполитой. Во второй половине XVIII в. наблюдается экономическое оживление в Речи Посполитой, в том числе и в Белоруссии. Магнатские группировки, оспаривавшие друг у друга власть в стране, фактически сорвали реформы политического строя государства и способствовали иностранной интервенции и расчленению Речи Посполитой обсолютистскими режимами соседних государств.

В монографии прослеживается история белорусских частновладельческих городов, принадлежавших нескольким магнатским семьям. При этом для сравнения анализируется положение в литовских частновладельческих городах, главным образом в Биржах и Кейданах, а также в Невеле и Себеже, административно входивших на протяжении большей части исследуемого периода в состав Речи Посполитой. Это дает возможность вскрыть как общие закономерности для всех частновладельческих городов Великого княжества Литовского, так и выделить те основные моменты в развитии белорусских городов, которые имеют специфический характер. При этом в той мере, в какой это удалось, сделана попытка найти и те сходные черты в развитии белорусских частновладельческих городов, которые проявлялись и в истории частновладельческих городов стран Восточной Европы.

В процессе изучения учитывалось и развитие частновладельческих местечек, входивших в состав магнатских латифундий. Отдельные явления в социальной и экономической жизни такого рода местечек как одного из видов городских поселений приводятся для сравнения с аналогичными явлениями в частновладельческих городах, поскольку социально-экономические условия развития и городов, и местечек в магнатских латифундиях были общими. Это относится как к территории Белоруссии, так и Литвы.

В историографии проблема частновладельческого города лишь затрагивалась. Русский буржуазный историк М. Ф. Владимирский-Буданов в магистерской диссертации и украинский буржуазный историк В. Б. Антонович в предисловии к тому сборника документов «Акты о городах» почти одновременно рассматривали юридическое положение мещан, живших в частновладельческих городах Украины, а также управление этих городов[2]. Обе работы хронологически ограничены — основное внимание авторы уделили XV—XVI вв. М. Ф. Владимирский-Буданов посвятил этим вопросам небольшой раздел одной из глав книги[3]. Он охарактеризовал юридический статус частновладельческих городов — наличие у некоторых из них магдебургского права, юридическую зависимость мещан от владельца города, а в связи с этим и подчиненность органов городского самоуправления владельцу города. Вместе с тем М. Ф. Владимирский-Буданов совершенно бездоказательно утверждал: «Правительство никогда не признавало владельческих городов городами в юридическом смысле»[4]. Автор дал определение города с формально-юридических позиций буржуазного историка: «По польским юридическим понятиям, городом признавалось такое поселение, которому было даровано право вечной поземельной собственности и которое стояло на своей собственной земле»[5]. Он полностью соглашался с этими

---

[2] Немецкое право в Польше и Литве. Сочинение Владимирского-Буданова. СПб, 1868; В. Б. Антонович. Архив Юго-Западной России, ч. 5, т. 1. Предисловие. Киев, 1869, стр. 1—94; В. Б. Антонович. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. 1. Киев, 1885, стр. 133—194.

[3] Немецкое право в Польше и Литве, стр. 269—280.

[4] Там же, стр. 280.

[5] Там же, стр. 270.

«польскими юридическими понятиями». Вмешательство владельца в самоуправление принадлежавшего ему города он объяснял главным образом тем, что в украинских частновладельческих городах «избирательные права принадлежали и евреям». А это вело к «беспорядкам управления» и «обеднению города»[6]. Все это вызывало вмешательство владельца города в дела самоуправления. Замену вечевого строя магдебургским правом и выделение города из сельской округи автор бездоказательно считал причиной упадка городов.

По М. Ф. Владимирскому-Буданову, основные черты самоуправления частновладельческих городов сводятся к следующему: 1) зависимость существования магдебургского права от владельца города; 2) отсутствие у частновладельческого города права вечной поземельной собственности; 3) при таком характере магдебургского права во владельческих городах самосуд и внутреннее управление их мнимые: как суд, так и управление принадлежали собственно замку[7].

М. Ф. Владимирский-Буданов не учитывал социальную жизнь городов, их экономическое развитие и борьбу населения против феодального гнета. В своей работе, пользуясь главным образом материалами об украинских городах, он делал выводы о положении городов всего Великого княжества Литовского.

В. Б. Антонович несколько подробнее рассмотрел положение жителей частновладельческого города и их взаимоотношения с владельцем города. Придерживаясь теории колонизации при создании частновладельческих городов, В. Б. Антонович считал развитие ремесла и торговли в таких городах результатом инициативы частных владельцев, дававших горожанам льготы для укрепления обороны городов. Эта причина, по его мнению, была основной и в сохранении власти владельца над городом[8]. В. Б. Антонович изучал вопросы, связанные с повинностями мещан, управлением частновладельческими городами.

---

[6] Немецкое право в Польше и Литве, стр. 277—278.
[7] Там же, стр. 270—271.
[8] Исследование о городах Юго-Западного края. В кн.: Монографии по истории Западной и Юго-Западной России В. Б. Антоновича, т. 1, стр. 156.

Автор видел в магдебургском праве частновладельческого города только замену прежних вечевых вольностей самоуправлением под надзором владельца[9]. В. Б. Антонович отмечал, что в условиях полного контроля над городским самоуправлением со стороны владельца в частновладельческих городах «магдебургское право в ничтожной только степени гарантировало самостоятельность городской общины...»[10] Работа В. Б. Антоновича также основана на материалах, касающихся городов Украины, а выводы, как и у М. Ф. Владимирского-Буданова, обобщены шире и распространены на белорусские города.

Еще одна работа представителя формально-юридической школы была опубликована в 1869 г.— исторический очерк А. Ф. Воронина о частновладельческих городах и местечках Украины после реформы 1861 г.[11] В отличие от работ М. Ф. Владимирского-Буданова и В. Б. Антоновича автор очерка уделил внимание не только мещанам, но и другим социальным и национальным группам городского населения. По мнению А. Ф. Воронина, не только шляхта, но и евреи занимали привилегированное положение во владельческих городах Украины[12].

Очерк был написан А. Ф. Ворониным под сильным влиянием книги М. Ф. Владимирского-Буданова, на те или иные положения которого он часто ссылался. Основное внимание автор уделил юридическим аспектам развития частновладельческих городов, историческому обоснованию повинностей горожан и прав владельцев городов и местечек после реформы 1861 г. Происхождение частновладельческих городов автор выводил из вотчинного права князей и панов на городские поселения. Магдебургское право в частновладельческих городах он рассматривал с позиций М. Ф. Владимирского-

---

[9] В. Б. Антонович. Архив Юго-Западной России, ч. 5, т. 1. Предисловие, стр. 26.
[10] Там же, стр. 56.
[11] А. Ф. Воронин. Записка о владельческих городах и местечках Юго-Западного края, ч. 1. Исторические сведения. Киев, 1869, стр. 1—55; ч. II. Современное состояние владельческих городов и местечек, стр. 57—140.
[12] А. Ф. Воронин. Записка о владельческих городах и местечках Юго-Западного края, ч. 1, стр. 39.

Буданова и, следовательно, совершенно игнорировал экономику города.

Всех этих исследователей объединяет одинаковый подход к решению проблемы украинских городов. Они рассматривают исторический процесс с формальноюридических позиций, отводя общественно-экономической жизни подчиненное положение по сравнению с политической историей. Ни один из них не отошел от схемы владелец — городская община, не показал (да и не мог со своих идеалистических позиций показать) борьбу среди самих горожан за власть и захват органов городского самоуправления (при поддержке владельца города) представителями богатой верхушки мещан. Вместе с тем в их работах впервые был поставлен вопрос об управлении частновладельческого города, его юридическом статусе и зависимости горожан от владельца. Несмотря на неправильный подход к решению этого вопроса и на буржуазную классовую направленность взглядов, постановка этими историками вопроса о частновладельческих городах Великого княжества Литовского и Речи Посполитой имеет определенное значение. Они первыми сделали попытку выяснить некоторые вопросы социальной истории частновладельческого города.

Советская историческая литература располагает работами А. И. Барановича, в которых рассмотрена социально-экономическая история украинского частновладельческого города Староконстантинова в XVI и XVIII вв., а также содержатся замечания по некоторым другим частновладельческим городам Украины[13]. На примере Староконстантинова А. И. Баранович в одной из своих статей показал процесс основания такого рода городов украинскими магнатами в XVI в. посредством

[13] Олексий Баранович. Нариси магнатського господарства на півдні Волини у XVIII ст. Студії з історії України навуково-дослідчої катедри історії України в Київі, т. III. Київ, 1930, стр. 71, 73, 89; А. И. Баранович. Упадок города Речи Посполитой (Староконстантинов в XVIII столетии). «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 30—49; А. И. Баранович. Новый город Западной Украины XVI в. (Основание Староконстантинова). «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. III. М., 1951, стр. 246—255; А. И. Баранович. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII в. М., 1955, стр. 174—176; А. И. Баранович. Украина накануне освободительной войны середины XVII в. М., 1959, стр. 25—27, 101.

юридического утверждения города, строительства замка, а также привлечения колонистов в город с предоставлением им льгот. А. И. Баранович сделал вывод, что «основание города» могло быть либо признанием феодалом уже свершившегося факта, юридическим оформлением его, либо содействием образованию и росту поселения городского типа, либо, наконец, попыткой в том или ином пункте создать условия для возникновения промышленного и торгового центра [14]. В другой статье А. И. Баранович показал процесс распространения владельцами города в XVIII в. барщинной системы на городское население Староконстантинова [15]. В XVIII в. жители города — мещане (ремесленники и торговцы) переходили к земледелию. Соответственно денежные повинности мещан заменялись натуральными и отработочными. А. И. Баранович сделал вывод, что экономическое развитие частновладельческого города Речи Посполитой в XVIII в. шло по линии соединения промышленной деятельности с земледелием, приближения города к деревне. Автор отметил также фактическую ликвидацию самоуправления частновладельческого города в XVIII в. и превращение мещан в крестьян. Выводы А. И. Барановича, основанные на материалах лишь одного города, нельзя распространять на все города Речи Посполитой, в том числе и Белоруссии.

История частновладельческого города Польши мало исследована. Она привлекла внимание польских буржуазных историков, которые привели отдельные сведения о правовом положении жителей польских частновладельческих городов и их повинностях как характерные для всей Речи Посполитой [16]. Лишь С. Кутшеба привел

---

[14] А. И. Баранович. Новый город Западной Украины XVI в. (Основание Староконстантинова). «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. III, стр. 246.

[15] А. И. Баранович. *Упадок города Речи Посполитой (Староконстантинов в XVIII столетии).* «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 30—49.

[16] Влад. Грабеньский. История польского народа. СПб, 1910, стр. 160, 256—257, 356; С. Кутшеба. Очерк истории государственного строя Польши. СПб, 1907, стр. 77—79, 122, 138, 184; St. Kutrzeba. Historja ustroju Polski w zarysie, t. I. Korona. Lwów i Warszawa, 1925, s. 135—294; t. II. Litwa. Lwów i Warszawa, 1921, s. 73, 149—150; J. Ptaśnik. Miasta i mieszczaństwo w dawnej Polsce. 2-e wyd. Warszawa, 1949, s. 34—353.

некоторые краткие данные и о частновладельческих городах Великого княжества Литовского. Это были разрозненные наблюдения.

Ученые Польской Народной Республики в ряде работ рассматривают и вопросы, относящиеся к польскому частновладельческому городу [17].

Обзорную статью, посвященную итогам исследований польских историков по этому вопросу и перспективам дальнейшего изучения, опубликовал А. Выробиш. Он отметил неразработанность этих вопросов в польской историографии [18]. Для нас труды польских историков о частновладельческих городах XVI—XVII вв. представляют интерес в сравнительном плане.

В сходных с городами Речи Посполитой условиях развивались и города Венгрии, Словакии, Хорватии, Румынии, где также было сильно влияние магнатов и существовали магнатские латифундии [19]. Работы по истории частновладельческих городов этих стран дают возможность сравнить положение горожан в этих странах и в Белоруссии.

Некоторые черты в развитии белорусских и русских частновладельческих городов были сходными ввиду исторической общности судеб белорусского и русского народов.

Данные о русском частновладельческом городе приводил представитель государственной школы в русской буржуазной историографии А. П. Пригара, который считал, что раннее исчезновение частновладельческих городов в России было результатом политики русского правительства. А. П. Пригара противопоставлял ее поли-

---

[17] St. Pazyra. Geneza i rozwój miast mazowieckich. Warszawa, 1959, s. 87—89, 111—128, 153—156, 258—260, 297; Z. Kulejewska-Topolska. Nowe lokacje miejskie w Wielkopolsce od XVI do końca XVIII wieku. Poznań, 1964; T. Opas. Własność w miastach szlacheckich województwa lubelskiego w XVIII wieku. «Czasopismo prawno-historyczne», t. XXII, zeszyt I, 1970, s. 21—55.

[18] A. Wyrobisz. Rola miast prywatnych w Polsce w XVI i XVII wieku. «Przegląd Historyczny», t. LXV, zeszyt I. Warszawa, 1974, s. 19—45.

[19] V. Bácskai. Mezőgazdasági árutermelés és árucsere a mezővárosokban a XV. században. «Agrártörténeti szemle», 1964, 1—2 szám, 1—35 l.; V. Bácskai. Magyar mezővárosok a XV. században. Budapest, 1965; В. Бачкай. О характере и роли аграрных городов в Венгерском государстве XV в. «Средние века», вып. 36. М., 1973, стр. 50—67.

тике королей Речи Посполитой, власть которых падала по мере усиления магнатов [20].

В своем исследовании о русских городах XVI в. в качестве примеров возникновения частновладельческого города на вотчинной земле Н. Д. Чечулин взял Венев и Епифань. Он отметил особенность русских частновладельческих городов XVI в.: «Если города иногда и ставились частными лицами и считались их вотчинными, то во всяком случае неизвестно ни одного примера, чтобы городом кто-нибудь мог располагать как объектом полной частной собственности...» [21] Такого положения не знала Белоруссия. Это резко противостоит тому, что было в Великом княжестве Литовском и в Речи Посполитой.

Много внимания уделил изучению русского частновладельческого города П. П. Смирнов, который рассматривал его историю в аспекте поземельных отношений владельца и города. П. П. Смирнов сделал вывод, что в XVI—XVII вв. в Русском государстве частным владельцам принадлежали не только укрепленные города, но и неукрепленные посады [22]. Это сходно с наличием у частных владельцев Белоруссии городских поселений разного типа. Здесь же автор приводит интересный факт: у частных владельцев были крупные административные должности и учреждения. Так, в патриаршем городе Осташкове находился присылаемый патриархом воевода [23]. Аналогичные учреждения и должности существовали и в крупных феодальных владениях Белоруссии.

В советской исторической литературе есть замечание о невозможности перехода частновладельческой слободы или села в разряд городов России уже в середине XVIII в. То обстоятельство, что многие из них в течение длительного времени находились в феодальной зависи-

---

[20] А. П. Пригара. Опыт истории состояния городских обывателей при Петре Великом. «Журнал Министерства народного просвещения», сентябрь, 1867, стр. 673, 710—711.

[21] Города Московского государства в XVI веке. Исследование Н. Д. Чечулина. СПб, 1889, стр. 262—263, 312.

[22] Павел Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 1. Формы землевладения. Киев, 1917, стр. 79, 87, 100, 110.

[23] Павел Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 2. Количество и движение населения. Киев, 1919, стр. 196.

мости от помещика, самым отрицательным образом сказывалось на их экономическом положении, задерживало дальнейшее развитие[24]. Ю. Р. Клокман подчеркнул отрицательное влияние политики феодалов на развитие городов. В условиях же децентрализации власти в Речи Посполитой феодалы сохранили право создания городских поселений исходя из своих экономических и политических интересов.

Таким образом, дворянско-буржуазные историки интересовались главным образом определением понятия «частновладельческий город», юридической стороной вопроса, объемом прав владельца города в Русском государстве и особенно правом собственности. Все они сходились на том, что частновладельческие города имели вотчинный характер.

Социально-экономическая и политическая история частновладельческого города Речи Посполитой, как уже отмечалось, мало исследована. Почти полностью не изучена история частновладельческих городов Белоруссии.

Отдельные краткие сведения или замечания о частновладельческих городах Белоруссии и Литвы есть в работах буржуазных историков И. И. Лаппо, М. К. Любавского, А. С. Грушевского[25]. Эти сведения (почти все относящиеся к периоду до конца XVI в.) также касаются отдельных сторон юридического положения горожан и повинностей населения. Они в сущности не дают возможности составить представления о тех или иных явлениях в историческом развитии частновладельческого

---

[24] Ю. Р. Клокман. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960, стр. 121.

[25] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586), т. 1, СПб, 1901, стр. 480; М. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I. Киев, 1901, стр. 408—409, 751, 776—777; М. К. Любавский. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского статута. М., 1892, стр. 133, 136—137, 190, 198—199; М. К. Любавский. Литовско-русский сейм. М., 1900, стр. 761, 762; Примечания, стр. 42; М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910, стр. 132; А. С. Грушевский. Повинность городовой работы в Великом княжестве Литовском. «Журнал Министерства народного просвещения», 1914, ноябрь, Петроград, стр. 29—30; А. С. Грушевский. Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Старина и борьба за старину. Киев, 1918, стр. 33, 81.

Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Границы в первой половине XVIII в.:

1—Великого княжества Литовского, *2*—воеводств, *3*—поветов, Современные границы: *4*—Союза ССР, *5*—союзных республик, *6*—центры воеводств и поветов, *7*—частновладельческие города, *8*—частновладельческие местечки. Масштаб 1 : 2500000

города. Исторические очерки Друи и Лепеля в краеведческом плане были даны в работах А. П. Сапунова, В. Друцкого-Любецкого и Д. И. Довгялло[26]. Польский буржуазный историк С. Кутшеба также привел некоторые сведения о правовом статусе жителей частновладельческих городов Литвы и Белоруссии[27], отметив взаимоотношения горожан и владельца города.

В 20—30-е годы XX в. В. И. Пичета и М. В. Довнар-Запольский обратили внимание на отдельные повинности жителей частновладельческих городов Белоруссии; Д. И. Довгялло опубликовал исторический очерк Заславля[28].

В первой половине 30-х годов вышла работа польского буржуазного историка О. Гедеманна[29]. В большей части его работы излагается история Дисны (старостинского города), и лишь четверть книги посвящена истории Друи. Для О. Гедеманна характерен формально-юридический подход к истории городов; их социально-экономическое развитие не показано. Материалы о Друе относятся к XVII—XVIII вв., но главным образом освещена история города XVIII в.

Проблеме частновладельческого города Белоруссии специально было посвящено несколько статей автора этих строк, в которых показаны отдельные стороны социальной и экономической жизни наиболее крупного

---

[26] А. Сапунов, В. Друцкий-Любецкий. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. Витебск, 1896, стр. 115—122; Д. И. Довгялло. Город Лепель. Витеб. губ. «Виленский календарь на 1905 год». Вильна, 1904, стр. 82—92; Д. И. Довгялло. Друя, заштатный город Виленской губернии. (Историко-статистический очерк). «Памятная книжка Виленской губернии на 1907 год». Вильна, 1906, стр. 1—39.

[27] S. Kutrzeba. Historja ustroju Polski w zarysie, t. II. Lwów i Warszawa, 1921, s. 73, 149—150.

[28] Пічэта, Ул. Эпоха гарадзкое гаспадаркі на Беларусі. «Полымя», 1925, № 6, стар. 127—130; В. И. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. 1 (до конца XVI в.). Минск, 1927, стр. 71; М. Доўнар-Запольскі. Соцыяльна-эканамічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII стагоддзях. «Гістарычна-археолёгічны зборнік», № 1, у Менску, 1927, стар. 14; Д. Даўгяла. Заслаўе на Міншчыне. «Запіскі Аддзялення гуманітарных навук» (Інстытут беларускае культуры). Мінск, 1928, т. 1, кн. 5, стар. 96—121.

[29] O. Hedemann. Dzisna i Druja magdeburskie miasta. Wilno, 1934.

частновладельческого белорусского города Слуцка[30]. Эти работы основаны на локальном материале лишь одного, хоть и крупного, города и, естественно, не могли осветить в должной мере все стороны проблемы.

Современный польский историк М. Б. Топольская опубликовала две работы по истории Шклова и шкловской латифундии (вторая половина XVII и XVIII в.). Она рассмотрела структуру населения этого частновладельческого города Восточной Белоруссии второй половины XVII—XVIII в., торговую и ремесленную деятельность жителей[31].

Этими работами и ограничиваются исследования по истории белорусского частновладельческого города.

Частновладельческие города в странах Восточной Европы привлекали и привлекают внимание историков. Однако историография далека еще от кардинального решения очень многих вопросов. Это в полной мере относится и к истории частновладельческого города Белоруссии. Поэтому освещение исторического развития белорусских городов, принадлежавших магнатам в XVI — XVIII вв., в какой-то мере сможет содействовать выяснению общих черт, присущих истории частновладельческих городов других восточноевропейских стран. Это даст возможность дополнить исследования белорусских исследователей по истории феодального города Белоруссии.

Нами изучено и использовано большое количество различных источников. Они представляют собой мате-

---

[30] Слуцк и его экономическая жизнь в XIV—XVI вв. «Труды конференции молодых ученых. Серия общественных наук». Минск, 1959, стр. 65—73; Слуцк. Исторический очерк. Минск, 1960; Частновладельческий город Слуцк в первой половине XVIII в. «Материалы конференции молодых ученых АН БССР». Минск, 1960, стр. 106—110; Повинности жителей частновладельческого города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Материалы конференции молодых ученых АН БССР. Минск, 1962, стр. 116—122; Да пытання аб эканамічным стане прыватнаўладальніцкага горада Беларусі ў першай палавіне XVIII стагоддзя (паводле даных інвентара Слуцка 1728 г.). «Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук», 1963, № 2; Местный рынок в конце XVII — начале XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г.» Рига, 1963, стр. 241—251.

[31] M. B. Topolska. Dobra szkłowskie na Białorusi wschodniej w XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1969; M. B. Topolska. Szkłów i jego rola w gospodarce Białorusi wschodniej w XVII i XVIII wieku. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», t. XXX. Poznań, 1969, s. 1—32.

риалы, опубликованные в многотомных сборниках, и отдельные публикации; главным же образом это неопубликованные документы, хранящиеся в разных архивах и рукописных отделах библиотек СССР и Польской Народной Республики.

Первую группу источников составляют опубликованные документы и материалы. В многотомных публикациях — «Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов» (XV—XVIII вв., 39 томов, Вильно, 1865—1915 гг.) и «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа» (Вильно, 1867—1904 гг., 14 томов)—содержатся данные по политической, социальной и в меньшей мере экономической истории белорусских частновладельческих городов.

Интересные данные религиозно-политической истории и в меньшей степени историко-экономического характера есть в сборниках документов: «Акты, относящиеся к истории Западной России» (5 томов, за 1340—1699 гг., СПб, 1846—1853 гг.), «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» (15 томов, XIV—XVII вв., Киев, 1863—1892 гг.) и «Архив Южной и Западной России» (8 частей, 34 тома, XV—XVIII вв., Киев, 1859—1914 гг.).

Во всех этих дореволюционных изданиях подбор документов был сделан тенденциозно, с точки зрения царизма и русской православной церкви. Публикация документов имела целью доказать законность господства царизма на землях Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины [32].

Особую группу опубликованных источников представляют белорусско-литовские летописи (в том числе «Хроника Быховца») [33], а также другие источники, в которых содержатся сведения по истории частновладельческих городов Белоруссии. «Хроника польская, литов-

---

[32] Н. Н. Улащик. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973, стр. 63, 284.

[33] Полное собрание русских летописей, т. 17. Западнорусские летописи. СПб, 1907; Kronika litewska Alexandra Bychowca. Впервые опубликована Т. Нарбутом. В кн.: T. Narbutt. Pomniki do dziejów litewskich. Wilno, 1846; Полное собрание русских летописей, т. 17; Хроника Быховца. М., 1966.

ская, жмудская и всей Руси» Мацея Стрыйковского (до 1582 г.), «Хроника» польского историка XVI в. Мартина Бельского, «Тома законов», содержащие законодательные акты Великого княжества Литовского и сейма Речи Посполитой за весь период ее существования («Сеймовые конституции») [34]. Последний источник содержит государственные акты, регулирующие отдельные стороны жизни частновладельческих городов (в основном налоговые льготы).

Опубликованные в 1850 и 1881 гг. фрагменты из актовой книги слуцкого магистрата за 1654—1660 гг. дают возможность определить некоторые специфические черты экономической жизни частновладельческого города в середине XVII в. (организация цехов, торговли и др.), уточнить характер самоуправления в нем и т. д. [35]

В 1913 г. было издано описание документов Тройчанского архива [36]. Часть из них приводится полностью, часть — в изложении. Всего в сборнике 540 документов по истории Слуцка и Копыля (с 1517 по 1747 г.).

В сборнике «Архив князей Любартовичей-Сангушек в Славуте» есть документы юридического характера по Любче, Ракову, Кобрину и другим городам, принадлежавшим в разное время князьям Сангушкам, Острожским и другим феодалам [37]. Однако содержащиеся в этих сборниках документы составляют лишь меньшую часть использованного при разработке данной темы материала.

Вторую, наиболее ценную группу источников составляют нигде не опубликованные архивные документы, которые можно подразделить по двум признакам — месту их хранения и характеру содержащихся материалов.

---

[34] Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego, t. II. Warszawa, 1846; Kronika Marcina Bielskiego. Niegdyś w Krakowie drukowana, t. I. W Krakowie, 1764; Kronika Marcina Bielskiego, t. III. Sanok, 1856; Volumina Legum, t. I—VIII. Petersburg, 1859—1860, t. IX, Kraków, 1889.

[35] Materjały historyczne (przez P. M. Iwanowskiego). «Athenaeum», t. III. Wilno, 1850, s. 1—17; J. Biergiel. Przyczynki do dziejów Slucka (1654—1660). «Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny», t. II. Warszawa, 1881, s. 137—147.

[36] «Минская старина», вып. IV. Труды Минского церковного Историко-Археологического Комитета (Тройчанский архив). Минск, 1913.

[37] Archiwum Książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, t. I. We Lwowie, 1887; t. III. We Lwowie, 1890.

Эти источники хранятся в архивах Белорусской ССР, Литовской ССР и Польской Народной Республики.

Особенно важны документы магнатских архивов. В Центральном Государственном историческом архиве БССР (ЦГИА БССР) находится обширный фонд князей Радзивиллов, так называемый «Радзивилловский архив» (фонд 694), насчитывающий около 26 тыс. единиц хранения и составлявший до 1939 г. личный архив Радзивиллов, хранившийся в их Несвижском замке. (Из 7 описей этого фонда здесь использованы в основном дела 4, 7, 2-й, а также 1-й и 3-й описей). В этом фонде сосредоточены наиболее важные документы по истории принадлежавших князьям Радзивиллам в течение нескольких столетий городов Слуцка, Копыля, Несвижа, Клецка, Давид-Городка, Мира, Копыси и других белорусских частновладельческих городов, а также литовских городов Биржи (Биржай) и Кейдан (Кедайняй), Невеля и Себежа, входивших в состав Великого княжества Литовского и принадлежавших Радзивиллам.

В делах князей Радзивиллов содержится разнообразный материал — документы о ремесле и торговле в городах Белоруссии, актовый материал слуцкого, несвижского, клецкого и давид-городокского замковых судов, различные хозяйственные бумаги администрации князей Радзивиллов, переписка с центральными учреждениями Речи Посполитой, документы по сбору и сдаче государственных налогов и сборов в пользу владельцев города, судебные и юридические документы о продаже и покупке домов и земельных участков в городах и т. д. Здесь же есть бумаги о численности и экипировке слуцкого, несвижского и других гарнизонов магнатских войск, документы о городских ополчениях, военных формированиях военно-служилых людей, военные уставы, различные распоряжения об обороне городов.

В настоящей работе использованы также материалы других фондов ЦГИА БССР, в частности, гродских судов, городских магистратов (новогрудского и случорецкого гродских судов, случорецкого земского суда, конфедератского суда, несвижского и слуцкого магистратов).

Существенным дополнением к этим источникам служат документы, находящиеся в рукописном отделе библиотеки Академии наук Литовской ССР (РОБ АН Ли-

товской ССР), в отделе рукописей библиотеки Вильнюсского государственного университета (отдел рукописей БВГУ) и Центральном Государственном историческом архиве Литовской ССР.

Особо ценны фонды рукописного отдела библиотеки АН Литовской ССР, документы которых использованы в данной работе: «Вильнюсский белорусский фонд» (*VBF*), в котором хранятся грамоты XVI—XVII вв.; фонд «Евангелическо-реформатский синод» (*ERS*), где сохранены документы центрального духовного учреждения кальвинистов в Литве и Белоруссии. В этом фонде есть книга протокольных записей заседаний слуцкого магистрата за 1654—1660 гг., фрагменты которой, как уже отмечалось, были опубликованы в 1850 и 1881 гг.[38]

Нами использованы документы отдела рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР и отдела рукописей Львовской библиотеки АН УССР.

Большую ценность представляют документы и материалы архивов и рукописных отделов библиотек Польской Народной Республики. Особенно богат фонд «Радзивилловский архив» в Главном архиве древних актов в Варшаве[39]. Этот фонд содержит документы по всем основным вопросам рассматриваемой темы. Он был еще в XIX в. разделен на целый ряд отделов. Нами главным образом использованы документы II (привилеи, грамоты и др.), VII (военные документы), XV (документы Несвижской ординации), XXIII (аллодиальные владения Радзивиллов, правовые документы), XXV (инвентари феодальных владений) отделов.

В государственном архиве Кракова и Краковского воеводства хранятся документы «Архива Сангушек», где сосредоточены материалы по истории ряда белорусских владений князей Сангушек в XVI—XVIII вв., в том числе Ракова, Влодавы, Воложина, Смолян и других городов. В основном это документы экономического, демографического и податного характера. В отделах рукописей библиотек Ягеллонского университета, Польской

[38] РОБ АН ЛитССР, ERS-889, Lauda albo uchwały do obrony, porządku i ozdoby miasta Słucka.

[39] Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłowskie (далее AGAD, AR).

Академии наук в Кракове и Национальной библиотеки в Варшаве есть документы правового и экономического характера по магнатским городам Белоруссии. В библиотеке Чарторыских в Кракове содержатся материалы о Быхове и Шклове, которые в XVIII в. принадлежали князьям Чарторыским. Значительную долю этих документов составляют инвентарные описания магнатских городов XVII—XVIII вв.

Специфика исторических источников по интересующей нас проблеме заключается в первую очередь в том, что по своему происхождению это источники, главным образом откладывавшиеся в архивах магнатов. Из многочисленных документов и материалов рассматриваемого в монографии периода основная масса относится к XVIII в. Меньше их по XVII в. и еще меньше по XVI в., причем материалы более раннего периода наиболее фрагментарны. Однако в целом документы магнатских архивов дают возможность исследователю рассматривать те или иные явления в экономической жизни, социальных отношениях и политике в их развитии на протяжении длительного исторического периода Белоруссии феодальной эпохи.

К особенностям магнатских фондов следует отнести и то, что в этих архивах накапливались документы не только о владениях, принадлежавших в течение многих десятилетий и даже столетий той или иной магнатской семье. Немалое количество документов по королевским владениям (в частности, староствам) содержали магнатские архивы в период пожизненных пожалований королем староств или при временном держании королевских владений. Кроме того, на территории Литвы и Белоруссии все магнатские архивы переходили по наследству после полного прекращения рода владельцев или при продаже всех имений от одних магнатов к другим. Так, например, «Радзивилловский архив» сохранил отдельные, порой фрагментарные документы слуцких князей Олельковичей, мужской род которых угас еще в 1593 г., а женский — в 1612 г. Владения Олельковичей, а также и их архив перешли к князьям Радзивиллам биржанской линии. Аналогично и происхождение многих материалов «Архива Сангушек». В него, в частности, вошли документы князей Острожских по некоторым латифундиям Белоруссии. Точно таким же образом князья Чарторыские

унаследовали архивы графов Ходкевичей, князей Сапег, Сенявских по части их владений.

Вследствие перехода по наследству различных владений или покупки их в магнатских архивах Белоруссии оказалось много материалов не только об имениях феодалов, расположенных на территории Великого княжества Литовского, но и об имениях других частей Речи Посполитой.

В магнатских архивах хранились не только хозяйственные, юридические, личные бумаги, грамоты и привилеи магнатов. В довольно большом количестве в них накапливались и акты государственных учреждений Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, королевские и великокняжеские привилеи на те или иные льготы и привилегии самим магнатам или принадлежавшим им городам и местечкам, а также многочисленные выписки из актовых книг гродских, земских и магистратских судов. Иногда в магнатских архивах обнаруживались копии государственных документов, не сохранившиеся в оригинале.

По характеру содержащихся в неопубликованных источниках материалов они могут быть условно разделены на несколько групп. Первую группу составляют инвентарные описания («инвентари») частновладельческих городов и владений магнатов. Это большая группа источников, представляющих собой хозяйственные описания имений. В инвентарях более или менее подробно описаны земельные участки, их размеры, местоположение, количество скота у горожан и крестьян. Особое внимание обращалось на повинности населения. Почти в каждом инвентаре составители тщательно, не пропуская ни малейшей подробности, фиксировали повинности населения в пользу владельца имения. В инвентарях частновладельческих городов давались иногда сведения и о занятиях жителей ремеслом и торговлей, об их профессиях.

Инвентари — ценный вид источников, которые дают возможность охарактеризовать состояние частновладельческого города, состав и численность его населения и экономику. Инвентари составлялись администрацией магната для учета городского населения, количества домов в городе, земельных участков («пляцев»). В основном инвентарь — вспомогательный документ для налоговых целей.

В инвентарях дается подробное описание рынка, лавок, ларьков и шинков, что является ценным источником для характеристики торговли частновладельческих городов. Инвентари дают представление о планировке города, системе его застройки, а также о распределении и составе населения по районам, улицам. В них содержатся сведения о домах, о земельных участках (их величина и принадлежность), о занятиях городского населения сельским хозяйством. Наконец, в инвентарях магнатских городов указаны повинности жителей.

Однако городские инвентари страдают краткостью некоторых данных и неполнотой сведений. Не все они однотипны. Порой в них перечислены не все горожане (особенно это относится к жителям шляхетских усадеб и солдатам гарнизонов), иногда опущены описания улиц или частей города («юрисдик»).

Следовательно, не все цифры в инвентарях достоверны, а пригодность таких данных относительна. В связи с этим встает вопрос о сопоставимости имеющихся в инвентарях сведений. Поэтому исследователю для более точного учета конкретных данных, например численности ремесленников в городе, приходится восполнять недостающие сведения сравнением указаний по одним и тем же лицам, записанным в близких по датам инвентарях. Это дает возможность привести более точные цифры. Некоторые инвентари не сохранились до нашего времени или сохранились не полностью.

Вторая группа документов — свидетельства о ремесленном производстве в частновладельческих городах в XVI—XVIII вв. В эту группу разнородных документов входят различные бумаги из актовых книг магнатских замковых судов и городских магистратов, судебные решения этих органов, жалобы и заявления отдельных ремесленников, разные материалы о мануфактурах в XVIII в. и др. Они дают возможность рассмотреть процесс развития ремесленного производства в городах и показать роль ремесла в экономике городов, структуру населения частновладельческого города, занятого в ремесленном производстве, его экономическое и правовое положение. Документы этой группы содержат уставы ремесленных цехов (в Главном архиве древних актов в Варшаве цеховые уставы выделены в нескольких единицах хранения в особые подразделы) и другие материалы, показывающие,

что цехи занимали определенное место в системе городского самоуправления, являясь своеобразным придатком магистратов частновладельческих городов.

Однако в архивах сохранилось немного цеховых уставов и есть лишь отдельные сведения, косвенно говорящие об особенностях этих уставов в частновладельческих городах. Нет в документах и точного количества ремесленников в каждом цехе, поэтому приходится пользоваться приблизительными данными по ремесленным профессиям. Не всегда документы о ремесленном производстве позволяют вникнуть в существенные детали.

К третьей группе относятся источники о городской торговле. Некоторые из них в большей или меньшей мере дают возможность рассмотреть особенности местного рынка, проследить развитие торговли в частновладельческих городах, выявить номенклатуру товаров, которыми торговали купцы, особенности торговли. Но в большинстве своем сведения о торговле, торговых связях, местном рынке неполны на протяжении всего изучаемого периода. Кроме того, они разрозненны, а отдельные количественные показатели не могут служить основой для характеристики торгового оборота городов.

Четвертая группа источников — документы о самоуправлении частновладельческих городов и об управлении ими со стороны магнатов и их наместников. Эти материалы представлены в основном актовыми книгами городских магистратов и замковых (или ординатских) судов, действовавших в магнатских латифундиях. Сюда относятся и различные памятники права.

Актовые книги магистратов — один из важнейших источников по социально-политической, а также и экономической истории белорусских частновладельческих городов. В них внесены не только постановления магистратов и судебные акты, но и другие разнообразные документы. В формах делопроизводства и составе документов, которые вносились в актовые книги, есть некоторые отличия между магистратскими книгами разных городов.

Актовые книги, документы государственной власти, магнатов, магнатской администрации представляют большой интерес для раскрытия темы и большей частью используются впервые в нашей историографии.

Документы и материалы дают возможность установить характер и объем привилегий, полученных частно-

владельческими городами, вскрыть специфику городских привилегий применительно к политическим и социальным условиям жизни ряда белорусских городов. При этом грамоты на городское самоуправление позволяют также проследить общую линию политики государства и магнатов по отношению к горожанам. Источники этой группы имеют большое значение в раскрытии разных сторон социальной и политической жизни частновладельческого города. Однако и здесь наблюдается неполнота источников, отсутствие грамот на самоуправление по целому ряду городов, фрагментарность.

Все группы источников неодинаковы по наличию сохранившихся в них материалов. Полнее всего представлены документы о самоуправлении и управлении городов. При этом королевские и магнатские привилеи и грамоты городам и отдельным лицам составлены более компактно, чем другие материалы. Актовые книги сохранились не по всем городам и особенно фрагментарны и разрозненны — часто за несколько лет или реже за несколько десятков лет.

О ремесле и торговле свидетельствуют юридические документы, которые, так же как и актовый материал и привилеи, больше представлены документами XVII и XVIII вв. Статистический материал довольно пестрый, что не дает возможности показать его целиком и последовательно за весь рассматриваемый период. Эта группа источников также содержит много документов.

Среди инвентарных описаний городов преобладают инвентари более крупных городов — Слуцка, Шклова, а также Клецка и Давид-Городка, в основном со второй половины XVII и до конца XVIII в. Инвентарей второй половины XVI — первой половины XVII в. единицы.

Документы магнатских архивов составлялись феодалами или их чиновниками (тоже в большинстве феодалами) и в угоду классовым интересам феодалов; явления социально-политической действительности отражены в них тенденциозно, поэтому документальные материалы при разработке данной темы оценивались критически, с сопоставлением ряда документов для установления степени достоверности тех или иных фактов. Особенно это относится к документам судебных дел. Более близкими к действительности были хозяйственные документы, хотя и здесь часто встречаются искаженные факты и цифры.

Сохранившиеся документы не дают возможности осветить все вопросы темы, основываясь на данных по всем городам или по большинству городов, так как сплошных и подробных данных за весь период, интересующий нас, вообще не сохранилось.

В зависимости от сохранности источников в архивах материалы по некоторым городам доминируют (Слуцк, Шклов, Несвиж, Клецк, Давид-Городок), по другим их меньше. Это затрудняет освещение тех или иных вопросов в исследовании частновладельческих городов.

Характеризуя в целом источники по теме, можно констатировать, что, использованные в комплексе, они дают возможность осветить основные вопросы истории частновладельческого города.

Глава I

ОБРАЗОВАНИЕ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОРОДОВ. ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

1. Численность и типы городов

Развитие феодальной экономики на территории нынешней Белоруссии в XV—XVI вв. создавало предпосылки роста городов, которые приобретали все большее значение. Города становились центрами ремесла и торговли. Как носители товарно-денежных отношений они оказывали большое влияние на все стороны жизни средневекового общества. К. Маркс писал: «Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности...» [1]

В созданных в течение XV в. магнатских латифундиях, в оставшихся еще в составе Великого княжества Литовского удельных княжествах находились поселения городского типа — города и местечки, население которых (мещане), так же как и население великокняжеских, господарских городов, занималось в значительной мере ремеслом и торговлей. В этом отношении разницы между мещанами частновладельческих и господарских городов не было. Частновладельческие города основывались в магнатских латифундиях не только в XV—XVI вв., но и в последующий период.

Феодалы были заинтересованы в создании и развитии поселений городского типа (местных торгов, ремесленных слобод) в своих владениях, так как это давало им налоги и сборы с жителей, пошлину с торговли, снабжало ремесленными изделиями, города, наконец, были военными опорными пунктами.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 365.

М. К. Любавский отмечает, что новые города основывались частными владельцами (а еще чаще права мещан предоставлялись жителям экономически окрепших населенных пунктов) с разрешения великого князя. Это объясняется тем, что основание новых городов или предоставление жителям населенных пунктов в магнатских и шляхетских имениях прав горожан с разрешением торгов, ярмарок, корчем, со всеми доходами, которые получал владелец, могло нанести значительный ущерб существующим великокняжеским городам, и поэтому для основания нового города требовалось специальное разрешение великого князя. Точно так же князья и паны просили у великого князя разрешения на предоставление магдебургского права (феодального права городских общин) своим городам, так как и это косвенно затрагивало интересы соседних господарских городов [2].

Ущерб от основания нового частновладельческого города и деятельности его жителей несла великокняжеская казна. И это было главной причиной того, что великокняжеская власть ревниво оберегала государственные привилегии на взимание пошлин и других налогов с торговли. Эта прерогатива великого князя была зафиксирована в Статуте 1529 г. (раздел 1, статья 21): «Также приказываем, чтобы ни один человек в нашем государстве, Великом княжестве Литовском, ни на дорогах, ни в городах, ни на мостах и на греблях, и на водах, ни на торгах в своих имениях не смел придумывать новых мыт, ни устанавливать их, кроме тех, которые были установлены издавна, на что имелись бы грамоты наших предков, великих князей, или наши. А если бы кто-либо посмел устанавливать новые мыта, тот теряет то имение, в котором установил, и оно переходит к нам, великому князю» [3].

В течение XVI в. феодалы Белоруссии и Литвы добились от центральной власти большей свободы в своей экономической и городской политике. На магнатов и шляхту распространилась привилегия основывать новые городские поселения. Кроме того, феодалы создавали свои юрисдики в великокняжеских городах. Таким обра-

---

[2] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно, стр. 132.

[3] Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960, стр. 139.

зом, процесс урбанизации в Великом княжестве Литовском контролировался классом феодалов уже в XVI в. В Статуте 1588 г. записано (раздел 1, статья 29); «А хто бы с обывателей того паньства нашого, якого кольвек стану и народу шляхетского, для примноженья собе пожитку, хотел на кгрунте своем местечко новое садити, то ему вольно будеть учинить, и торговое в нем, водлуг давного звыклого обычаю, яко се то в местечкох инших князьских и паньских заховуеть, установити»[4].

Практически феодалы получили неограниченную возможность основывать городские поселения в своих владениях в зависимости от экономических и политических условий. Этим правом они широко пользовались вплоть до конца XVIII в. В сеймовых постановлениях редко встречаются решения о частновладельческих городах, это вносилось в повестку дня по желанию самих магнатов, владельцев городов и местечек. Подобные решения касались главным образом фискальных вопросов (освобождение таких городов от уплаты государственных налогов) или закрепления юридических прав мещан (предоставление или утверждение права на самоуправление). Центральная государственная власть не вмешивалась во внутреннюю жизнь частновладельческого города. Лишь во второй половине XVIII в. в нескольких сеймовых решениях упоминались частновладельческие города наряду с общими вопросами, но право принятия постановления предоставлялось только владельцу города.

В принципе частновладельческие города Великого княжества Литовского по своему правовому положению и по характеру взаимоотношений с владельцами, сеньорами, не отличались от частновладельческих городов других стран Европы — Польши, Венгрии, Словакии, Чехии, Хорватии, Трансильвании, Германии и др. Условия образования и развития этих городов имели общие черты. Большую роль в их истории играло отношение к этому сеньора, владельца городской территории. Он мог ускорить развитие ремесленно-торгового поселения: построить крепость, иметь значительный гарнизон, при-

---

[4] И. И. Лаппо. Литовский статут 1588 года, т. II. Каунас, 1938, стр. 95—96.

влечь новых поселенцев, подтвердить права и вольности жителям [5].

Как и в Германии, в феодальной Речи Посполитой крупные магнаты, владельцы, играли решающую роль в регламентации жизни частновладельческого города, строго контролировали орган городского самоуправления — магистрат, осуществляли высшую судебную и административную власть, оказывали влияние и на экономику, издавая особые экономические уставы или предоставляли определенные льготы жителям. «Они вводили налоги и собирали деньги, когда им было угодно...»[6] Как правило, льготы и привилегии, которые в свое время были даны жителям, отменялись редко. Чаще каждый новый владелец, вступая в права наследства, торжественно объявлял в своих грамотах о подтверждении старых привилегий. Это объяснялось в первую очередь стремлением сохранить постоянные и немалые доходы с города, шедшие в магнатскую казну. Кроме экономических причин такой политики владельца, существовали и политические — опасения перед возможными восстаниями в городе.

В привилее великого князя Казимира Ягеллончика от 7 апреля 1441 г. названо 15 наиболее крупных городов Великого княжества Литовского, в том числе 7 на территории Белоруссии [7]. Из них лишь Слуцк не был великокняжеским. Он принадлежал князю Олелько Владимировичу, внуку Ольгерда.

На карте Великого княжества Литовского конца XV — начала XVI в., основанной на обнаруженных М. К. Любавским в документах этого периода названиях населенных пунктов, отмечено на территории нынешней Белоруссии 13 «важнейших княжеских и панских замков с местами», т. е. частновладельческими городами: в Трокском воеводстве — Добучины (ныне Пружаны), Кобрин, Пинск, Давыдов Городок, Туров; в Виленском воеводстве — Гольшаны, Гераноны, Лоск, Копыль, Клецк, Слуцк,

[5] В. В. Стоклицкая-Терешкович. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960, стр. 32.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 348.

[7] Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковны, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Часть I. Вильна, 1843, № 7, стр. 9; J. Jaroszewicz. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Część II. Wilno, 1844, s. 85.

Радомль, Мстиславль. «Важнейших господарских (т. е. великокняжеских.— *А. Г.*) замков с местами» на территории Белоруссии насчитывалось 19, а «важнейших господарских мест» — 36 (сюда включены и городские поселения, считавшиеся в XVI—XVIII вв. местечками) [8]. Таким образом, хотя критерий определения города в данном случае не очень ясен, частновладельческие города составляли более пятой части всех городов Белоруссии. Характерно, что основная группа частновладельческих городов находилась в западной и центральной частях белорусских земель, а на востоке их было всего два. Часть из них впоследствии перешла во владение великого князя (короля) и была причислена в разряд государственных. Кроме того, некоторые из них перешли в категорию местечек, в то время как количество местечек в последующее время выросло и некоторые из них превратились в города. По этой причине данные карты М. К. Любавского не совпадают с перечнем частновладельческих городов XVI—XVIII вв.

Уже на карте М. К. Любавского отмечена такая переходная категория частновладельческих поселений, как местечки, ставшие в XVI—XVII вв. городами, и села, превратившиеся в XVI—XVII вв. в местечки. На карте они обозначены: «важнейшие княжеские и панские дворы при местах или селах». Так, в пределах Белоруссии в Трокском воеводстве их было 45, в том числе Волчин, Индура, Берестовица, Здечель (ныне Дятлово), Деревная, Деречин, Зельва, Россь, Ивацевичи, Молчадь; в Виленском воеводстве — 98: Ошмена, Любча, Мядель, Молодечно, Воложин, Радошковичи, Логойск, Смолевичи, Заславль, Раков, Ивенец, Койданов, Шацк, Узда, Свержень, Несвиж, Ляховичи, Синявка, Тимковичи, Уречье, Любань, Шклов и др.; в Полоцкой земле — 25: среди них Освея, Плисса, Глубокое, Улла, Лепель, Чашники, Лукомль, Толочин, Друцк, Дубровна, Горы и др.; в Поднепровских волостях — 7, в их числе Глуск, Быхов, Рогачев. Всего же отмечено на белорусских землях 194 таких частновладельческих поселения. Им соответствовали отмеченные на карте «второстепен-

---

[8] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. Приложение. Политическая карта Литовско-Русского государства конца XV—начала XVI в. (Подсчитано нами).

ные господарские места или села», на белорусских землях их было 71. Таким образом, из 265 поселений такого рода 73,2% были частновладельческими [9]. Следовательно, среди частновладельческих поселений городского типа большинство составляли мелкие города и местечки. Это объясняется политикой феодалов, стремившихся основывать ремесленно-торговые поселения возле центров своих владений.

Довольно трудно установить грань между городом и местечком. Эта трудность заключается, в частности, в том, что в документах начиная с XVI в. одно и то же городское поселение нередко называется и городом («город», «место»), и местечком. Польские историки XIX в. не установили соответствующего критерия и нередко относят местечки к категории городов (или смешивают их). Так, Т. Корзон утверждает, что в 1790 г. в Великом княжестве Литовском было 509 городов [10].

Это объясняется тем, что в феодальной Польше юридически города и местечки не были разграничены. Город (*civitas*) это или местечко (*oppidum*) — не имело правового значения, были лишь большие и маленькие городские поселения. Для фискальных целей городские поселения обычно подразделялись на наибольшие, главные, лучшие, большие, первенствующие города. Затем шли местечки: малые, меньшие, худшие города. В XVI в. города делили на четыре податные группы. Эти подразделения были условными и неустойчивыми [11].

В большинстве случаев и современные польские историки не считают существенным различать эти два вида городских поселений. Поэтому в своих исследованиях они часто рассматривают историю городских поселений Речи Посполитой в целом, называя их все городами [12].

---

[9] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление ко времени издания первого литовского статута. Приложение. (Подсчитано нами).

[10] T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794), t. I. W Krakowie, 1882, s. 294.

[11] Z. Kaczmarczyk, B. Leśnodorski. Historia państwa i prawa Polski, t. II. Od połowy XV wieku do r. 1795. Warszawa, 1968, s. 58.

[12] St. Pazyra. Geneza i rozwój miast mazowieckich. Warszawa, 1959; Z. Kulejewska-Topolska. Nowe lokacje miejskie w Wielkopolsce od XVI do końca XVIII wieku. Poznań, 1964; J. Morzy. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wiekn. Poznań, 1965.

Для городов обширного Венгерского королевства в XV в., включавшего Венгрию, Словакию, Хорватию, Трансильванию и Закарпатскую Украину, существовала разница между городом (*civitas*) и местечком (*oppidum*), обозначавшаяся теми же латинскими терминами, что и в Великом княжестве Литовском. Однако здесь *civitas* означало «свободный город», а *oppidum* — «помещичий или сеньориальный город». При этом последний термин означал также и аграрный, сельскохозяйственный городок. Но венгерский историк считает и те и другие поселения просто городами [13].

Польский историк Е. Охманьский утверждает, что местечки Великого княжества Литовского в отличие от городов имели преимущественно аграрный характер, более упрощенную социальную структуру населения, несколько иные хозяйственные функции. Главным же отличием местечка от города была численность населения. Е. Охманьский условно принял 100—150 «дымов» (домов) в качестве верхней границы заселенности местечек, считая 6—6,5 человек на дым, т. е. максимум 1000 жителей. Городские поселения с населением 1—3 тыс. человек он относит к категории малых городов [14].

Другой польский историк С. Александрович не согласен с Е. Охманьским. Он считает, что границей между городом и местечком в Белоруссии и Литве XVI и первой половине XVII в. может быть цифра 200 и даже 250 дымов [15]. З. Кулеевская-Топольская признает четыре категории городов в Польше в конце XVIII в. по численности их жителей. К первой категории относились самые большие города, численность жителей в них исследовательница не указывает. Она считает, что в больших городах было боле 500 дымов. В меньших (свыше 300) было городское управление, а жители занимались преимущественно ремеслом и торговлей. Города четвертой категории

---

[13] V. Bácskai. Mezőgazdasági árutermelés és árucsere a mezővárosokban a XV. században. «Agrártörténeti szemle». 1964, 1—2 szám, 2—6 l.; V. Bácskai. Magyar mezővárosok a XV. században. Budapest. 1965. 7—18 l.; «Средние века». вып. 36. М., 1973, стр. 50—56.

[14] J. Ochmański. W kwestii agrarnego charakteru miast Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku. «Studia historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego». Warszawa, 1958, s. 294.

[15] St. Alexandrowicz. Miasteczka Białorusi i Litwy jako ośrodki handlu w XVI i w połowie XVII wieku. «Rocznik Białostocki», t. I. Białystok, 1961, s. 65.

имели менее 300 дымов, население их занималось сельским хозяйством. Исследовательница называет такие города местечками, но отмечает, что многие из них были развитыми центрами ремесла и торговли [16].

Определенного критерия для понятия «город» нет и в современной литературе.

Советский исследователь Б. С. Хорев утверждает, что городские поселения в разных странах относят к городам по двум основным признакам: 1) административному статусу населенных пунктов, которые значатся в официальных списках городов (СССР, Болгария, Венгрия, Польша, Англия, скандинавские страны, Новая Зеландия, Египет, Турция, некоторые страны Южной Америки); 2) числу жителей в административных границах городской общины (Исландия — не менее 250 жителей, Шотландия — 1000, Ирландия — 1500, ЧССР, ГДР, ФРГ — 2000, США — 2500, Бельгия, Австрия — 5000, Швейцария, Испания — 10 000, Япония — 30 000) [17].

В наше время существует классификация городов по их величине, которая определяется численностью населения. Именно этот критерий зависит от экономической структуры города. Различают города большие (свыше 100 тыс. жителей), средние (50—100 тыс.), малые (меньше 50 тыс.) [18]. Разумеется, современная классификация для изучаемого нами периода не подходит.

Для определения города периода XVI—XVIII вв. можно принять условный критерий. Так, З. Ю. Копысский считает, что по числу жителей города Белоруссии второй половины XVI — первой половины XVII в. можно разделить на несколько групп: крупные — с населением 10 тыс. и более, средние — от 3 до 10 тыс., малые — от 1,5 до 3 тыс., местечки — от 200 до 1500 жителей. Он принимает показатель населенности дыма в 5 человек [19]. Позднее З. Ю. Копысский уточнил эти критерии, разделив все городские поселения Белоруссии на четыре категории: 1-я — свыше 1000 дымов, 2-я — более

[16] Z. Kulejewska-Topolska. Nowe lokacje miejskie w Wielkopolsce od XVI do końca XVIII wieku. Poznań. 1964, s. 51, 53.

[17] Б. С. Хорев. Городские поселения СССР. (Проблемы роста и их изучения). М., 1968, стр. 13.

[18] Г. Т. Максимов. Изучение системы городских поселений БССР методами математической статистики. Минск, 1972, стр. 18—24.

[19] З. Ю. Копысский. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—первой половине XVII в. Минск, 1966, стр. 27, 29.

500, 3-я — свыше 300, 4-я — менее 300 дымов. К последней категории он относит местечки[20]. В целом можно согласиться с этим и прежде всего с критерием, разделяющим города и местечки,—300 дымов. В городах с количеством дымов свыше 300 была достаточная концентрация населения, которое занималось преимущественно ремеслом и торговлей. В местечках же основное значение имели сельскохозяйственные занятия жителей. В этом смысле указанная цифра подтверждается и сеймовым постановлением 1775 г.[21] Что касается нижнего критерия для местечка, то его, на наш взгляд, можно опустить совсем, так как практически такой нижней границы не было. Существовали местечки, особенно частновладельческие, в которых «посреди нескольких халуп корчмы, при которых в определенные дни решета, метлы и горшки продаются»[22].

А. М. Карпачев для второй половины XVII—XVIII в. принял первый основной критерий, по которому к городам относятся поселения, в которых было не менее 300 дымов. Для определения городов он также учитывает «административно-политическое значение» городских поселений и «пользование самоуправлением по магдебургскому праву»[23].

В нашем исследовании, охватывающем XVI—XVIII вв., для отличия города от местечка принят критерий населенности городского поселения, взятый З. Кулеевской-Топольской, З. Ю. Копысским и А. М. Карпачевым (300 дымов) с учетом административно-политического значения городского поселения (центры поветов или крупных латифундий, ординаций). Однако по отношению к частновладельческим городам нельзя применить такой критерий, как городское самоуправление, так как не все частновладельческие города (даже большие) имели самоуправление. Особенность городов Белоруссии XVI—XVIII вв. состоит в том, что на протяжении всего этого

---

[20] З. Ю. Копысский. Города Белоруссии во второй половине XVI—первой половине XVII в. Автореф. дисс. Минск, 1967, стр. 15—16.
[21] Volumina Legum, t. VIII. Petersburg, 1860, s. 88.
[22] T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794), t. I. W Krakowie, 1882, s. 294.
[23] А. М. Карпачев. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Автореф. дисс. Минск, 1970, стр. 20—21.

периода шел процесс развития городских поселений; одни росли, другие к концу периода хирели. Здесь исследуются все частновладельческие города независимо от того, оставались в них заселенными свыше 300 дымов на протяжении всех трех столетий или нет. Численность городов расходится с данными прежних исследователей.

К середине XVII в., по подсчетам З. Ю. Копысского, на территории Белоруссии было 39 городов[24]. Перечень их подтверждает, что только 14 из них (более трети) были частновладельческими: крупный город — Слуцк, средние — Шклов, Быхов, Несвиж, Клецк, Копысь, малые города — Давид-Городок, Друя, Туров, Ружаны, Мир, Копыль, Дубровна, Высокое[25]. К ним следует добавить частновладельческий Толочин, принадлежавший в XVII в. Сапегам[26]. В 1621 г. в городе насчитывалось 314 домов[27]. Впоследствии Толочин пришел в упадок и превратился в местечко. Данные о количестве «дымов» и «жилых пляцев» в Горах и Горках в инвентарях второй половины XVII в. дают возможность отнести эти поселения к категории городов и в первой половине XVII в. Таким образом, в Белоруссии было 17 частновладельческих (40%), из общего количества — 42.

Общее количество городов Белоруссии в 70—90-х годах XVIII в., установленное А. М. Карпачевым, соответствует цифре, приведенной ранее З. Ю. Копысским,— 39[28]. Из названных А. М. Карпачевым городов частновладельческими были 12: Старый Быхов, Дубровно, Шклов, Копысь, Бешенковичи, Слуцк, Давид-Городок, Несвиж, Друя, Глуск, Мир, Копыль. Однако документы второй половины XVII—XVIII в. дают возможность дополнить этот список. Так, в 1687 г. Ружаны насчитывали 427 дымов, Раков в 1779 г. — 325, Горы (Великие) в 1683 г. — 270 жилых пляцев (без пустых довоенных 55);

---

[24] З. Ю. Копысский. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—первой половине XVII в., стр. 32—33.

[25] M. Baliński. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym opisana, t. III. Warszawa, 1846; Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. I—XV. Warszawa, 1882—1902.

[26] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III. Warszawa, 1846, s. 720.

[27] J. Morzy. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku. Poznań, 1965, s. 347.

[28] А. М. Карпачев. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Автореф. дисс., стр. 22—23.

Горки (Малые) в 1683 г. — 510 дымов, Туров в 1790 г. — 497 дымов, Клецк в 1791 г. — 290 дымов, центр ординации, Глубокое, в котором в 1775 г. насчитывалось 310 дымов [29], Стволовичи — центр мальтийской командории с 1616 г., выделенной из владений Радзивиллов, но остававшейся под их эгидой, центр Стволовичского повета в 1793—1795 гг., Холопеничи — Оршанского повета с 1775 до 1793 г., Чашники — Полоцкого воеводства в 1791—1793 гг., Черея — Витебского воеводства после первого раздела Речи Посполитой (город в 1775 г. был отнесен в податном отношении к восьми городам 2-го класса Великого княжества Литовского), Лепель — центр Полоцкого воеводства в 1773—1776 гг. [30]

Таким образом, во второй половине XVII—XVIII в. на территории нынешней Белоруссии насчитывалось 25 частновладельческих городов (49% общего их количества), а всего 51. При этом 4 города, получившие правовой статус (Холопеничи, Чашники, Лепель и Стволовичи), могут быть причислены к городам условно, так как они были административными центрами недолго. Большинство городов относилось к разряду малых. В начале этого периода крупными были лишь Слуцк и Старый Быхов. В XVIII в. они стали средними городами. Во второй половине XVIII в. Бешенковичи приблизились к разряду крупных. Средними оставались Давид-Городок, Несвиж, Горки, Друя, Черея. Остальные относились к малым.

В XVI—XVIII вв. в Белоруссии насчитывалось 27 частновладельческих городов. За три столетия крупными были 1—3 города, средними 5—7. Таким образом, в отличие от королевских в Белоруссии основную массу частновладельческих составляли малые города.

Большую группу представляли города, в течение почти всего или значительной части рассматриваемого периода принадлежавшие магнатской семье Радзивиллов: Несвиж, Клецк, Копысь, Давид-Городок, Мир, а также

---

[29] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3138, лл. 256—265 об.; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 183, лл. 1—19 об.; д. 371, лл. 61—70; д. 372, лл. 2—11 об.; ЦГИА Литовской ССР, ф. ДА, д. 11631, лл. 1—2; AP Kr., AS, пг 424/6, s. 4—23, 26, 35; O. Hedemann. Głębokie (szkic dziejów). Wilno, 1935, s. 7, 42.

[30] Volumina Legum, t. VIII, s. 390—391, 398, 573—574; t. IX, s. 333; M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 717; E. Kotłubaj. Galeria nieświeżska portretów radziwiłłowskich. Wilno, 1857, s. 318, 332; Słownik geograficzny..., t. I, s. 775—776; t. XI, s. 364—365.

Слуцк и Копыль, Стволовичи, Глубокое. Магнатская семья Сапег владела Старым Быховом, Друей, Ружанами, Высоким, Дубровно, Толочином, Бешенковичами, Горами, Горками, Череей; Ходкевичи были владельцами Шклова, Глуска; Хрептовичам принадлежали Холопеничи, Сангушкам — Раков, виленскому католическому монастырю бернардинок — Лепель. Разумеется, некоторые города переходили от одних владельцев к другим, но больше половины из них (особенно принадлежавшие наиболее могущественным магнатам Литвы и Белоруссии — Радзивиллам и Сапегам) находились во владении магнатских семей многие десятки и сотни лет. При этом более двух третей из общего количества частновладельческих городов принадлежали семьям Радзивиллов и Сапег.

Частновладельческие города находились обычно в центре феодальных владений, крупных латифундий или меньших вотчин, часто на берегах рек. Они представляли собой, как уже отмечалось, не только ремесленно-торговые и административные центры, но, как правило, и военные опорные пункты, а самые большие из них были крепостями. Они совмещали функции экономического, общественно-политического и религиозного центра и военно-административного пункта.

Географическое положение частновладельческих городов в Белоруссии характеризовалось концентрацией их в двух основных группах: в центре Белоруссии, где были расположены главные латифундии Радзивиллов, и в северо-восточной части Белоруссии, где были крупные феодальные владения Сапег, Ходкевичей и других магнатов. На западе Белоруссии лишь два города принадлежали Сапегам — Ружаны и Высокое.

По численности населения и административно-хозяйственному значению различались два типа частновладельческих городов — крупные и средние (ремесло и торговля в них получили большое развитие), которые были центрами магнатских латифундий, и малые города, в которых наряду с развитием ремесла и торговли значительная часть населения занималась сельским хозяйством. Ко второму типу частновладельческих городов примыкали крупные местечки. Как малые города, так и крупные местечки представляли собой административно-хозяйственные центры сравнительно небольших вотчин или

территориальных подразделений магнатских латифундий (волостей). При этом торговля играла значительную роль в деятельности их жителей. Малые города и местечки были центрами локальных рынков.

На формировании и развитии частновладельческих городов Белоруссии отразились общие политические и социально-экономические условия феодальной эпохи, которые тормозили рост ремесла и торговли. Сами частновладельческие города были одним из факторов, способствовавшим укреплению в стране фольварочно-барщинной системы, которая в свою очередь непосредственно влияла на них.

В целом эти города отставали в своем развитии от королевских. Известную роль в этом сыграло и более позднее по сравнению с королевскими городами формирование частновладельческих как центров ремесла и торговли и административных центров магнатских латифундий и меньших феодальных владений (вторая половина XVI — первая половина XVII в.). Существовало и определенное соперничество с близлежащими королевскими городами, что при недостаточной экономической и политической силе мещанства подрывало единство, разобщало мещан перед лицом магнатов.

На развитие частновладельческих городов накладывала отпечаток и политика того или иного магната по отношению к городу, ему принадлежавшему, злоупотребления магнатской администрации.

В целом в этот период в Речи Посполитой, несмотря на некоторые меры, содействовавшие развитию частновладельческих городов, магнаты проводили недальновидную политику, используя свои города как источник доходов независимо от интересов самого городского населения. Известную роль в сословном и политическом разобщении городского населения сыграла и политика протекционизма магнатов в принадлежавших им городах по отношению к еврейской части населения (особенно с первой половины XVIII в.), которому передавалась аренда части доходов с городов и местечек взамен за гарантированную выплату владельцу крупных денежных сумм [31].

---

[31] Miasta polskie w tysiącleciu, t. I. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, s. 51, 66—67.

Все это сказалось на структуре частновладельческих городов, в большинстве своем представленных малыми поселениями. Характерной особенностью частновладельческих городов Белоруссии было то, что в течение XVI—XVIII вв. численность их мало изменялась, что зависело и от количества уже установившихся магнатских латифундий и вотчин. Магнатам не нужны были новые ремесленно-торговые центры. Их нужды, доходы и политику обеспечивали уже имевшиеся города. Поэтому численность крупных и средних частновладельческих городов не испытывала сколько-нибудь серьезных колебаний. Некоторая перестановка названий в категориях крупных и средних городов во второй половине XVII—XVIII в. по сравнению с предыдущим периодом связана с возросшим значением латифундий Сапег, ряд их городов достиг уровня крупных и средних, а также с сохранением значения владений Радзивиллов. Только двум этим магнатским родам принадлежали крупные и средние частновладельческие города. Развитие их поддерживалось феодальным магнатским землевладением.

2. Городские земли. Юрисдики

Основой производственных отношений феодального общества была феодальная земельная собственность и личная зависимость крестьян от феодалов. Здесь рассматривается только вопрос о феодальной собственности на землю. К. Маркс отмечал: «...Монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме» [32]. Таким образом, монополия феодалов на землю, т. е. та или иная форма частной собственности на землю, составляет основную черту и феодального способа производства.

Земля в феодальном обществе составляла основное средство производства. Поэтому королевская власть могла укрепиться и подчинить себе раздробленные феодальные земли в рамках единого централизованного государства, только обусловив собственность феодалов на землю

---

[32] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 166.

службой королю (в форме бенефиция, феода и т. п.). Но по мере укрепления феодального централизованного государства эти ограничения собственности феодалов на землю во всех европейских государствах уменьшились и затем совсем исчезли. Аналогичный процесс происходил и в Великом княжестве Литовском.

Правовые отношения частновладельческих городов, в том числе в земельном владении, не зависели от того, по какому праву магнаты владели своими латифундиями — по аллодиальному (Слуцкое княжество в XVII—XVIII вв.) или на правах ординации (Несвижская, Клецкая). Городская земля принадлежала магнатам. Характерно, что царское правительство в XIX в. считало городские земли частновладельческих городов собственностью вотчинников (владельцев городов) [33].

Магнаты наделяли города землей. Частновладельческие города входили в состав магнатских вотчин, центрами которых они были, и получали земли из земельного фонда этих вотчин.

Городской общине передавались на «вечные времена» земля, на которой был расположен город, пахотные земли и городские фольварки за городом, земля под огороды, сенокосы и выгоны. Однако земля, на которой располагался город, а также другие его земли продолжали оставаться собственностью владельцев города. Владелец «жаловал» землю городской общине во владение с условием выполнять определенные повинности.

Так, пожалование земель общине Слуцка произошло, по-видимому, еще в 40-х годах XV в., когда город получил самоуправление. Однако право вотчинной собственности владельца на городские земли никогда не вызывало сомнения у верховной власти феодального государства. Так, в привилее великого князя Сигизмунда Августа (1557 г.) двум братьям Олельковичам, слуцким князьям, было указано: «Что касается всех владений вообще и самого Слуцка в частности, не только доходы общие, но и гарантируется владение землей, а также право поисков с нее доходов князьям, наследственным владельцам» [34]. В ответе («реплике») на просьбу слуцких мещан князь Богуслав Радзивилл, не желавший делиться ни с

---

[33] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5373, л. 60; оп. 3, д. 4069, л. 27; оп. 7, д. 839, л. 1.

[34] Там же, оп. 4, д. 1618, л. 9.

кем своими доходами с города, 25 января 1662 г. запретил мещанам продавать шляхте свои земельные участки, «которые являются собственностью князя, а не мещан» [35]. Сенат Российской империи, решавший вопрос о покупке Слуцка у его владельца, князя Витгенштейна, в указе от 30 июля 1831 г. отмечал, что Витгенштейн имел все права на владение городом. При покупке Слуцка казной в купчую крепость были включены городские земли — пляцовые, огородные, пахотные, сенокосные, пастбищные, заросшие кустарником, находящиеся под водою, улицы и дороги [36].

В начале 1586 г. владелец Несвижа Миколай Крыштоф Радзивилл (Сиротка) предоставил несвижским мещанам «вольность»: «С пляцев рынковых, уличных, с прентов огородных и гуменных и с моргов всяких, имея их в вольном держании, ничего с них платить не будут вечно» [37]. В 1677 г. наместник владельца города Бернович обменял «земли городские для католического монастыря св. Михаила» из «Новомейских волок» на часть Зарецкого поля, принадлежавшего магнату, который утвердил этот принудительный для города обмен [38]. В 1846 г. в документе минского инвентарного комитета о Несвиже говорилось: «Город сей принадлежит к вотчинничеству князя Вильгельма Радзивилла». Аналогичное право владения городскими землями после их передачи мещанской общине осталось за владельцами и в других городах — Клецке, Мире, Давид-Городке, Быхове и др.[39]

Сохранилось очень мало данных о первоначальной территории городов и городских поселений в XVI в. Архивные документы дают возможность проследить лишь развитие, в том числе и территориальное, городов главным образом в XVII—XVIII вв. Можно с уверенностью сказать, что городские поселения, как правило, не создавались на пустом месте, а вырастали из существовавших уже населенных пунктов на освоенной и обжитой территории. Так, город Бешенковичи вырос из села, принад-

---

[35] AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, Priwilegia y listy, k. 11.
[36] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 4069, л. 27; оп. 7, д. 839, л. 1.
[37] AGAD, AR, dział XV, teka 5, nr 1.
[38] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1361, л. 20.
[39] Там же, оп. 1, д. 621, лл. 20—21; оп. 2, д. 1742, лл. 1—52; д. 3139, л. 151; д. 5373, л. 60; оп. 4, д. 1305а, лл. 56—57; Biblioteka Czartoryskich, Rkps. 1653, s. 36.

лежавшего в 1490—1505 гг. князьям Соколинским; село это в 1634 г. было уже местечком, а в XVIII в. стало городом. Такие населенные пункты возле укрепленных господских дворов, имевшие характер торговых поселений и ремесленных слобод, были предшественниками частновладельческих городов. Часть частновладельческих городов XVI—XVIII вв. сохранялась на территории бывших древнерусских (Туров, Заславль, Копысь, Слуцк, Клецк, Копыль, Быхов).

Основным элементом городской территории в частновладельческих поселениях были выделенные для застройки участки, усадьбы горожан, улицы, торговая площадь («рынок»). Отдельно городу предоставлялись сельскохозяйственные угодья — огороды, поля, луга, выгоны, иногда и лес.

В принципе характер городского поселения в XVI—XVIII вв. не изменился. Земля была разбита на отдельные участки, на которых располагались усадьбы горожан с домами, халупами (в зависимости от имущественного положения), с двором и хозяйственными постройками. Центром городского поселения был рынок, торговая площадь: в более крупных городах — с торговыми рядами лавок, в малых и местечках — с торговыми рядами под навесом или без него.

Огороды, участки для гумен, пахотные поля, луга, сенокосы, выгоны находились за пределами поселения, но на городской земле. Если позволяла площадь усадьбы, небольшие огороды были в черте города. Нередко в пределах поселения земля («пустые пляцы») отводилась на поля и огороды.

В актовых книгах Несвижского магистрата XVIII в. зафиксированы сделки о продаже огородных участков, участков под гумно в самой городской черте [40]. На плане Несвижа 1793—1796 гг. указаны «обывательские домы и огороды» в пределах городской черты [41]. В 1683 г. в Горках на 510 дымов 108 домохозяев имели в городе 172 «сноповых пляца», с которых выплачивался в казну магната повышенный чинш — по 1 злотому с пляца [42]

[40] ЦГИА БССР, ф. 1819, оп. 1, д. 1, лл. 6 об., 7; д. 4, л. 8; д. 6, л. 72 об.

[41] Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее ГПБ), отдел рукописей, ф. 342, № 1434.

[42] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 372, лл. 5—12.

(название «сноповый» происходит от прежнего натурального оброка за пользование такими участками). В 1750 г. в городской черте Слуцка также находились огородные участки на усадьбах горожан и на «пустых» (незастроенных) местах[43].«Обывательские дворы с огородами» в Слуцке отмечены на плане города 1793—1796 гг. В 1767 г. упоминаются огороды в городской черте Клецка[44].

Одной из самых старых частей частновладельческого города была резиденция владельца — замок, укрепленный двор, дворец или просто большой дом. Эти здания неоднократно перестраивались. Именно около этой резиденции группировались дома горожан. Однако возникновение таких укрепленных резиденций относится к более раннему периоду. В качестве примера можно привести замки (деревянные или чаще каменные). Так, в начале XVI в. в Несвиже был построен небольшой деревянный замок в 200 м от домов несвижских мещан. В 1547 г. появился новый деревянный замок, а в 1583 г. начато и около 1600 г. (судя по рисунку Т. Маковского) закончено строительство каменного замка[45]. В 1506—1510 гг. был построен замок в Мире. В 1590—1610 гг. владелец Быхова Ян Кароль Ходкевич воздвиг в этом городе укрепленный замок. В 1643 г. такой же замок был в Шклове. Замки стояли и в других частновладельческих городах. В Слуцке еще в XV в. при впадении реки Бычок в Случь были построены Нижний и Верхний замки. Последний был возведен на насыпном холме, называвшемся Копец (ныне Безбожная Горка), а у основания холма стоял Нижний замок. Замок владельца города, как уже отмечалось, располагался обычно в центре, но иногда находился и на окраине (например, в Несвиже).

Хотя с 1413 г. законодательство Великого княжества Литовского неоднократно утверждало право свободного наследования вотчин детьми прежнего владельца[46], а следовательно, и раздела, феодалы не делили городские поселения при передаче в наследство, по-видимому, из-за недостаточного их хозяйственного развития в XV в.

---

[43] AGAD, AR, dział XXV, nr 3838/1, s. 14—155.

[44] ГПБ, отдел рукописей, ф. 342, № 1433; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3152, л. 21.

[45] B. Taurogiński. Z dziejów Nieświeża. Warszawa, 1937, s. 9, 23.

[46] Белоруссия в эпоху феодализма, т. 1. Минск, 1959, стр. 116; J. Bardach. Studia z ustroju i prawa W. K. Litewskiego XIV—XVII w. Warszawa, 1970, s. 151.

До XVI в. частновладельческие поселения развивались как единые комплексы в юридическом и градостроительном отношениях. В XVI в. известны случаи раздела поселений между отдельными владельцами, как правило, братьями. Так, в 1552 г. замок Друя принадлежал князьям Юрию и Ивану Мосальским, а тогдашнее местечко Друя было разделено между ними поровну: у каждого по 56 дымов[47]. В 1557 г. Слуцк принадлежал Юрию и Семену Олельковичам, а раздел города был проведен чересполосно, как значилось в подтвердительной грамоте великого князя: «А можете и на углы все место разделити водле баченья своего, якобы каждого з их милости подданные посполу седели»[48]. Но такие разделы были временными и в какой-то мере условными, они не отражались на градостроительстве.

Разделенные поселения, часто находившиеся во владении членов одной семьи и через некоторое время становившиеся собственностью одного владельца, представляли неудобства в управлении ими и распределении доходов. Поэтому в XVI в. феодалы все чаще при разделах наследства стремились передавать города и местечки различным владельцам без раздела. Эта тенденция проявлялась все больше с развитием товарно-денежных отношений и в связи со стремлением феодалов укрепить свои индивидуальные права на имение и город, освободиться от семейной коллективной собственности (так называемое право «неделимого имения»), а также в связи с влиянием на законодательство Великого княжества Литовского классического римского права, опиравшегося на индивидуальную собственность[49]. Дальнейшими шагами в укреплении единонаследия и сохранении владений, в том числе и городов, в руках одного феодала были практика завещаний в пользу одного лица и создание ординаций, которые находились во владении старшего представителя старшей линии одной магнатской семьи. В Белоруссии в 1579 г. по соглашению между тремя братьями Радзивиллами были созданы Несвижская и Клецкая ординации[50].

---

[47] Полоцкая ревизия 1552 года. М., 1905, стр. 105, 107.
[48] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 2.
[49] J. Bardach. Studia z ustroju i prawa W. K. Litewskiego XIV—XVII w. Warszawa, 1970, s. 172—173.
[50] Z dokumentów Xięcia Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła zwanego Sierotką. Warszawa, 1936, s. 9—23.

Многие частновладельческие города Белоруссии, как и великокняжеские (королевские), состояли из 2—3, иногда 4 и более частей, возникших в разное время. Такие части получали особые названия и свидетельствовали о времени основания той или иной части либо о происхождении названия местности, дороги. Так, нередко встречалось название «Старый город» («Старое место») и «Новый город» («Новое место») для двух основных частей. Как правило, такое разделение названий уже встречалось в XVI в.

В Слуцке в начале XVI в., судя по данным хроники Быховца, было две части города, одна с замком на правом берегу Случи, другая за Случью, т. е. Старый и Новый город (иначе Заречье). Заречье более позднего происхождения и в XVI в. уже называлось Новым городом[51]. В завещании князя Юрия Олельковича (1578 г.) упоминаются основные исторически сложившиеся части города, названия которых сохранялись в течение XVI—XVIII вв. — Старый город, Новый город, предместье Остров на правой стороне Случи, вверх по течению, предместье Тройчаны, примыкавшее к Старому городу с юга. К Острову примыкал Ново-Островский двор[52], вошедший в конце XVI в. в черту этого предместья, и в документах XVII в. он не упоминается. Кроме того, к предместью Остров в XVIII — начале XIX в. относилась и небольшая деревня Падзеры («на грунте городском»)[53].

В Несвиже при расширении поселения в 80-х годах XVI в., предпринятом Миколаем Крыштофом Радзивиллом из престижных соображений, за Слуцкой брамой на другой стороне Уши к 1586 г. был построен Новый город (в отличие от Старого). В 1626 г. в Несвиже существовало предместье Казимеж к северо-западу от Старого города. В инвентаре Несвижа 1673 г. отмечен Старый город и два предместья — Новый город и Казимеж[54]. В Шклове в XVII—XVIII вв., кроме собственно города, были предместья Рышковское, Ходуловское и Заднепровское, а также поселения на волоках Рышковских и Ходуловских. В Старом Быхове в 30-х годах XVII в. за Днепром была

[51] Хроника Быховца, стр. 117; M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 668.
[52] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1922, л. 95.
[53] AGAD, AR, dział XXV, nr 3839a, s. 47; nr 3854, s. 136.
[54] Ibidem, dział XV, tęka 5, nr 12; dział XXV, nr 2669/3, kk. 6—17.

выстроена слобода Леоновка [55]. В Горках в XVII в., кроме собственно города, были предместья Заречье и Казимерово, а в Горах — Заречье [56]. В Невеле (40-е годы XVIII в.) предместья носили оригинальные названия — «за Спасскими», «за Луцкими», «за Егоровскими воротами» [57]. В 1643 г. в Кейданах было основано предместье Новые Кейданы (Янушов). В Мире в 1693 г. (и в последующий период) были Старый и Новый город (предместья Минское и «за Слонимскими воротами»). В XVIII в. последнее называлось Слонимским предместьем. По-видимому, эти части были основаны еще в конце XVI в., о чем свидетельствует привилей 1579 г.[58] В Друе существовали три части города: Друя (или Старый город) и основанная Яном Станиславом Сапегой и заселенная с 1620 г. восточная часть города — Сапежин (или Новый город), а также Придруйск, предместье за Западной Двиной (ныне Пиедруя в Латвийской ССР). Принадлежавший Сангушкам Раков также имел в XVIII в. предместье — Слободу [59]. Даже небольшое местечко Горволь, принадлежавшее виленскому католическому капитулу, в XVIII в. имело предместье — Слободу [60].

Создание различных частей города в XVI в. было проявлением городской политики феодалов, расширявших городские поселения, привлекавших новых поселенцев и распространявших на них городские права и привилегии для увеличения и гарантированного поступления доходов. Как уже отмечалось, с XVI в. феодалы добились права создавать на своих землях города. Юридически проще всего это было сделать, основав рядом с городом (Старым городом) новое поселение (Новый город), расширив на него права, которые имел уже Старый город. Со второй половины XVII в. урбанизационная политика магнатов по созданию новых городов была прекращена. Города в центрах магнатских владений уже существовали.

Часто для привлечения мещан в частновладельческие города магнаты основывали в них слободы — предместья или отдельные улицы. Новопоселенцам давались опреде-

[55] Biblioteka Czartoryskich, Rkps. 1653, s. 36; Rkps. 4470, kk. 26—48; nr 4474, kk. 30—45; nr 4493, kk. 4—5, 8, 10—16; nr 4503, kk. 4—16.
[56] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 372, лл. 2—11 об.
[57] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5939, л. 15.
[58] Там же, оп. 4, д. 1305а, лл. 56, 101—112, 119.
[59] AP Kr., AS, nr 424/5, s. 18—32; nr 424/6, s. 4—21.
[60] Ibidem, nr 544/1; 544/2.

ленные льготы, они временно освобождались от податей и других повинностей. Так, новопоселившиеся мещане слободы Леоновки в Быхове в 1638 г. были освобождены владельцем города Казимиром Леоном Сапегой от уплаты податей и выполнения повинностей на 14 лет[61]. По истечении льготного срока мещане-слобожане выполняли все те повинности и платили подати, что и другие мещане. Таким образом, население городских слобод полностью сливалось с остальными горожанами, а слободы теряли свое назначение и особенности. Оставалось лишь название части города или улицы. Слободы возникали в XVI — первой половине XVII в. Во второй половине XVII—XVIII в. магнаты их уже не основывали. Это было связано и с общим упадком городов Речи Посполитой.

В 1643 г. в Заднепровском предместье Шклова зафиксирована вторая заднепровская слободская сотня (всего здесь было 4 сотни); в том же городе за рекой Черницей стояла слобода (Чечулинская)[62]. В Горках в 1683 г. существовала созданная раньше Казимирова слобода[63]. В 1565 г. в Слуцке в Новом городе находилась слобода, заселенная мещанами[64]. В Невеле в 30—60-е годы XVIII в. была слобода Сукино. В 1748—1760 гг. в Смолянах существовала слобода Казимирово. В Ракове в XVIII в. предместье называлось Слободой, так же как и в Горволе[65].

Слободские улицы были в Клецке (1626, 1792 гг.), Копыле (1670, 1750 гг.)[66]. Их названия сохранились до конца XVIII в.

С поселением на слободе связано право переселенцев из других городов в магнатские (не обязательно на специально выделенные улицы) не только принимать гражданство данного города, но и право свободного выезда из него.

Основание новых частей города и слобод в XVI — первой половине XVII в. составляло часть урбанизацион-

[61] Biblioteka Czartoryskich, Rkps. 1653, s. 37.
[62] Ibidem, Rkps. 4470, kk. 33—36, 42—43.
[63] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 371, лл. 3 об.—4, 12 об.—13.
[64] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Wypis z Xiąg Ziemskich...
[65] AP Kr., AS, nr 424/5, s. 18—32; nr 424/6, s. 4—21; nr 544/1; nr 544/2; nr 591/1; nr 591/2.
[66] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3135, лл. 15—15 об.; д. 3152, л. 104; AGAD, AR, dział XXV, nr 3833, s. 216; nr 3838/1, s. 250—253.

ного процесса, проводившегося магнатами. Оно было направлено на увеличение городов, придание им значения ремесленно-торговых центров, на заселение опустевших после эпидемий, стихийных бедствий и войн городов. Сюда относилось также переманивание магнатами мещан из королевских городов Белоруссии, что создавало известную конкуренцию с королевскими городами. Процесс урбанизации прекратился в последующий период в связи с общим упадком городов Белоруссии и усилившейся анархией в Речи Посполитой, вызванной прежде всего политикой самих магнатов.

Городские земли, находившиеся во владении городской общины, оставались собственностью феодала, сеньора. Эта собственность обеспечивала получение им от горожан денежной ренты и других повинностей. Владение городом полученными землями имело большое хозяйственное значение для горожан, так как городское землевладение охватывало не только сельскохозяйственные угодья, но и земли, на которых стояли дома, мастерские, лавки, общественные здания (ратуши, цеховые дома) и другие постройки.

Мещане, жители частновладельческого города, имели как члены городской общины в числе привилегий и право на владение земельными участками. Такое же право получали по привилегиям магнатов и проживавшие в таких городах евреи [67], которые не входили в состав мещанской общины, а составляли свою особую национально-религиозную общину (кагал), носившую сословный характер. На них не распространялось право покупки полевых участков на городских землях. Шляхта тоже имела право на владение землей, равно как и церковь. Но вся земля города оставалась собственностью сеньора. Таким образом, город представлял собой в целом как бы одну феодальную юрисдику, которая, однако, не была чем-то единым. Она в свою очередь делилась на самостоятельные юрисдики. Инвентари белорусских частновладельческих городов свидетельствуют об интересной закономерности: чем больше город, чем более развиты в нем ремесло и торговля, тем более шляхта стремилась основать свои, пусть и небольшие, юрисдики. Это было связа-

[67] AGAD, AR, dział XV, nr 13; dział XXIII, teka 132, plik przywilejów żydom, s. 25—27, 44—45; teka 133, Postanowienie o porządkach...

но не только с экономическим развитием города, но и с его административной функцией — в вотчинной администрации магната, в его войсках служило немало шляхты, оседавшей в городе.

Самой большой была, естественно, городская юрисдика, подчиненная непосредственно магистрату или другому органу мещанского управления (в актовой записи 1725 г. даже встречается выражение «юрисдика городская»)[68]. Существовали монастырские и церковные юрисдики, чаще всего небольшие. Евреи были индивидуальными владельцами земельных участков. Отдельной кагальной юрисдики не существовало, и кагал не распоряжался земельными участками евреев. В отличие от мещанских земельных участков, отчуждение которых производилось с ведома магистрата, отчуждение земельных участков, принадлежавших евреям, производилось с ведома замковой (магнатской) администрации или городского магистрата[69].

Мещане были собственниками своих домов, владельцами усадебных земельных участков, огородов, садов, полей, сенокосов, лугов и фольварков за городом. Многочисленные документы в городских актовых книгах свидетельствуют, что мещане продавали, дарили, завещали наследникам, меняли, закладывали, жертвовали церкви свои дома и земельные участки. Однако распоряжаться своим недвижимым имуществом мещане белорусского частновладельческого города в полной мере не могли. Они не имели права продавать свои участки и дома шляхте, а в некоторых случаях и духовенству[70]. Магнаты не хотели делиться доходами с другими феодалами. В уставе Крыштофа Радзивилла для Слуцка (1621 г.) значилось: «Чтобы ни один мещанин шляхтичу не смел дом продавать без моего согласия»[71]. Это же подтвердил в 1662 г. Богуслав Радзивилл: «Чтобы мещане и евреи, граждане слуцкие, домов шляхте не продавали и не передавали как залог без нашего разрешения...»[72] Аналогичное, но более категоричное решение было принято владельцем Несвижа в 1692 г.[73]

[68] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 699, л. 4.
[69] AGAD, AR, dział XXIII, Postanowienie o porządkach...
[70] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 5; ф. 1825, оп. 1, д. 3, л. 54.
[71] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna..., k. 11.
[72] Ibidem, dział XXIII, teka 154, Ustaw dla Miasta Słucka...
[73] Ibidem, dział XV, teka 5, nr 26.

Горожане имели право продавать дома только подданным владельца города. Запрет продажи домов шляхте был подтвержден в мае 1792 г. князьями Мацеем и и Юзефом Радзивиллами, опекунами малолетнего Доминика Радзивилла, владельца Слуцка: «Без выданного согласия слуцкие мещане пляцы и загородные участки, принадлежащие городу, шляхте продавать не имеют права...» [74]

Эти факты свидетельствуют о том, что, несмотря на запреты магната, мещане продавали свои дома и земельные участки шляхте. Таким путем в частновладельческом городе создавались шляхетские юрисдики, как это было и в королевских городах. Именно поэтому магнаты вынуждены были подтверждать строгие запреты продажи домов и участков, нарушавшие не только права магната, но и главным образом сокращавшие его доходы. Следовательно, магнат проводил политику в отношении феодальных юрисдик, обратную той, которой придерживался в королевском городе, где он стремился увеличить свои юрисдики.

По уставу Слуцка 1621 г. выморочное имущество мещанина переходило к владельцу города [75]. Это так называемое «кадуковое право» распространялось и на недвижимое имущество. В актовой книге слуцкого замкового суда за 1690 г. есть запись о том, что «...дом здесь, в... Слуцке на улице Устиновской... с пляцем и строениями... после покойника Федора Шуменки, как не имевшего потомства, в распоряжение казны сиятельнейшей княгини по кадуку перешел» [76]. Таким образом, права магистрата как владельца городских земель также ограничивались.

В частновладельческих городах существовали замковые юрисдики. Их составляли прежде всего земельные участки, на которых был расположен замок или дворец магната, вспомогательные службы, хозяйственные помещения, здания владельческих мануфактур, казармы, сады. Небольшую часть замковой юрисдики занимали жилые дома, в которых квартировали мещане или другие жители. Горожане, снимавшие княжеские дома или отдельные комнаты в них, освобождались от повинностей

---

[74] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr. 32.
[75] Ibidem, teka 133. Ustawa ogólna..., k. 8.
[76] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1607, л. 24.

в пользу города. Вместе с тем они сохраняли права мещан. В 1757 г. в актовой книге слуцкого замкового суда упоминаются мещане Ян и Регина Жупранские, «в юрисдике замковой проживающие»[77]. Всего в замковой юрисдике в Слуцке в 1775 г. насчитывалось 22 дыма из общего количества 833 (т. е. 2,6% всех домов), в том числе 2 княжеских замка. В 1780 г. общая площадь юрисдики, кроме замков, составляла 8,8 га[78]. В малых городах и местечках замковая юрисдика была соответственно меньшей. К ней относились мещане и евреи, освобожденные за услуги магнату от городских повинностей и уплаты чинша в казну владельца города.

Несмотря на ограничения, шляхта с разрешения магната покупала дома и земельные участки. Так, в 1741 г. в Слуцке было 73 шляхетских усадьбы (т. е. 6,2% всех домов в городе)[79]. Шляхта имела право продавать, передавать по наследству, дарить свои земельные участки и дома. Специального разрешения владельца города на продажу дома шляхтичем шляхтичу не требовалось, так же как не нужно было этого при продаже недвижимого имущества шляхтичем мещанину или еврею, т. е. «подданому» магната[80]. В отличие от королевских городов Белоруссии, где в течение XVI—XVIII вв. для роста шляхетской собственности были благоприятные условия, в частновладельческих попытки шляхты создать свои юрисдики пресекались владельцем, который руководствовался прежде всего экономическими интересами. Магнат давал разрешение на покупку домов в городе главным образом тем шляхтичам, которые служили в его администрации и войсках. Это не было отказом от его обычной политики в этом вопросе. Он закреплял в городе нужных ему лиц. На XVIII в. приходится значительное увеличение офицеров в гарнизонах и лиц, служивших в магнатской администрации. Практически в частновладельческих городах шляхетские юрисдики не сложились. Небольшой удельный вес занимали здесь духовные юрисдики. Инвентари Слуцка дают возможность проследить динами-

---

[77] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 699, л. 270.
[78] Там же, оп. 2, д. 7396, лл. 17—19. Подсчет наш.
[79] Там же, д. 7408, лл. 10—11.
[80] Там же, оп. 4, д. 1607, лл. 24—25; д. 5815, л. 25; ф. 1825, оп. 1, д. 3, л. 2.

Таблица 1*

Количество жилых домов и удельный вес юрисдик в Слуцке

Юрисдики и дома групп населения	1689 г.		1728 г.		1775—1785 гг.	
	количество домов	%	количество домов	%	количество домов	%
Замковая юрисдика	5	0,4	1	0,1	22	2,6
Шляхетские усадьбы	32	2,5	73	6,2	нет данных	
Дома духовенства, церковные и монастырские	39	3,0	58	4,9	36	4,3
Церковные и монастырские юрисдики	50	3,9	53	4,5	82	9,8
Городская юрисдика	906	70,1	737	62,6	528	63,4
Дома унтер-офицеров и солдат	69	5,2	27	2,2	нет данных	
Дома евреев	192	14,9	228	19,5	165	19,9
Всего	1293	100	1177	100	833	100

* Таблица составлена по данным инвентарей Слуцка (AGAD, AR, dział XXV, Nr 3835/1, s. 3—135; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1621, лл. 394—395; ф. 1825, оп. 1, д. 5, лл. 4—40; д. 10, лл. 23—24). (Подсчитано нами).

ку развития юрисдик по второй половине XVII—XVIII в. (см. табл. 1).

Мещане, жившие в монастырских и церковных юрисдиках, выполняли повинности не в пользу города, а в пользу владельцев юрисдик, в чем и заключалось единственное их отличие от мещан городской юрисдики. Но повинности в пользу магната они выполняли, как и все остальные мещане[81]. В актовой книге 1736 г. есть запись о статусе такого юрисдичанина: «...Ян Охремович, мещанин слуцкий из предместья Тройчан, архимандрии слуцкой принадлежащий...» Жители духовных юрисдик могли покупать и продавать земельные участки в любой части города, как и остальные мещане. В таких случаях они выполняли городские повинности с купленых участков. Продажа участков в юрисдиках другим мещанам

[81] AGAD, AR, dział XXV, nr 3835/1, s. 3—135.

производилась ими в обычном порядке: согласия владельцев юрисдик не требовалось[82].

Хотя многие магнаты покровительствовали церкви и отводили ей в городах земельные участки, духовные юрисдики были небольшими. В 1566 г. в Слуцке существовала монастырская юрисдика, а в ней «люди монастыря Святой Троицы, которые при городе Слуцке проживают». В 1678 г. в ней было 26 хозяев; с них архимандрит Троицкого монастыря получал чинш 300 злотых в год. Кроме того, юрисдичане выполняли некоторые хозяйственные работы в пользу монастыря (участие летом в полевых работах). В 1775 г. здесь насчитывалось уже 50 дымов. В 1650 г. Ильинский православный женский монастырь владел юрисдикой из 22 домов. В 1775 г. в ней насчитывалось 13 дымов. Небольшие юрисдики принадлежали и слуцким православным церквам. Так, в 1728 г. находившаяся в Тройчанах церковь Святого Стефана имела юрисдику в 0,75 га с 9 дымами. Юрисдикой Успенской (или Замковой) церкви, находившейся в княжеском замке, был так называемый Калечий угол (около 0,1 га). Здесь в 1689 г. стояло 19 хат «бедных и нищих»[83]. В 1775 г. в юрисдике Спасо-Преображенского братского монастыря было 9 дымов, а в юрисдике замковой церкви — 10[84]. Всего в 1775 г. в городе насчитывалось 82 дыма юрисдичан. К концу XVIII в. духовные юрисдики выросли, но за исключением юрисдики Тройчанского монастыря были небольшими.

В Турове, судя по грамоте пинского и туровского князя Федора Ивановича Ярославича и его жены Олены Семеновны (из рода Олельковичей), в 1518 г. существовала юрисдика туровского и пинского православного епископа[85]. В Несвиже в феврале 1585 г. Радзивилл подтвердил право несвижского приходского костела на его давнишнюю юрисдику в городе: 16 дымов возле костела[86] (7% всех домов). В 1720 г. католическое духовенство имело

[82] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 699, л. 255; ф. 1825, оп. 1, д. 7, лл. 34, 45.

[83] AGAD, AR, dział XXIII, teka 130, Attestatia abjuraty...; dział XXV, nr 1767, s. 221; nr 3835/1, s. 72, 73.

[84] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1621, лл. 394—395; ф. 1825, оп. 1, д. 10, л. 23.

[85] Архив ЛОИИ СССР АН СССР. Русская секция, коллекция 52, оп. 2, картон 14, ед. хр. 3, № 2.

[86] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 100, л. 3.

несколько своих юрисдик. Иезуиты имели 9 юрисдичан. В юрисдике несвижского плебана проживало 12 человек. Мужские монастыри — доминиканский, бернардинский, бенедиктинский и женский бенедиктинский имели свои юрисдики. Кроме того, в юрисдике униатского попа жило 7 мещан. Всего духовенство Несвижа в юрисдиках располагало 43 пляцами [87].

В 1651 г. в Клецке в юрисдике костела проживало 10 «огородников мещан, принадлежащих клецкой плебании», с семьями — всего 15 душ мужского пола [88]. В 1683 г. магнат основал в Клецке доминиканский монастырь и передал ему участки в городе под юрисдику. В Давид-Городке в юрисдике католического костела в 1795 г. было 4 двора (менее 1%) с 10 душами мужского и 11 женского пола. В Шклове в 1643 г. доминиканскому костелу принадлежала юрисдика в Рышковском предместье из 20 домов (1,8% всех домов), а в 1764 г. в его юрисдике в предместье было 19 домов, в городе — 18 домов и 25 хат [89] (6,1%). В Слуцке в 1554 г. католический костел имел небольшую юрисдику [90]. Такие же юрисдики в XVII—XVIII вв. были и в Друе.

В целом в белорусских частновладельческих городах юрисдики как по территории, так и по численности населения были небольшими. Рост их ограничивали владельцы городов. Небольшой удельный вес юрисдик не шел в сравнение с обилием их в королевских городах Белоруссии в XVI—XVIII вв., где они в этот период особенно росли, несмотря на противодействие центральной власти [91] (к концу XVIII в. охватывали 2/3 территории Минска и 3/4 Гродно [92]).

Таким образом, в белорусских частновладельческих городах практически не было фактора, в значительной мере затруднявшего развитие социальной и экономической жизни, — засилия феодальных юрисдик. Это объ-

---

[87] AGAD, AR, dział XV, teka 5, Akta, ściągające się do kamienic...
[88] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1410, л. 5.
[89] Biblioteka Czartoryskich, Rkps. 4470, k. 26; Rkps. 4493, kk. 18—22.
[90] Oddział Rękopisów Biblioteki PAN w Krakowie, nr 2017, k. 4.
[91] З. Ю. Копысский. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—первой половине XVII в., стр. 48; А. М. Карпачев. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Автореф. дисс., стр. 30; Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972, стар. 213, 375.
[92] История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961, стр. 207.

ясняется во многом тем, что сами частновладельческие города в целом были юрисдиками своих владельцев, частью их латифундий. Магнат всегда имел возможность регулировать рост шляхетских и духовных юрисдик, чего не имела центральная власть государства. В XVIII в. некоторый рост шляхетских юрисдик объясняется тем, что сами магнаты разрешали покупать в городах дома и земельные участки тем шляхтичам, которые служили в их войсках и администрации. Рост духовных юрисдик католической, униатской и православной церквей был вызван тем, что магнаты искали поддержку у церкви в условиях антифеодальной борьбы белорусского народа. Поэтому на вторую половину XVII—XVIII в. и приходится некоторый рост духовных юрисдик.

Глава II

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОРОДОВ

1. Ремесленные занятия горожан

Период раннего феодализма характеризуется сравнительно низким уровнем развития производительных сил. Господствовало натуральное хозяйство, выразительной чертой которого было соединение ремесла с земледелием; последнее было основой хозяйства. Постепенно усовершенствовались средства производства и приемы ремесленной деятельности. Выделялись люди, занимавшиеся в основном или исключительно ремеслом. Общественное разделение труда усилилось и привело к отделению ремесла от сельского хозяйства. В XV в. на территории Белоруссии росли города, увеличивалась численность населения. Одним из главных факторов роста феодального города было развитие ремесла путем расширения производства, усовершенствования техники и дальнейшей специализации.

Рост ремесла вел к возникновению обращения. Развивалось сосредоточенное в городах ремесло на заказ, а затем и на рынок. Б. Ф. Поршнев отмечает, что «развитие феодальных городов и городского ремесла, хотя и было в известной мере поражением для феодалов, в конце концов оказалось для класса феодалов и выгодно, и необходимо. Недаром вскоре сами феодалы и феодальная монархия стали усиленно насаждать города, способствовать их развитию. Дело прежде всего в том, что без этой предпосылки невозможен был переход к денежной ренте и ее рост»[1]. Это было связано с происходившим между городскими ремесленниками и крестьянами простым товарным обращением, что в конечном счете становилось источником прибавочного продукта, в большей

[1] Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 92.

части присваиваемого феодалами[2]. С этой точки зрения феодалы были заинтересованы в создании и росте городских поселений в своих латифундиях.

Развитие ремесленного производства вело к увеличению численности ремесленников и ремесленных профессий в городах. Немногие сохранившиеся документы XVI — первой половины XVII в. дают возможность лишь приблизительно установить численность ремесленников и ремесленных профессий в частновладельческих городах Белоруссии. При определении состава ремесленников по специальностям мы придерживались перечня ремесленных профессий для всех городов Белоруссии, составленного З. Ю. Копысским[3].

В XVI в. в Слуцке значилось 20 ремесленных профессий[4]. Документы первой половины XVII в. называют 46[5]. Иногда в них упоминается о деятельности людей, близких к ремесленникам по роду занятий. Так, привилеем от 29 января 1648 г. доктору Крыштофу Винку (Винклеру), «кандидату медицины» (впоследствии слуцкому войту), и «аптекарю и цирюльнику» Матияшу Валериану Петтигеру разрешалось открыть в Слуцке аптеку. В том же документе указывалось, что в Слуцке в это время жил старый аптекарь Абрагам Бернгард. Впервые же об ап-

---

[2] Всемирная история, т. III. М., 1957, стр. 12—14.

[3] З. Ю. Копысский. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в., стр. 79—81.

[4] ЦГИА БССР, ф. 694. оп. 2, д. 4959, л. 40; д. 7382, л. 6; AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Wypis z Xiąg Ziemskich...; Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604). «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. II. Киев, 1896, стр. 23; Ф. Ф. Серпо-Соловьевич. Древне-русский город Слуцк и его святыни. Вильна, 1896, стр. 33; М. Доўнар-Запольскі. Сацыяльна-эканомічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII сталецьцях. «Гістарычна-археолёгічны зборнік», № 1. Мінск, 1927, стар. 44. 46—47.

[5] Минская старина, вып. IV. Минск, 1913. стр. 31; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 10729, лл. 2, 4—5 об., 10 об., 11 об., 17—18, 19; Государственный музей БССР. отдел рукописей, № 512. лл. 1—110; ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. № 7. Польские автографы, Автограф 242, № 44, лл. 49—50; РОБ АН Литовской ССР, ERS-606. л. 2; ERS-892, № 59, л. 117 об.; AGAD. AR, dział XXIII. teka 33. Kwity z opłat podatków...; teka 130, Wypis grodzki...; teka 132. Kopiiarze przywilejów..., kk. 48, 64; teka 133. Ustawa ogólna porzadku dla Miasta Słucka..., kk. 6, 12; Rozmaitości z Aktów Mieiskich Słuckich; teka 134. Przywileie i Nadania..., s. 1, 77; Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey; teka 154, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 2.

теке в Слуцке говорится в документе, относящемся к 1621 г.[6]

Таким образом, в первой половине XVII в. можно насчитать 48 профессий, что превышает более чем вдвое количество ремесленных профессий в Слуцке в XVI в. Общего количества ремесленников в городе документы этого периода не называют. Лишь в налоговом реестре 1648 г. значатся 79 пекарей и перекупщиков, 182 «всяких ремесленников», 19 мясников и 14 скоморохов и дударей. С подмастерьями и учениками ремесленников в городе было несколько сот, не считая лиц наемного труда — 26 лёзных[7]. Эти данные свидетельствуют о развитии ремесленного производства в Слуцке в первой половине XVII в., о дифференциации и специализации ремесла.

В середине XVI в. (1552 г.) в Клецке упоминается несколько ремесленных профессий. В 1569 г. здесь названы замковые ремесленники — кузнец, каретник, шорник[8]. В инвентаре Клецка 1575 г. записаны 41 ремесленник и 26 профессий. Среди них замковые — стекольщик, каретник, печник, угольщик, колесник, возницы и пушкари[9]. Значительно больше данных о ремесле содержат инвентари Клецка первой половины XVII в., хотя и они неполны. По инвентарю 1626 г.[10] этого же города подсчитаны профессии: 149 ремесленников 43 ремесленных профессий. В инвентаре 1645 г. с поправками по данным

---

[6] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1607, лл. 151—152; AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna porządku dla Miasta Słucka..., k. 10.
[7] AGAD, AR, dział XXIII, teka 33, nr 7, Kwity z opłaty podatków...
[8] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 10723, л. 22.
[9] AGAD, AR, dział XXV, nr 1687, kk. 1—13, 94.
[10] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3135, лл. 4 об., 8—24. Подсчет наш. В список ремесленников не включены повторяющиеся имена владельцев дополнительных городских земельных участков; однако учтены ремесленники, отмеченные в инвентарях 1626 г. и 1645 г., ремесло которых не указано в инвентаре 1626 г., но указано в инвентаре 1645 г. С. Александрович принял инвентарь 1626 г. за инвентарь 1645 г. (см. St. Alexandrowicz. Kierunki produkcji rzemieślniczej i przemysłowej w miasteczkach Białorusi i Litwy (XVI do połowy XVII w.). «Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza». Historia. Zeszyt 6, 1964, s. 41), причем у него в данном случае значительно преувеличено количество ремесленников. Доказательством того, что это разные инвентари Клецка, а не один инвентарь, является значительная разница в именах и фамилиях домохозяев, проживавших на тех же самых улицах города и на тех же земельных участках, причем сами земельные участки в известной мере разнятся по величине.

1626 г. отмечены 260 ремесленников. Общее количество профессий составляла 41, т. е. примерно столько же, сколько и по данным инвентаря 1626 г.[11]

Данные инвентарных книг Клецка второй половины XVI — первой половины XVII в. свидетельствуют об относительном постоянстве одних и тех же ремесленных профессий в одной семье. Из них также видно, как происходил переход ремесленников к новым профессиям. Это прослеживается по инвентарям первой половины XVII в.: в ряде случаев указаны даже родственники — братья и сыновья, освоившие новые профессии (семьи Мотык, Мотышек — кожевники и мясники, Пришибейко — скорняки, мясники, Седельниковичей — седельники, кузнецы, солодовники, Пресных — гончары, сапожники, Суханов, Сухановичей — шапочники, скорняки, Котельниковичей — кузнецы, котельники и т. д.)[12]. В Клецк переселялись ремесленники из других местностей этой же ординации: в 1626 г. — гончар из местечка Синявки[13], в 1645 г. — боярин, ставший кузнецом в городе, землекоп из Малева (село вблизи Клецка), сапожник с Волыни[14]. В инвентаре 1645 г. перечислены замковые ремесленники.

В Несвиже в квитанциях налогового сбора 1582—1583 гг. названы 50 ремесленников 14 профессий. В аналогичном документе 1597 г. перечислен 51 ремесленник 15 профессий[15]. В других документах конца XVI в. упо-

[11] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, лл. 99—111 об., 113 об., 115. Подсчет наш (из подсчета исключены лица, не раз упоминаемые в инвентаре, но включены те ремесленники, профессия которых не названа в данном инвентаре, но указана в инвентаре 1626 г.). С. Александрович насчитал в 1645 г. в Клецке 262 ремесленника 40 специальностей (см. St. Alexandrowicz. Kierunki produkcji rzemieślniczej i przemysłowej w miasteczkach Białorusi i Litwy (XVI do połowy XVII w.). «Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza». Historia. Zeszyt 6, 1964, s. 41), однако он ссылается на архивное дело, содержащее инвентарь Клецка 1626 г., данные которого значительно расходятся с данными, приводимыми С. Александровичем.

[12] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, лл. 99—104; д. 3135, лл. 24—24 об.

[13] Там же, д. 3135, л. 23.

[14] Там же, д. 1913, лл. 100—102, 115.

[15] AGAD, AR, dział XV, teka 8, Kwity z opłaty różnego tytułu podatków... (Это повторяющийся в течение нескольких десятков лет перечень — 10 кузнецов, 5 сапожников, 8 мясников, 4 плотника, 9 скорняков, 1 портной, «што едвабные речи робит», 4 простых («посполитых») портных, 1 гончар, 2 столяра и др.).

минаются ремесленники других специальностей, в том числе замковые. Во второй половине XVI в. в Несвиже насчитывалось 45 ремесленных профессий.

В документах первой половины XVII в. по Несвижу названы 34 ремесленные профессии. Эти цифры включают и данные квитанций налогового сбора за 1601—1648 гг., в которых значится 51 ремесленник 16 профессий. Несмотря на то что эти квитанции писались по раз и навсегда составленному стандарту, они все же приблизительно отражали структуру ремесленного производства в Несвиже, преобладание одних профессий над другими. В этих же документах не упомянуты названные ранее профессии: медовары, слесари, котельники, ножевщики, рурники, токари, свечники и др., но появились новые — воскобойники, поташники, каменщики, стригали и др. Отрывочность и неполнота данных не позволяет установить общую численность ремесленников и уточнить количество профессий.

Еще менее данных сохранилось о ремесле в других частновладельческих городах.

В инвентаре Копыси 1606 г. отмечены 42 ремесленника 20 профессий [16]. Более полными данными располагает инвентарь этого города за 1650 г. В нем отмечены (включая и юрисдику пани Ломской) 209 ремесленников, представляющих 37 профессий [17]. С. Александрович приводит другую цифру по этому инвентарю — 152 человека 22 специальностей [18], но он указывает, что считал только ремесленников радзивилловской части города.

В Копыле в 1644 г. упоминаются сапожники «черной работы» и «сафьянной работы», а в налоговой квитанции за 1648 г. указано 8 мясников, 15 пекарей и перекупщиков и 22 «ремесленника разных» [19].

В восточнобелорусском городе Шклове в 1643 г., по данным инвентаря, насчитывалось 175 (с поправкой на

---

[16] AGAD, AR, dział XXIII, teka 27, plik 2, nr 3.

[17] Ibidem, dział XXV, nr 1766/1, s. 27—73. (Подсчитано нами).

[18] St. Alexandrowicz. Kierunki produkcji rzemieślniczej i przemysłowej w miasteczkach Białorusi i Litwy (XVI do połowy XVII w.). «Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza». Historia. Zeszyt 6, 1964, s. 40—41.

[19] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey.

мясников 188) ремесленников 45 профессий[20]. В инвентаре Шклова 1650 г. перечислены занятия лишь 170 мещан, однако количество только мясников, пекарей, олейников, сапожников, кожевников, крахмальников, продававших товары в лавках и отведенных им «локтевых» местах, составляло около 300 человек[21]. Эта цифра подтверждается данными шкловского инвентаря середины XVII в. В нем указаны 36 мясных лавок, 55 хлебных, 38 лавок олейников и 4 крахмальников[22]. Эти данные увеличивают численность шкловских ремесленников в середине XVII в. на 113 против минимальной цифры 1643 г., т. е. до 288, а количество ремесленных профессий—до 47. Таким образом, Шклов в первой половине XVII в. был одним из центров ремесленного производства в Белоруссии.

В небольших белорусских частновладельческих городах и местечках сохранившиеся документы XVI — первой половины XVII в. называют до 20—30 ремесленных профессий. В 1650 г. в Новой Мыши (владение князей Вишневецких) было около двух десятков ремесленников 13 профессий[23]. В Мире в 1600—1626 гг. названы 18 профессий[24].

В различных документах первой половины XVII в., относящихся к местечку Любча, упоминается 24 ремесленных профессии[25]. В Деречине в 1636 г. был 21 ремесленник 14 профессий, в 1646 г. — 18 ремесленников 12 профессий[26]. В 1591 г. в радзивилловском местечке Деревна (район Налибокской пущи) среди мещан были 9 ремесленников, а в 1646 г. — 26 и 16 профессий[27].

Все эти цифры дают возможность выделить наиболее значительные в этот период частновладельческие города — Слуцк, Клецк, Несвиж, Шклов, Копысь, отнести их к средним городам Белоруссии по численности ремеслен-

---

[20] Biblioteka Czartoryskich, Rkps. 4470, kk. 6—43, 50.
[21] M. B. Topolska. Szklów i jego rola w gospodarce Białorusi wschodniej w XVII i XVIII w. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», t. XXX. Poznań, 1969, s. 25.
[22] Biblioteka Czartoryskich, Rkps, 4469, kk. 9—12.
[23] Ibidem, Rkps. 4509, kk. 7—13.
[24] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4959, лл. 7, 9, 10, 16, 17, 83; д. 4467, л. 77.
[25] AGAD, AR, dział XXIII, teka 83; teka 149, Lubcz.
[26] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1196, лл. 1а—2; д. 2243, лл. 2—3.
[27] AGAD, AR, dział XXV, nr 733, s. 27—31; nr 736, kk. 9—13.

ников и количеству профессий (от 44 до 52). Остальные частновладельческие города по уровню развития ремесленного производства следует отнести к малым городам и к крупным местечкам с количеством ремесленных профессий от 15 до 30; ниже этого уровня находилось ремесло в небольших местечках. Одной из главных причин отставания развития ремесла по темпам в целом по сравнению с королевскими городами было то, что магнаты основывали свои города позже, чем начинали развиваться королевские (о чем косвенно говорит и Литовский статут 1588 г.), и ремесленники, концентрировавшиеся в частновладельческих городах, происходили в основной своей массе из крепостных крестьян магнатов (приток беглых крепостных в эти города был значительно меньшим, чем в королевские). Кроме того, многие ремесленники не были связаны с рынком, а лишь обслуживали замок, господский двор.

Ремесленные профессии горожан в XVI — первой половине XVII в. можно разделить на 7 больших групп (более детальное дробление не дает возможности отметить основные направления ремесленной деятельности).

1. Кожевенное и меховое производство: кожевники, шорники, скорняки, сафьянники, кордванники (выделывавшие кожу из козловых шкур), седельники, кожемяки, сапожники, дуботовки (обрабатывали грубые сорта кожи, подошву), овчинники, шубники, болтушники, сапожники «черной работы», «сафьянной работы», хомутники. Всего 15 профессий.

2. Изготовление пряжи, одежды, ткачество, обработка волокнистого сырья: ткачи, вышивальщики, портные, шапочники, золотошвейники, красильщики (тканей), шаповалы, стригальщики, портные «шелковых вещей», рукавичники, опонники (изготовлявшие покрывала), веревочники, «сетяри». Всего 13 профессий.

3. Обработка металла и оружейное производство: серебряники, золотых дел мастера, кузнецы, котельщики, литейщики, жестянщики, слесари, замочники, мечники, селитренники, пороховники, сабельники, пушкари, часовщики, медники, ножовщики, литейщики пушек, ложевники, печатники, ювелиры. Всего 20 профессий.

4. Деревообработка, обработка минерального и животного сырья, строительство: резчики по дереву (и кости), гончары, каменотесы, колесники, мыловары, граве-

ры, плотники, стекольщики, каменщики, ремесленники, изготовлявшие челны, каретники, строители (дойлиды), угольщики (замковые), печники, столяры, ситочники, воскобойники, маляры, бондари, рурники (делавшие деревянные трубы для водосливов), токари, бумажники, свечники, поташники, пильщики, гонтари, дегтяри, «делавшие лапти», гребенники, лепщики. Всего 30 профессий.

5. Изготовление и обработка пищевых продуктов и напитков: хлебники, калачники, мясники, мельники, пекари, повара, броварники, пивовары, солодовники, винокуры, медовары, олейники, рыбаки, пирожники, крахмальники, круподеры, садовники. Всего 17 профессий.

6. Транспортные профессии: фурманы (возчики), возницы (у феодалов), стырники (кормчие), «молодцы на витинах» (матросы), перевозчики через реку. Всего 5 профессий.

7. Прочие профессии: иконописцы, художники, доктора, цирюльники, валмистры, скоморохи, дудари, музыканты, аптекари, землекопы, кровопуски, органисты, охотники, банщики, учителя, чертежники, архитекторы, пастухи, трубачи, коновалы, сторожа, наемные работники, певцы. Всего 23 профессии.

Общее количество профессий (123) в частновладельческих городах показывает, что их было значительно меньше, чем в целом по городам Белоруссии в этот период (около 200). Соответственно меньше было отдельных профессий и в каждой из групп. Это лишний раз подтверждает, что ремесленное производство в частновладельческих городах, средних и малых, в своем развитии отставало от развития в королевских городах, в значительной мере крупных и средних.

По структуре ремесленного производства частновладельческие города Белоруссии отличались друг от друга, но имели и общее в распределении ремесленников по видам ремесла (см. табл. 2). Больше профессий было представлено в таких видах ремесла, как деревообработка, обработка минерального сырья (гончары, колесники, ситочники, бондари, дегтяри), строительное дело (до 13 разных профессий в Шклове и Копыси), обработка металла и оружейный промысел (до 10—12 профессий в Слуцке, Несвиже и Клецке), изготовление пищевых продуктов (7—9 профессий во всех 5 бóльших городах), ко-

Таблица 2

Структура ремесленного производства в частновладельческих городах Белоруссии в XVI—первой половине XVII в.

Ремесло	Количество профессий															
	Слуцк		Шклов	Клецк		Несвиж		Копысь	Койданов		Любча	Мир	Деречин	Деревна		Новая Мышь
	XVI в.	I половина XVII в.	I половина XVII в.	XVI в.	I половина XVII в.	XVI в.	I половина XVII в.	I половина XVII в.	XVI в.	I половина XVII в.	I половина XVII в.	I половина XVII в.	I половина XVII в.	XVI в.	I половина XVII в.	I половина XVII в.
Кожевенное и меховое производство	3	8	6	2	7	4	4	8	5	5	3	1	2	1	3	2
Изготовление пряжи, одежды, ткачество	2	3	4	3	5	4	4	3	1	2	2	1	2	1	1	1
Обработка металлов, оружейный промысел	3	12	6	6	10	12	6	5	4	6	5	6	1	1	2	2
Деревообработка, обработка минерального сырья, строители	5	8	13	8	12	8	8	13	6	6	5	3	6	1	4	5
Изготовление пищевых продуктов	3	7	9	7	9	7	4	9	2	4	5	3	4	3	3	2
Транспортные профессии	—	1	2	1	3	1	1	1	—	—	1	1	—	—	2	—
Прочие ремесла и профессии	4	9	7	—	6	12	7	5	2	1	3	3	1	1	1	1
Итого	20	48	47	27	52	47	34	44	20	24	24	18	16	8	16	13

жевенное и меховое производство (до 7—8 в Слуцке, Копыси и Клецке). Прочие ремесла были широко представлены в Несвиже, Слуцке.

Определенные виды ремесла, свойственные всем городам Белоруссии, развивались больше и интенсивнее там, где находились постоянные резиденции магнатов (здесь же была большая концентрация и замковых ремесленников). Эти виды развивались не только в связи с потребностями магнатов и их дворов, но и в связи с потребностями постоянно находившихся в частновладельческих городах гарнизонов. В городах шла дифференциация ремесленных профессий: в кожевенном производстве (Слуцк, Копысь, Клецк, Шклов, Койданов), металлообработке и производстве оружия.

Отдельные виды значительно преобладали. Так, в Клецке больше всего ремесленников было занято в кожевенном производстве: в 1626 г. — 27%, а по данным более полного инвентаря 1645 г. — 51% всех ремесленников города. Большую группу составляли здесь ремесленники, занятые обработкой металла, и оружейники: 24% в 1575 г., 28% в 1626 г. и 12% в 1645 г. Эти же группы составляли более половины всех ремесленников Несвижа. В Копыси в 1650 г. более всего было занятых деревообработкой, обработкой минерального сырья, в строительстве (29%), в кожевенном производстве (27%). В Шклове преобладали ремесленники, изготовлявшие пищевые продукты (27%), занимавшиеся деревообработкой и обработкой минерального сырья (23%) (см. табл. 3).

Из-за недостатка данных трудно установить географическую специализацию ремесла в отдельных городах, хотя некоторые различия и можно объяснить преобладанием того или иного вида сырья в данном районе либо наличием оживленного торгового пути, на котором находился город (отсюда, например, преобладание ремесленников, изготовлявших пищевые продукты в Шклове, их высокий процент в Копыси).

Большие частновладельческие города становились центрами магнатских латифундий, а малые — центрами имений магнатов, средоточием ремесла соответствующего района, в известной мере обслуживавшего прямо или косвенно магнатский двор, магнатское хозяйство. Но в большей степени ремесло этих городов служило удовлетворению нужд населения городов и деревень. Ремеслен-

Таблица 3

Численность ремесленников по видам ремесла в XVI—первой половине XVII в.

Ремесло	Клецк			Несвиж	Копысь		Шклов	Койданов			Белица		Любча	Деречин		Деревна	
	1575 г.	1626 г.	1645 г.	1597 г.	1606 г.	1650 г.	1643 г.	1588 г.	1620 г.	1647 г.	1627 г.	1635 г.	1644 г.	1636 г.	1646 г.	1591 г.	1646 г.
Кожевенное и меховое производство	3	40	133	16	11	56	29	8	10	14	1	5	5	4	5	2	5
Изготовление пряжи, одежды, ткачество	7	19	35	7	3	31	23	2	8	10	3	4	4	2	3	1	2
Обработка металла, оружейный промысел	10	42	31	10	9	19	29	7	8	10	8	12	7	2	—	1	6
Деревообработка, обработка минерального сырья, строители	11	19	22	7	11	61	44	8	11	9	4	10	1	6	7	1	6
Изготовление пищевых продуктов	8	18	22	8	7	35	51	1	6	8	1	11	6	6	3	3	3
Транспортные профессии	2	3	5	—	—	1	3	—	—	—	—	—	1	—	—	—	3
Прочие ремесла и профессии	—	8	12	3	1	6	9	2	3	1	—	—	2	1	—	1	1
Всего	41	149	260	51	42	209	188	28	46	52	17	42	26	21	18	9	26

Таблица 4

Виды ремесла и количество профессий в Слуцке во второй половине XVII и XVIII в.*

Ремесло	Количество профессий		
	во II половине XVII в.	в I половине XVIII в.	во II половине XVIII в.
Кожевенное и меховое производство	16	15	12
Изготовление пряжи, одежды, ткачество	19	19	17
Обработка металла, оружейный промысел	24	16	14
Деревообработка, обработка минерального сырья, строители	26	19	22
Изготовление пищевых продуктов	20	16	17
Транспортные профессии	3	3	1
Прочие ремесла и профессии	12	14	15
Всего	120	102	98

* Таблица составлена по данным инвентарей и актовых материалов, ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 5, лл. 1—40; ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 1, д. 509, л. 6 об.; ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 312, д. 90, л. 108; AGAD, AR, dział XXV, № 3831, s. 1—44: Nr 3834/I, s. 1—97; Nr 3835/1, s. 1—135; Nr 3836, s. 1—39; Nr 3837, s. 1—47; Nr 3838/1, s. 4—211; Nr 3839a, s. 3—55; Nr 3854, s. 1—144.

ники уже в XVI в. работали на рынок. Это подтверждается и перечнем профессий. Однако по сравнению с королевскими городами Белоруссии в частновладельческих особая группа ремесленников — замковые — специально была занята обслуживанием феодала, владельца города, работая по его заказам.

Вторая половина XVII — первая половина XVIII в.— время экономического упадка городов Белоруссии, который сопровождался уменьшением населения во время войн и магнатских междоусобиц.

Процесс восстановления городов был прерван разорением и эпидемиями в годы Северной войны, после чего началось восстановление городов, ознаменовавшееся подъемом экономики большинства из них к концу XVIII в. Уровень развития ремесленного производства во

второй половине XVII—XVIII в. колебался. Вызвано это было общим экономическим состоянием городов Белоруссии [28].

Однако эволюция ремесла в ряде частновладельческих городов, судя по сохранившимся в документах данным, имела некоторые особенности. Так, ремесленное производство, судя по инвентарям 80-х годов XVII в., в Слуцке сохранялось во второй половине XVII в. на сравнительно высоком уровне (см. табл. 4 и 5). Это зависело прежде всего от того, что город во время войны 1654—1667 гг. не был разорен. Его не брали штурмом и не занимали воюющие стороны (в Слуцке стоял гарнизон магнатских войск). В начале войны сюда прибыло много ремесленников из других городов Белоруссии и лёзных людей (в 1655 г. их было 300) [29], еще остававшихся свободными крестьян, уходивших в города на заработки и переходивших из города в город.

В первой половине XVIII в. Слуцк оставался одним из значительных ремесленных центров Белоруссии. Данные инвентарных книг 1728 и 1750 гг. иллюстрируют это. В первой половине XVIII в. количество ремесленных профессий горожан сократилось со 120 до 102. Это сокращение произошло почти во всех видах ремесла, за исключением ремесленников, занятых изготовлением пряжи, одежды и ткачеством, а также в прочих и транспортных профессиях [30]. Однако это изменение нельзя считать спадом вообще, так как общее количество ремесленников, равно как и по отдельным, ведущим видам ремесла, не только не уменьшалось по сравнению с предыдущим периодом (788 в 1689 г.), но даже увеличилось (874 в 1728 г.). Исчезли некоторые специализированные профессии, представленные одним или несколькими ремесленниками. Инвентари свидетельствуют об уменьшении к концу XVIII в. количества ремесленников. Так, если в 1728 г. в Слуцке было 874 ремесленника (с семьями 54—58% горожан), а в 1750 г. — 813 (59,7 — 64,5%), то в

---

[28] Гісторыя Беларускай ССР, т. I. Мінск, 1972, стар. 341—344, 379—381.

[29] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów...; teka 154, Księga różnych postanowień, k. 6.

[30] Произошло сокращение профессий среди ремесленников-металлистов, строителей и пищевиков за счет исчезновения профессий, ранее представленных единичными мастерами (игольник, гапличник, некоторых разновидностей пекарей и т. д.).

Количество ремесленников по видам ремесла и их

Ремесло	1661 г.		1683 г.		1689 г.		1712 г.		1728 г.	
	количество	% к общему чиулу	количество	% к общему числу	количество	% к общему числу	количество	% к общему числу	количество	% к общему числу
Кожевенное и меховое производство	18	18,4	383	49,2	316	40,3	26	17,9	342	39,5
Прядение, ткачество, изготовление одежды	13	13,3	91	11,7	146	18,4	40	27,6	207	23,5
Обработка металла, оружейный промысел	17	17,4	103	13,2	90	11,2	23	15,9	85	9,7
Деревообработка, обработка минерального сырья, строители	20	20,5	67	8,6	72	9,1	28	19,3	79	9,1
Изготовление пищевых продуктов	21	21,1	80	10,3	112	14,3	9	6,2	106	12,0
Транспортные профессии	3	3,1	31	4,0	29	3,7	2	1,4	26	2,9
Прочие ремесла и профессии	6	6,2	23	3,0	23	3,0	17	11,7	29	3,3
Всего	98	100,0	778	100,0	788	100,0	145	100,0	874	100,0

* Таблица составлена по данным инвентарей Слуцка 1661 г. (AGAD, 1—97), 1689 г. (там же, № 3835/1, s. 1—135), 1712 г. (там же, реестра ремесленников 1737 г. (ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 1, № 3837, s. 1—47; № 3838/1, s. 4—211), 1765 г. (там же, № 3839а, ской губернии за 1801 г. (ЦГИА СССР, ф. 1350, оп. 312, д. 90, л. 108), Подсчет наш.

1765 г. — лишь 508 (35—38,3%), а в 1767 г. — 435 человек (36—38,8% горожан) (см. табл. 5). В документах второй половины XVIII в. упоминается 98 профессий. Сохранение численности профессий при сокращении количества ремесленников объясняется как устойчивостью цеховой структуры ремесла, так и открытием магнатских мануфактур в городе в этот период.

Данные инвентарных книг Слуцка 1661—1802 гг., реестр ремесленников 1737 г. и перечень 1801 г. дают возможность проследить изменения в структуре ремесленного производства во второй половине XVII и в XVIII в.,

Таблица 5

удельный вес в ремесленном производстве Слуцка*

1737 г.		1750 г.		1765 г.		1767 г.		1801 г.		1802 г.	
количество	% к общему числу	количество	% к общему числу	количество	% к общему числу	количество	% к общему числу	количество	% к общему числу	количество	% к общему числу
327	51,1	292	35,9	255	50,4	175	40,2	240	44,5	195	33,7
131	20,6	228	28,0	86	17,0	83	19,1	199	36,8	181	31,3
84	13,2	74	9,1	48	9,4	33	7,6	73	13,5	36	6,2
80	12,6	64	7,9	47	9,3	49	11,2	28	5,2	55	9,5
5	0,8	97	11,9	43	8,5	58	13,3	—	—	61	10,6
—	—	34	4,2	10	2,0	16	3,7	—	—	27	4,7
11	1,7	24	3,0	17	3,4	21	4,9	—	—	23	4,0
638	100,0	813	100,0	506	100,0	435	100,0	540	100,0	578	100,0

AR, dział XXV, № 3831, s.1—44), 1683 г. (там же, № 3834/1, s. № 3836, s. 1—39), 1728 г. (ЦГИА БССР, ф.1825, оп.1, д.5, лл. 1—40), д.509, л.6 об.), инвентарей города 1750 г. (AGAD, AR, dział XXV, s. 3—55), сведений о ремесленниках в топографическом описании Мининвентаря Слуцка 1802 г. (AGAD, AR, dział XXV, № 3854, s. 1—144).

включая виды ремесла (см. табл. 5). Данные 1801 и 1802 гг. полностью относятся и к концу XVIII в., поскольку больших изменений в количественном и качественном составе ремесленников за один-два года в это время не могло произойти. Данные за 1737 и 1801 гг. и инвентари 1661 и 1712 гг. неполны.

Исходя из сведений за 1661—1802 гг. можно сделать вывод, что в Слуцке виды ремесла в основном не меняли своего удельного веса в общей структуре ремесленного производства этого частновладельческого города в течение второй половины XVII и XVIII в. Наибольшее коли-

чество ремесленников было занято в кожевенном производстве (до 40—50%, а по данным 1737 и 1765 гг. даже чуть более 50%). Слуцк на протяжении этого периода был ремесленным центром окружающего района, специализирующимся на выработке изделий из кожи.

Наряду с кожевенным производством ведущими были и такие виды ремесла, как прядение, ткачество, изготовление одежды (с конца XVII до начала XIX в. от одной пятой до одной трети всего количества ремесленников); обработка металла и оружейный промысел (от одной шестой во второй половине XVII в. до одной десятой — одной двенадцатой к началу XIX в.). Всего же в этих видах ремесла было занято 70—80% всех слуцких ремесленников. Более всего в Слуцке во второй половине XVII и в XVIII в. было скорняков, сапожников, сафьянников, портных и кузнецов.

Итак, во второй половине XVII — первой половине XVIII в. в Слуцке было сравнительно постоянное количество ремесленников целого ряда специальностей. Следовательно, ремесленное производство в городе в отличие от бóльших белорусских королевских городов продолжало сохранять высокий уровень, несмотря на спад в период Северной войны.

К середине XVIII в. наметилась тенденция к застою ремесленного производства. Причина заключалась в том, что с 40-х годов XVIII в. Слуцк перестал быть столицей радзивилловских владений в Белоруссии и Литве. Центром этих владений с середины XVIII в. стал Несвиж.

Установившиеся для Слуцка ремесленные профессии сохранились, а численность ремесленников этих специальностей почти не менялась. Во многом это зависело не только от конъюнктуры рынка, но и от традиционных для города источников сырья. Сохранение определенного числа ремесленников в целом ряде специальностей свидетельствует также о господстве цехового устройства в ремесленном производстве, которое регулировало и сохраняло количество ремесленников.

Резкое сокращение численности ремесленников в Слуцке относится к 60-м года XVIII в., когда в результате борьбы между группировками магнатов в Речи Посполитой город был секвестрован и находился под управлением руководителей генеральной литовской конфедерации князя Михаила Чарторыского, графа Антония Пшездец-

кого и др. Некоторая часть ремесленников в это время из-за непосильных налогов, введенных магнатско-шляхетской конфедерацией, покинула город. Злоупотребляя своей властью, кураторы (руководители конфедерации, под главным управлением которых находился город) в 1764—1767 гг. вывезли наиболее квалифицированных слуцких мастеров с семьями в свои юрисдики, в города Белоруссии и Литвы и в имения. Эти ремесленники в Слуцк не вернулись. В числе вывезенных и покинувших в 1764—1767 гг. город 102 ремесленника-мещанина с семьями[31]. Из Слуцка в это время выехало 66 евреев с семьями: среди них были ремесленники[32]. Ремесленному производству этого белорусского города был нанесен двойной ущерб с далеко идущими последствиями; были вывезены или в связи с неблагоприятными условиями покинули город не только квалифицированные мастера, но и их смена, резерв, поскольку при господстве цеховой системы дети ремесленников в первую очередь перенимали опыт и квалификацию отцов. Именно вывоз и уход наиболее квалифицированных работников из города был ударом по ремесленному производству, по устоявшейся в течение десятилетий структуре ремесла в Слуцке. Таким образом, сами магнаты нанесли ремеслу этого города сильнейший удар, от которого оно начало оправляться только в самом конце XVIII — начале XIX в.

Данные о ремесленном производстве во второй половине XVII и в XVIII в. в соседнем Копыле скудны и отрывочны. В документах второй половины XVII в. здесь называют только 10 профессий[33]. В инвентаре Копыля 1750 г. значатся 244 ремесленника. В кожевенном производстве было занято всего 15 человек, т. е. 6,1% всех ремесленников города. При этом все сапожники были мещанами. Большинство копыльских мастеров было занято производством предметов одежды, ткачеством и прядением — 192 ремесленника, т. е. 78,7% их общего числа. Всего в Копыле в 1750 г. насчитывалось 98 портных, 55 ткачей и 39 прядильщиц. Лишь 7 ремесленников занимались обработкой металла. По инвентарю Копыля 1750 г.,

---

[31] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7440, лл. 28, 66—67; оп. 7, д. 420, лл. 97—100, 105—107.
[32] Там же, оп. 2, д. 7440, л. 28; оп. 7, д. 420, лл. 105—107.
[33] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, s. 105, 122; dział XXV, nr 3833, s. 213—221.

в городском ремесле было 20 профессий[34]. Данные о структуре ремесла Копыля в XVIII в. свидетельствуют о ярко выраженной специализации: прядение, ткачество, изготовление одежды. Редкий город Белоруссии имел такое преобладание одного вида (до 80%) над другими и такое преобладание ремесленников одной профессии, как в этом городе. Весьма характерно известное географическое разделение труда между городами в пределах одного магнатского владения. В то время как в Слуцке преобладало кожевенное производство и были развиты обработка металла и оружейный промысел (что было традиционным в развитии ремесла), в Копыле эти виды были сведены к необходимому минимуму (а оружейников вообще не было).

В центре радзивилловских владений — Несвиже, судя по документам второй половины XVII в., упоминаются 45 ремесленных профессий[35], т. е. на 11 больше, чем в первой половине столетия, но на 2 меньше, чем в XVI в. При этом значительно увеличилось количество профессий в деревообработке, обработке минерального сырья и несколько увеличилось в изготовлении пищевых продуктов. В первой половине XVIII в. в Несвиже насчитывалось 69 ремесленных профессий[36]. Увеличение численности профессий в Несвиже в этот период зависело от следующих факторов. Город стал центром радзивилловских владений (с присоединением так называемых «нейбургских владений» к латифундиям Радзивиллов несвижской линии), и здесь в несвижском замке находился пышный двор князей Радзивиллов. В Несвиже постоянно квартировал гарнизон войск магната. И двор, и гарнизон обслуживали городские, а не только замковые ремесленники.

[34] AGAD, AR, dział XXV, № 3837, kk. 50—66; № 3838—1, s. 218—281.
[35] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1912, лл. 1 об.—3, 4, 5—5 об., 6 об., 9—9 об., 28—31 об., 37 об., 38 об.—40; д. 4963, лл. 19, 19 об., 38 об., 39 об.—40 об.; оп. 4, д. 1340, лл. 16, 37, 38; д. 1369, лл. 11, 12, 19; AGAD, AR, dział XV, teka 5, Przywileje..., nr 15; Akta ściągające się do Kamienic, nr 6; teka 7, Rozmaitości...; teka 8, plik 1; dział XXV, nr 2269/3, kk. 6—16, 34, 35.
[36] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 311, л. 55; оп. 2, д. 3585, л. 189 об.; д. 4972, лл. 15, 16; д. 4982, лл. 4—6; д. 4983, лл. 7, 24; д. 4998, лл. 123—126; д. 10791, л. 1; оп. 3, д. 39, л. 512; оп. 4, д. 84, л. 29; оп. 4, д. 1337, л. 17; д. 1361, л. 29; AGAD, AR, dział XV, teka 5, Przywileje..., nr 40; Akta ściągające się do Kamienic, nr 12; Kamienica w Rynku Kuczarskiego; Kamienice y Dwory szlacheckie; teka 6, Processa...; teka 7, Rozmaitości...; teka 8, plik 1.

На первую половину XVIII в. падает увеличение замковых ремесленников, включая приглашенных специалистов-иностранцев. Это тоже дало рост профессий в городе, как и численности самих ремесленников.

Всего в Несвиже во второй половине XVIII в. насчитывалось 67 профессий[37], т. е. произошло небольшое сокращение их. О количестве ремесленников в Несвиже во второй половине XVIII в. данных не сохранилось.

Несколько больше данных содержат документы о замковых, или придворных, ремесленниках. Всего в 1758 г. в Несвиже было 85 замковых ремесленников[38]. Именно за счет них сохранялось сравнительно большое количество профессий в этот период. Вместе с тем общее, хотя и небольшое, уменьшение количества профессий свидетельствует о некотором сокращении ремесленного производства в этот период.

Вывод об уменьшении численности ремесленников подтверждается данными об уходе их из города во время правления генеральной литовской конфедерации в 1764—1767 гг. в результате различных злоупотреблений властью и грабежей горожан конфедератами. В этот период из Несвижа ушло 26 мещанских семей, в том числе 5 семей ремесленников, и 104 еврейские семьи, в том числе 45 ремесленников. Ушли не только старые мастера, но и их дети, будущие ремесленники. Всего в Несвиже насчитывалось в 1764 г. 616 семей горожан (христиан и евреев)[39]. Следовательно, ушло 130 семей, или 21,1% всего населения, в том числе 50 семей ремесленников. Таким образом, ремесленному производству в Несвиже был также нанесен удар в результате междоусобной борьбы между магнатскими группировками.

В центре небольшого радзивилловского владения, в Давид-Городке, в 1653 г. в инвентаре названы 29 ремесленников 17 профессий[40]. Нами учитывались профессии,

---

[37] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4962, лл. 46, 48; д. 4972, лл. 370, 877; д. 4997, лл. 7—8; д. 4998, л. 69; д. 5001, л. 29; д. 5005, л. 27; д. 5006, л. 154; д. 5011, лл. 2—5, 7, 9, 12, 14, 15, 18, 19; д. 5014, л. 1; д. 10894, л. 757; оп. 3, д. 34, лл. 27, 40, 68; д. 2577, л. 265; оп. 4, д. 1369, лл. 4, 9; Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego, wydział rękopisów, Akc. nr 596, s. 36—37.

[38] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4972, лл. 871—877.

[39] Там же, д. 5001, лл. 28—30, 37.

[40] Там же, д. 1913, лл. 1 об.— 16; д. 1915, лл. 1 об.— 14. Подсчет наш.

которые имели владельцы домов и участков за городом. Повторяющиеся имена и фамилии опускались. Инвентарь Давид-Городка 1665 г. упоминает 35 ремесленников. По инвентарю 1691 г., здесь их уже было 52[41]. Всего во второй половине XVII в. в этом городе насчитывалось 32 профессии. О ремесленниках Давид-Городка есть данные в инвентарях города и в других документах первой половины XVIII в. Всего в первой половине XVIII в. в Давид-Городке насчитывалось 29 профессий. Количество профессий по сравнению с предыдущим периодом уменьшилось за счет людей, занятых в производстве пищевых продуктов. Уменьшилась их численность по сравнению с концом XVII в., что объясняется разорением города, как и в других местах, во время Северной войны. Вторая половина XVIII в. не принесла значительных изменений в структуре ремесла Давид-Городка. По инвентарю 1753 г., здесь было 44 ремесленника 19 профессий[42]. В инвентаре 1788 г. здесь значился 41 человек 14 профессий[43]. Во второй половине XVIII в. в Давид-Городке насчитывалось 32 профессии.

Анализ всех этих данных свидетельствует, что во второй половине XVII—XVIII в. ремесленное производство как по численности ремесленников, так и по структуре существенных изменений не претерпело. Центр радзивилловских владений в Полесье, Давид-Городок, не выделялся как крупный ремесленный город. Металлообработкой и оружейным промыслом занимались преимущественно замковые мастера, трудились они, как и в других городах, в основном на нужды магнатского двора. При этом Давид-Городок оставался больше торговым центром в этой лесной и болотистой части Белоруссии, чем ремесленным. Это отмечается и в инвентаре города 1753 г.: «Весь люд в этом городе купечеством и торговлей занимается»[44].

В Клецке во второй половине XVII в. насчитывалось 25 ремесленных профессий. В инвентаре 1713 г. значится

---

[41] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, лл. 259—279, 303—313 об. Подсчет наш.

[42] Там же, лл. 53 об.— 59 об.; д. 1701, лл. 5—17 об.; д. 1707, лл. 9—21; д. 1708, лл. 10—24, 36 об. Подсчет наш.

[43] AGAD, AR, dział XXV, nr 683, kk. 6—22.

[44] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1708, л. 28.

61 человек, в 1740 г.— 65, в 1747 г.— 57[45]. Всего же в первой половине XVIII в. в Клецке было 37 профессий. Количество ремесленников и их профессий свидетельствует о развитии ремесленного производства в этом сравнительно небольшом городе. Инвентарь 1760 г. выгодно отличается от других книг тем, что в нем против фамилий жителей города даны сведения об их занятиях: в это время в Клецке было 80 ремесленников 31 профессии[46], а всего во второй половине XVIII в. здесь насчитывалось 55 профессий. Таким образом, на вторую половину XVIII в. падает расцвет ремесла в Клецке. Ряд специальностей был тесно связан с потребностями феодала — владельца города. Клецк принадлежал отдельной линии Радзивиллов, не столь активно участвовавшей в политической жизни страны, как представители его несвижской и слуцкой линий. Поэтому политическая борьба второй половины XVIII в. отразилась на состоянии города не в такой степени, как это было в других радзивилловских городах. Клецк, по численности населения относившийся к группе небольших городов, имел значительно развитое ремесленное производство.

Примерно на таком же уровне ремесло во второй половине XVII и XVIII в. было развито в другом радзивилловском городе — Мире, центре так называемого Мирского графства. Город подвергся разорению во время войны в середине XVII и в начале XVIII в. В инвентаре Мира 1693 г. указаны 55 ремесленников 27 профессий[47]. Данные инвентарей и других документов о 49 профессиях во второй половине XVII в. показывают, что, несмотря на разорение во время войны, развито ремесленное производство здесь было выше, чем в ряде других частновладельческих городов. В инвентарной книге 1710 г. отмечены 46 ремесленников 28 профессий[48]. В других документах первой половины XVIII в. названы мирские ремесленники других профессий[49], а всего 57 различных

---

[45] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3136, лл. 7 об.— 16; д. 3138, лл. 2—10 об., 16—22 об., 400—413; оп. 4, д. 689 а — 1, л. 6; д. 1082, л. 17; д. 1089, лл. 26, 30, 36, 71; д. 1410, л. 5.

[46] Там же, д. 3138, лл. 317—324 об., 333—340.

[47] Там же, оп. 4, д. 1305а, лл. 101—112.

[48] Там же, оп. 2, д. 4466, лл. 200—201 об.; д. 4469, лл. 437—445 об.

[49] Там же, д. 4467, лл. 358, 358 об.; д. 4469, лл. 13, 24, 63 об., 64, 100, 104, 216, 258 об., 312, 314, 333, 351 об., 353, 368—369, 372, 387 об., 391; д. 4471, лл. 6, 19; д. 4478, л. 35.

профессий, часть из них была связана с обслуживанием нужд магнатского двора и хозяйства.

Немногочисленные сведения дают представление о состоянии ремесла в принадлежавшем Сапегам городе Ружаны. Инвентарь этого города 1762 г. выделяет 12 ремесленников и называет 15 профессий[50]. Всего в Ружанах во второй половине XVII и в XVIII в. было представлено в кожевенном производстве 4 профессии, а в производстве предметов одежды и в ткачестве — 10, в металлообработке — 5, в деревообработке, обработке минерального сырья и строительстве — 13, в производстве пищевых продуктов — 6, прочих профессий — 4. В Ружанах за весь период отмечено 42 профессии. Уровень ремесленного производства соответствовал здесь средним городам Белоруссии.

Как уже отмечалось, в середине XVII в. Шклов был одним из крупнейших ремесленных центров Белоруссии. Развитие ремесла в нем продолжалось, несмотря на разорение города в период войны 1654—1667 гг., вербовку и вывоз ремесленников в Русское государство. В инвентаре 1661 г. отмечено лишь 26 ремесленников 15 специальностей. Кроме того, здесь названо 30 лавок пекарей и 64 мясницких, отмечено и наличие в городе кожевников[51]. Таким образом, в городе было более 120 ремесленников 18 специальностей. В составленном после войны инвентаре Шклова 1668 г. приводятся данные о 58 ремесленниках 14 профессий, указаны 55 хлебных лавок, 52 мясницкие, а также названы сапожники, кожевники, слесари[52]. Можно предполагать, что в городе было более 160 ремесленников 18 профессий. Это, разумеется, меньше, чем в середине XVII в. Всего же во второй половине XVII в., учитывая данные инвентарей 1688 и 1693 гг., в Шклове было 49 ремесленных профессий. Во второй половине XVII в. Шклов оставался крупным центром ремесленного производства Белоруссии.

Очень скудными данными о ремесленниках первой половины XVIII в. располагают инвентари Шклова 1715, 1720, 1724 гг. Во второй половине XVIII в. (до присоединения восточной части Белоруссии к России) сведения о

---

[50] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 182, лл. 7, 10—19, 22 об., 25, 34; д. 183, лл. 1—14 об., 36; д. 221, лл. 1 об.— 10, 20.
[51] Biblioteka Czartoryskich, Rkps. 4471, kk. 14—19, 24—45.
[52] Ibidem, Rkps. 4473, kk. 25—75.

них есть и в инвентарях 60—70-х годов. Всего в XVIII в., по данным М. Топольской, здесь насчитывалось более 70 профессий, а ремесленники составляли около половины жителей города [53].

Более скудны данные о ремесле в Быхове. В чиншевой ведомости Старого Быхова за 1758 г. названо всего 22 мастера [54]. Здесь перечислены профессии незначительной части горожан. Количество ремесленников в Копыси во второй половине XVII в. дано в инвентаре города 1651 г.: зафиксировано 165 ремесленников 36 специальностей [55]. Данные о количестве профессий в этом городе во второй половине XVII в. показывают, что численность профессий не изменилась по сравнению с предыдущим периодом.

Инвентарь белорусского города Горки за 1683 г. содержит сведения о 68 ремесленниках 28 профессий [56]. Других сведений по этому городу нет.

Итак, количество ремесленников и профессий в белорусских городах, как правило, было значительным, за исключением периодов войн середины XVII и начала XVIII в. При этом по-прежнему более значительными оставались Слуцк, Несвиж, Шклов, Мир, Клецк, Копысь, Давид-Городок. Количество ремесленников в Слуцке за этот период росло во второй половине XVII — первой половине XVIII в. К середине XVIII в. наблюдается незначительное уменьшение, а затем в 60-х годах XVIII в. резкое сокращение: в 1765 г. — до 62% по сравнению с 1750 г. и до 58% по сравнению с 1728 г., а в 1767 г.— соответственно до 53,5 и 50%. Некоторое восстановление количества ремесленников до уровня 1765 г. и превышение этого уровня лишь на 6,6—14,2% произошло к 1801—1802 гг. (по сравнению с 1767 г. даже на 24—32,9%). Однако это не восполнило потерь, нанесенных ремесленному производству в 60-е годы XVIII в.

Упадок ремесла в первой половине XVIII в. был, как уже отмечалось, результатом влияния внешних факто-

[53] M. B. Topolska. Szklów i jego rola w gospodarce Białorusi wschodniej w XVII i XVIII wieku. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych». Poznań, 1969, s. 26—27.

[54] Biblioteka Czartoryskich, Rkps, 4566, kk. 3—11.

[55] AGAD, AR, dział XXV, nr 1766/2, s. 13—40; nr 1766/3, s. 15—47. Подсчет наш.

[56] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 371, лл. 1—23; д. 372, лл. 5—11 об.

ров — разорения городов в период Северной войны. Общий же подъем ремесленного производства частновладельческих городов, как и всей экономики Белоруссии, относится ко второй половине XVIII в., периоду экономического оживления в Речи Посполитой, в том числе и Белоруссии, хотя некоторые города оказались в это время в состоянии упадка.

Во второй половине XVII—XVIII в. в белорусских частновладельческих городах в целом увеличилось количество всех профессий по сравнению с XVI — первой половиной XVII в. Увеличение произошло и по отдельным группам.

Кожевенное и меховое производство. В этой группе ремесел насчитывалось 23 профессии (ранее 15). К обычным прибавились и такие: сапожники «белой работы», сапожники «немецкой белой работы», замшеники, переплетчики, красильщики мехов, ремесленники, изготовлявшие лайку; кошельки, кожаные мехи; выделывавшие юфть, сапожники, изготовлявшие женскую обувь. Усилилась специализация, особенно в сапожном производстве. В документах этого периода не упоминаются уже кордванники и дуботовки. Однако профессии этой группы не достигли численности их в королевских городах Белоруссии предыдущего периода (25).

Изготовление пряжи, предметов одежды, ткачество, обработка волокнистого сырья (42 профессии — ранее было 13). В этой группе прибавились: изготовлявшие военное обмундирование; портные «французской работы», «немецкой работы», «женской работы»; чулочники, шляпники, позументщики, басонщики, суконщики, сукновалы; ремесленники, производящие палатки (для магнатских войск); теребильщики; прядильщики «талек», нитей; белошвейники, кружевницы, ермольники, магерники, ковровщики; изготовлявшие шелковые пояса; ткачи полотна, пуговичники; ткачихи-обойщицы, скатертники, салфеточники, холщевники, белильщики, ткачихи, гобеленов; ремесленники, «делающие полсти цветные»; «делающие женские пухи»; матрацники; ремесленники, изготовлявшие мешки; канатники. Увеличение ремесленных профессий объясняется как специализацией, так и потребностями магнатского двора и войска. Не упоминаются золотошвейники, портные «шелковых вещей», опонники.

Обработка металла и оружейное производство (35 профессий — ранее было 20). Добавились игольники, гапличники (изготовлявшие крючки и застежки для одежды); ремесленники, изготовлявшие металлические чаши и кубки; бронники (изготовлявшие пищали); ключники, резчики по металлу, рудометы, слесари «английской работы», оружейники, литейщики колоколов, шлифовальщики, шихтеры (изготовлявшие нити из золота, серебра и меди), механики (у магнатов), точильщики, набойщики, оловянишники.

Деревообработка, обработка минерального и животного сырья, строительство (46 профессий — ранее было 30). Добавились: ремесленники, изготавливавшие рожки; клеевары, ложечники, «трачи» (нарезавшие и stругавшие доски), кирпичники, корзиночники, обойщики, будники, обжигальщики извести, плотники «витинные» (судовые), мраморщики; ремесленники, изготавливавшие фаянсовую посуду; кровельщики, восколеи, смолокуры, кафельщики, ценинники, каретные обойщики, печники. Не названы строители челнов, угольщики, «делающие лапти» и рурники.

Изготовление и обработка пищевых продуктов (29 профессий — было 17). Здесь прибавились булочники, пекари «гречневые», пряничники, «толкачники» (приготовлявшие особый вид хлебцов), ловцы раков, «кугляжи» (изготовлявшие особый вид печеных изделий из муки), «мучники», пекари «белого хлеба», ржаного хлеба, конфетники, повара (готовившие жаркое), бажантарники (на фазаньих фермах), квасники. Встречаются также редкие профессии ремесленников, работавших только у магнатов.

Транспортные профессии (9 профессий — было 5). Добавились к прежним водовозы, форейторы, «портовые» работники, плотогоны.

Прочие профессии (44 — ранее было 23). Добавились грузчики, скрипачи, цимбалисты, гобоисты, могильщики (придворные), трубочисты, фельдшера, акушеры, прачки, профессиональные нищие (организованные в цех), звонари, парикмахеры, пахари, арфисты, бандуристы, композиторы, капельмейстеры, хирурги, геометры, лирники, валторнисты, вожатые медведей, колодежные мастера, палачи. В этой группе профессий уже не упоминались дудари, охотники и сторожа.

Структура ремесленного производства в частновладельческих

Ремесло	Количество													
	Копыль		Несвиж			Давид-Городок			Клецк			Койданов		
	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVIII в.	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVIII в.	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVIII в.	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVIII в.
Кожевенное и меховое производство	1	2	4	7	5	2	4	5	4	5	7	3	4	5
Изготовление пряжи, предметов одежды, ткачество	3	3	3	8	16	2	2	2	3	5	7	2	1	3
Обработка металлов, оружейный промысел	1	2	6	12	11	7	6	6	4	5	10	2	1	2
Деревообработка, обработка минерального сырья, строители	3	4	16	17	12	9	9	9	5	9	11	8	3	6
Изготовление пищевых продуктов	1	5	6	10	8	8	4	7	6	8	7	7	1	2
Транспортные профессии	—	1	1	1	1	1	—	—	—	1	1	—	—	—
Прочие ремесла и профессии	1	3	9	14	14	3	4	3	3	4	12	1	—	2
Итого	10	20	45	69	67	32	29	32	25	37	55	23	10	20

Общее же количество ремесленных профессий составило во второй половине XVII—XVIII в. 228. Это больше, чем в городах Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Ремесленное производство в частновладельческих городах, несмотря на периоды спада, сделало шаг вперед. По сравнению с королевскими городами Белоруссии упадок частновладельческих городов был относительным. Вместе с тем значительная группа ремесленников обслуживала магнатский двор, войско, чиновников. В частновладельческих городах развивалось и ремесло как производство на заказ. В этом проявлялась специфика ремесленных занятий жителей частновладельческих городов.

Таблица 6

городах Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в.

профессий	Любча			Мир		Ружаны			Кореличи			Друя		Шклов			Быхов	Копысь	Горки
	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVIII в.	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVIII в.	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVIII в.	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVII в.	I пол. XVIII в.	II пол. XVIII в.	II пол. XVIII в.	II пол. XVII в.	1683 г.
	3	4	3	6	4	3	2	1	—	—	2	2	1	8	5	2	3	7	3
	2	—	4	9	10	2	2	9	—	1	5	2	2	7	4	3	1	3	2
	5	3	8	8	7	4	—	3	2	2	1	—	2	11	6	5	5	4	3
	8	1	—	16	20	4	5	10	—	2	4	3	2	9	4	15	9	11	8
	4	3	4	4	7	5	3	3	2	1	3	—	1	11	8	7	6	8	6
	—	—	—	2	3	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
	3	1	3	4	7	2	2	—	—	1	1	3	2	3	4	3	3	4	5
	25	12	22	49	57	20	14	26	4	7	16	10	11	49	31	35	27	37	27

Анализ данных о структуре ремесленного производства в частновладельческих городах Белоруссии (см. табл. 6) во второй половине XVII и XVIII в. показывает, что в городах, являвшихся центрами латифундий, — Несвиже, Шклове, Клецке, Мире, Копыси — значительное место занимали такие виды ремесла, как изготовление пряжи, одежды, ткачество. К концу рассматриваемого периода эти ремесла составляли 15—25% всех специальностей; обработка металла и оружейный промысел — до 12—18%; деревообработка, обработка минерального сырья, строительство — от 18—20% (Несвиж, Клецк) до 35% (Мир) и 38—42% (Ружаны, Шклов). В отличие от боль-

шинства королевских городов, где первое место занимали ремесла, связанные с обеспечением первоочередных нужд широких слоев населения в одежде, обуви и предметах хозяйственного обихода[57], в частностовладельческих городах (за исключением Слуцка и Копыля) были развиты такие виды, которые были связаны с обслуживанием магнатского двора и войска, хотя они также обеспечивали и население. Увеличение количества профессий в этих видах связано с открытием в XVIII в. магнатских мануфактур и широким строительством, которое шло в городах-резиденциях. Это обстоятельство влияло и на процесс дифференциации и специализации ремесленного производства в частновладельческих городах. Развитие ремесла характеризовалось также сохранением традиционных для каждого города профессий.

2. Цеховая организация ремесла

В эпоху феодализма ремесленное производство в городах развивалось в рамках корпоративной, цеховой организации. Борьба против притеснений феодалов, рост конкуренции беглых крепостных понуждали ремесленников к созданию цехов. Цехи объединяли ремесленников одной или нескольких профессий для лучшей организации производства и сбыта продукции. Цеховая организация была обусловлена общностью интересов мелких производителей-собственников, узостью местного рынка, непосредственным контактом ремесленников каждой специальности между собой, совместным использованием некоторых производственных, складских и торговых помещений, корпоративной обособленностью специальностей, характерной для феодального общества. Ремесленные организации (цеховые) в крупных королевских городах известны в Белоруссии с середины XVI в.

Цеховых книг частновладельческих городов Белоруссии не сохранилось. Но по другим документам магнатских архивов можно воссоздать некоторые стороны деятельности цехов. Цеховая организация ремесла в Слуцке, например, оформилась во второй половине XVI в. В актовой книге замкового суда за 1694 г. есть запись о том, что

[57] А. М. Карпачев. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Автореф. дисс. 1970, стр. 38—39.

существовало «право на цех мясницкий от славной памяти князей их милостей слуцких Олельковичей», т. е. в XVI в. Правила нескольких ремесленных цехов (эти цехи не названы) были подписаны слуцким князем в 1590 г.[58] В конце XVI в. здесь уже был создан кожемяцкий цех[59]. О существовании ремесленного объединения скорняков в XVI в. говорится в уставе цеха, подписанном в 1619 г. Янушем Радзивиллом. Устав 1619 г. не нарушал «стародавних уставов, которые они (скорняки. — *А. Г.*) от... предков наших (т. е. владельцев города в XVI в. — *А. Г.*) имеют»[60]. В 1619 г. для сафьянников и кордванников (обрабатывавших козловые шкуры), отмечал Януш Радзивилл, были старинные уставы, «которые имеют они от... предков наших»[61]. В пригодно-расходной ведомости княжеской казны за 1619 г. значатся цехи сафьянников, скорняков и кожевников[62].

В 1621 г. существовала «корпорация рыбаков города Слуцка» (8 человек), получившая подтверждение своих прежних прав. Ей свойственны черты ремесленного объединения: в документе 1641 г. говорится о рыбаках и их «товарищах» (подмастерьях). В этом же году портняжный цех получил устав от Богуслава Радзивилла. В 1649 г. устав получил цех кожевников[63].

Сначала создавались цехи ремесленников традиционных городских профессий. О существовании таких объединений еще до получения цеховых уставов свидетельствует их название — «братство». Это название сохранилось в уставе портняжного цеха 1641 г.[64] При введении уставов за образец брались уставы цехов королевских городов[65]. Устав давал ремесленникам определенную гарантию свободы деятельности, закреплял права и преимущества, корпоративную обособленность. Уставы регламентировали всю внутреннюю жизнь цехов.

---

[58] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1607, л. 490; д. 1618, л. 4.
[59] Минская старина, вып. IV (Тройчанский архив), стр. 78.
[60] РОБ АН ЛитССР, ERS-892, № 59, л. 116.
[61] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 77.
[62] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 10729, л. 9.
[63] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 1—7; teka 154, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 2—8; teka 158, Słuckie Rozmaitości.
[64] Ibidem, teka 154, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 2.
[65] Ibidem.

В конце XVI — первой половине XVII в. в Слуцке было 7 цехов (мясницкий, кожемяцкий, скорняцкий, золотых дел мастеров, сафьянников и кордванников, кожевников, портняжный) и 12 объединений ремесленников — ткачей, кузнецов, слесарей, серебряников, ювелиров, сапожников, шорников, литейщиков, резчиков по дереву, граверов, золотошвейников и рыбаков (13-е объединение скорняков получило в этот период права цеха).

В королевском привилее Слуцку 1652 г. утверждались существовавшие ремесленные цехи в городе, а также те цехи, которые могли быть основаны в будущем с разрешения владельцев города, все они имели свои артикулы (правила) и цеховые печати. Цехи в Слуцке были уравнены с подобными им в королевских городах [66].

Во второй половине XVII в. количество ремесленных цехов в Слуцке значительно увеличилось. Комиссары магната в сентябре 1660 г. утвердили правила мясницкого цеха [67], а 1 января 1662 г. Богуслав Радзивилл утвердил уставы скорняцкого, сафьянников, кожевников, сапожников «черного ремесла», сапожников «сафьянницкого ремесла» (сапожников «желтой работы»), слесарного и кузнечного цехов [68]. 7 ноября 1664 г. были утверждены уставы ткацкого и чулочного цехов [69]. В 1655 г. в архивных документах упоминается цех пивоваров, в 1662 г. — портняжный, в 1664 г. — магерников, в 1671 г. — цех шорников и седельщиков, в 1679 г. — суконщиков и кожемяцкий, в 1680 г. — портных, которые шили военное обмундирование, в 1683 г. — шаповальский и ткацкий цехи, в 1684 г.— кожемяцкий, кожевенный, шорный, в 1700 г. — цех цирюльников [70].

---

[66] AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, Copie przywilejów y listów..., Copia Prawa Magdeburskiego..., k. 30; teka 154, Miasto Słuck, przywilej..., s. 3.

[67] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5776, л. 23; AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Postanowienie Porządkow...; teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 62—65.

[68] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 8—95; teka 154, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 11—77.

[69] Ibidem, s. 35—46; teka 154, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 81—88, 92—101.

[70] ЦГИА БССР, ф. 1833, оп. 1, д. 1, лл. 106, 142, 243, 578; д. 2, л. 7; ф. 694, оп. 3, д. 13, л. 7; оп. 4, д. 1606, лл. 27—28; д. 1618, л. 27;

В уставе Слуцка от 25 января 1662 г. значится цех пекарей[71], который в магистратской книге 1654—1660 гг. фигурирует в качестве ремесленной организации, не имевшей еще прав цеха[72].

Во второй половине XVII в. ремесленники некоторых профессий были объединены в организации, не имевшие прав и не носившие названия «цех», однако по своему устройству и правилам, определявшим ремесленное производство, сходные с цехами. Таковы были означенные в книге магистрата 1654—1660 гг. организации плотников, мельников, каменщиков и пекарей[73] (последние в 1662 г. уже были организованы в цех). В списке цехов ремесленных и торговых профессий конца XVII в. прибавилась еще организация в Слуцке 11 профессий (плотники, каменщики, мельники, токари, стекольщики, колесники, каретник, бондари, пильники, столяры, гончары); они были объединены в цех и имели один дом для сходок[74]. В 1705 г. существовали уже отдельные гончарный и «столярный и стекольный»[75], выделившиеся из всех профессий этого цеха.

Объединения плотников и каменщиков возникли еще в первой половине XVII в., о чем можно судить на основании магистратских протоколов. В других документах фигурируют объединения рыбаков (в 1659 г.), булочников (в 1663 г.) и музыкантов (в 1668 г.)[76]. Во второй половине XVII в. в Слуцке был 21 цех и 6 ремесленных объединений.

Количество цехов в Слуцке оставалось большим и в первой половине XVIII в. К 1705 г. здесь были скорняцкий, чулочный, рыбацкий, кожевенный, сафьянницкий, портняжный, сапожников «белой работы», ткацкий, магерницкий (или шаповальский), гончарный, сапожников «черной работы», кузнецкий, плотницкий и стеколь-

---

ф. 757, оп. 1, л. 215; AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Copie, Puncta Cechow Sluckich...; Przywileje i Nadania..., s. 24—26, 55—60; teka 154, Kopie praw na Rozne Cechy, s. 111—112.

71 AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Ustaw dla Miasta Słucka od Xcia...

72 РОБ АН ЛитССР, ERS-889, Lauda albo uchwały..., s. 54—55.

73 Там же, стр. 26, 27, 54—55, 151.

74 AGAD, AR, dział XXIII, teka 137, Rejestra..., Cechy.

75 Ibidem, teka 137, Rejestra..., Regestr spisania Cechowego Zboża...

76 Ibidem, teka 134, Sprawy Sessyonalistów...; Przywileje i Nadania..., s. 27—30, 34; teka 154, Rozne Postanowienia.

ный, слесарный, мясницкий цехи — всего их было 15[77]. В архивных документах первой половины XVIII в. упоминаются эти и другие цехи — пивоваров, столярный и красильный; в некоторых документах слесарный и кузнецкий названы как один «слесарный и ковальский» (в инвентаре Слуцка 1728 г. «ковальский и слесарный»)[78]. Всего в первой половине XVIII в. в городе насчитывалось 18 цехов. Сведений о ремесленных объединениях без прав цеха в этот период нет. В архивных материалах второй половины XVIII в. названы цехи мясников, каменщиков (1779 г.), портных, в 1786 г. — кожевенный и сафьянницкий[79]. В 1776 г. — кузнецкий, магерницкий, музыкантский, сафьянницкий, ткацкий, сапожный, кожевенный, шорный, столярный, пивоваров, слесарный, сапожников «белой работы», скорняцкий, чулочников, гончарный, портняжный и мясницкий — всего 17[80]. В податной ведомости 1777 г. их перечислено 18. Это те же цехи, лишь сапожный назван «сапожным черным», столярный — «столярным и каретным», не назван музыкантский, указаны рыбацкий и «пахарский»[81], в котором были объединены мещане, жившие главным образом на предместьях, занимавшиеся сельским хозяйством, но они были причислены к ремесленникам (так записано в ведомости). Это количество цехов оставалось в Слуцке вплоть до 90-х годов XVIII в. В 1797 г. в городе их было 18[82]. Таким образом, всего во второй половине XVIII в. в Слуцке упоминается 20 ремесленных (и промысловых) цехов.

В соседнем радзивилловском городе Копыле в 1644 г. был сапожный цех, получивший правила[83]. О цехах в Копыле говорится и в королевском привилее от 27 августа 1652 г., по которому ремесленные цехи в этом городе «во всех прерогативах были уравнены с цехами

---

[77] AGAD, AR, dział XXIII, teka 137, Rejestra..., Regestr spisania Cechowego Zboża...
[78] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5815, л. 19; оп. 7, д. 699, л. 166; ф. 1825, оп. 1, д. 5, лл. 4, 25.
[79] Там же, ф. 694, оп. 2, д. 7440, л. 56; д. 7455, л. 58; оп. 3, д. 34, лл. 19, 20, 21; ф. 1825, оп. 1, д. 10, лл. 27, 80.
[80] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Indagacya...
[81] Ibidem, teka 154, Inwenarz seu Dyspartyment Podatkow...
[82] ЦГИА БССР, ф. 295, оп. 1, д. 3, л. 6.
[83] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey.

других городов страны». В 1668 г. были приняты правила («артикулы») портняжного цеха, в состав которого входили как ремесленники-христиане, белорусы, так и портные-евреи. Во второй половине XVII в. в Копыле существовал цех шапочников[84]. В 1674 г. были подтверждены правила для мясников, причем в этом документе упоминаются устав и правила цеха, которые были даны ранее прежними владельцами города с 1612 г. В феврале 1680 г. в юридических документах упоминаются копыльские цехи — портняжный, сапожный, ткацкий и гончарный[85]. В 1706 г. ткачи тоже получили цеховой устав[86]. Всего же в Копыле ремесленники во второй половине XVII в. образовали 6 цехов.

О несвижских ремесленниках сохранилось немного сведений. В инвентаре 1673 г. называется портняжный цех[87], в 1703 г. говорится о скорняцком[88].

В документе 1712 г. перечислено 6 цехов[89]. В 1729 г. упоминается «полотняный», в 1758 г. — те же ремесленные цехи: портняжный, слесарный, скорняцкий, ткацкий, сапожный, а также цех каменщиков[90]. Говорится о портняжном цехе, существовавшем в 1770 г.[91] Таким образом, всего в Несвиже было 8 ремесленных цехов. Такое сравнительно небольшое их количество в городе объясняется наличием здесь многих замковых ремесленников, а также тем, что Несвиж по численности населения относился к небольшим городам.

В Мире владельцы города тоже утвердили цехи и их уставы: в 1686 г. возник цех ткачей (холщаный цех); в 1693 г. — объединенный: портных, скорняков, шапочников, а также присоединенных к нему позументщиков, гончаров и музыкантов; в 1694 г. — сапожный[92]. 19 марта 1695 г. Кароль Станислав Радзивилл, владелец Несвижа и Мира, издал привилей, утвердивший еще

[84] M. Baliński. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana, t. III. Warszawa, 1846, s. 677.
[85] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 105, 112—116, 122—125.
[86] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 677.
[87] AGAD, AR, dział XXV, nr 2669/3, k. 11.
[88] Ibidem, dział XV, teka 18, plik 2, Miejskie Ogólne.
[89] Ibidem, teka 7, Electia na Woytowstwo...
[90] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 2577, л. 268.
[91] Там же, оп. 1, д. 311, л. 285 об.
[92] Там же, оп. 4, д. 1292, л. 11; д. 1305-а, л. 35.

один, не имевший названия цех, в него вошли ремесленники разных специальностей — мечники, набойщики, оружейники, золотых дел мастера, слесари, вышивальщики, котельщики, стекольщики, столяры, резчики по дереву и кузнецы. В привилее указывалось, что устав цеха принят по образцу несвижского. Следовательно, магнат переносил организационное устройство цехов из одного своего города в другой. Кроме того, здесь в 1753 г. был отдельный кузнечный [93]. Всего в Мире было 5 ремесленных цехов.

В Клецке по привилею ордината князя Яна Радзивилла в 1703 г. были утверждены устав и правила общего цеха «ткацкого полотняного, гончарного и каменщиков». В 1706 г. ординат по просьбе мещан Клецка, ткачей и гончаров, выдал новый привилей, которым дал им новые льготы. В инвентаре Клецка 1760 г. названы цехмистр-скорняк Василь Череповицкий и Базыль Щебловский, цехмистр-сапожник. В 1779 г. назван и мясницкий [94]. Итак, в Клецке в XVIII в. было 4 ремесленных цеха. В инвентаре Давид-Городка 1670 г. упоминается сапожник-цехмистр Андрей Быблик, а в 1692 г. — рыбацкий цехмистр [95]. О других цехах в Давид-Городке сведений нет. В Копыси также был ремесленный цех в середине XVII в.[96] В Любче в 1647 г. назван пивоварный [97]. В Койданове в 1660 г. — сапожников черной и желтой обуви, в документе 1778 г. говорится о деятельности сапожного, портняжного и ткацкого цехов [98].

В Шклове в XVII в., по данным М. Б. Топольской, существовали цехи пекарей, мясницкий, пивоваров, кожевенный, скорняцкий, сапожный, общий слесарный и кузнечный, плотничий, гончарный, сукновалов, отдельный цех образовали ремесленники-евреи. Большинство

---

[93] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 311, лл. 65—65 об.; оп. 4, д. 1305-а, лл. 61—62.

[94] Там же, оп. 2, д. 89, л. 6; д. 3138, лл. 2, 317 об., 320, 320 об., 333 об., 335 об., 336; оп. 4, д. 1089, лл. 95—96, 104.

[95] Там же, оп. 2, д. 1913, л. 196; д. 3137, л. 40 об.

[96] St. Alexandrowicz. Kierunki produkcji.., «Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza». Historia. Zeszyt 6, 1964, s. 43.

[97] St. Alexandrowicz. Ordynacja miasteczka Lubcza nad Niemnem z 1647 roku. «Rocznik Białostocki», t. III. Białystok, 1963, s. 446.

[98] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3374, лл. 24, 25; д. 3398, л. 3 об.

этих объединений возникло в первой половине XVII в.[99] Всего в Шклове было 11 ремесленных цехов. Ссылаясь на инвентари города второй половины XVII и XVIII в., М. Б. Топольская утверждает, что в это время в Шклове были олейницкий, портняжный, рыбацкий, котельный, колесный и бондарский цехи [100].

Однако в конце XVII—XVIII в. существовали и другие цехи. Об этом говорится в инвентарях Шклова 1693, 1715, 1720, 1724, 1764 гг. (мясницкий, кожевников, сапожников, пекарей). Начиная с середины XVIII в. в Шклове было лишь 4 цеха (мясников, пекарей, олейников и рыбаков)[101].

В сапежинском городе Друя в привилее 1618 г. об основании города (а точнее, его преобразовании в большое городское поселение) говорится о возможном основании в будущем цехов, если в город начнут стекаться ремесленники в достаточном количестве, чтобы можно было создать объединение: «А если господь бог допустит, так чтобы в этот мой город ремесленники собирались, тогда для лучшего порядка и цехи городской урад установит»[102]. Магнат передавал право образования цехов и утверждения их уставов городскому магистрату. Упоминание о цехах в Друе есть в «Уставе для земян» этого магнатского владения (1700 г.)[103]. О. Гедеманн высказал предположение, что здесь существовали цехи кожевников и шапочников [104].

В принадлежавшем роду Жаб городе Ушачи королевский привилей 1758 г. называет цехмистров [105]. Следовательно, и здесь были цехи.

В частновладельческих городах Белоруссии, как и в королевских в XVII—XVIII вв., существовали общие цехи, в которые объединялись ремесленники разных специальностей. В Слуцке такие объединения в XVII в.

---

[99] M. B. Topolska. Szkłów i jego rola w gospodarce Białorusi wschodniej w XVII i XVIII w. «Roczniki dziejów...», t. XXX. Poznań, 1969, s. 25.
[100] Ibidem, s. 26.
[101] Biblioteka Czartoryskich, Rkps. 4475, k. 68; nr 4488, kk. 15, 16, 21; nr 4489, kk. 8—10, 12; nr 4491, k. 13; nr 4493, k. 24; nr 4494, k. 23; nr 4496, k. 22; nr 4498, k. 24; nr 4500, k. 23; nr 4501, k. 25; nr 4502, k. 24.
[102] O. Hedemann. Dzisna i Druja.., s. 385.
[103] Ibidem, s. 416.
[104] Ibidem, s. 418.
[105] Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, nr 5981, s. 260.

создали ремесленники (сафьянники и кордванники; скорняки и шапочники; шорники, седельщики и матрацники)[106]. До 1662 г. в Слуцке был объединенный слесарный и кузнецкий цех[107]. В уставе от 1 января 1662 г. говорилось, что до момента издания магнатом устава здесь были объединены слесари, кузнецы, замочники, ножовщики, мечники и другие ремесленники, а с 1662 г. все они разделились на два цеха: 1) кузнецов и ножовщиков, 2) слесарей, замочников, мечников и «тому подобных»[108]. В 1685 г. в слесарный цех вошли и котельщики[109].

В конце XVII — первой половине XVIII в. в Слуцке вновь образовался объединенный цех слесарей и кузнецов. Во второй половине XVIII в. он разделился. В 1705 г. был общий плотничий и стекольный цех.

В конце XVII в. в Слуцке значительная часть цехов состояла из ремесленников разных, хотя в большинстве случаев близких профессий. Во второй половине XVII—XVIII в. по документам проходят 12 общих цехов, в которые входили ремесленники 53 разных специальностей — от 2 до 11 в каждом цехе. При этом численность ремесленников в них зависела не только от количества профессий, но и от количества мастеров этой специальности в городе.

Существовавшие в XVI—XVIII вв. в Слуцке цехи объединяли ремесленников одной или нескольких смежных профессий. Объединение ремесленников разнородных профессий в один цех для Слуцка было исключением. Наличие в городе цехов одной или нескольких смежных профессий говорит об уровне развития ремесла в Слуцке в этот период. И в Несвиже были цехи, объединявшие ремесленников близких профессий.

Все эти данные о развитии цеховых объединений в частновладельческих городах доказывают, что, несмотря на дифференциацию ремесленных профессий и рост цехов, происходил и процесс слияния уже существующих цехов. Это объясняется как стремлением ремесленников

---

[106] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 15, 55—60, 61.

[107] Ibidem, s. 85; teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy.., s. 70.

[108] Ibidem, teka 134, s. 85; teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 61, 70.

[109] Ibidem, teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 69.

некоторых смежных профессий объединить усилия в утверждении своих профессиональных и корпоративных интересов, так и экономической политикой магнатов, которые консолидировали отдельные цехи, гарантировали себе таким образом постоянный доход и усиливали власть цеховой старшины более сильных в экономическом отношении ремесленных корпораций. Вместе с тем объединение ремесленных цехов, сокращение их количества, если оно сопровождалось уменьшением численности ремесленного населения в городе, означало снижение уровня ремесленного производства.

Численность ремесленников в цехах была самой различной [110].

В Несвиже в 1712 г. названы мастера различных цехов во главе с цехмистрами [111]. В 1770 г. в портняжном цехе Несвижа насчитывалось несколько десятков человек [112]. И здесь были более и менее многочисленные по составу корпорации. В 1753 г. в кузнечном цехе Мира было всего лишь четыре мастера, двое из них приезжих [113].

В известной мере в зависимости от количества ремесленников в цехе находилось финансовое состояние объединения. В частновладельческих городах были «богатые» и «бедные» цехи. Это проявлялось и в том, сколько провианта на случай осады города заготовлял цех, в налогах и штрафах.

В мае 1705 г. слуцкий скорняцкий цех заготовил 105 корцев ржи [114], кожевенный — 80 и еще должен был купить 20 [115]. В 1777 г. годовой налог в казну магната с цехов Слуцка был разным. По высшей ставке (по 300 злотых) платили ткацкий и сапожный «белый» цехи, по 250 злотых — скорняцкий, кожевенный и сапожный «черный» [116]. «Бедным» цехом был кузнечный в Мире.

---

[110] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Indagacya...
[111] Ibidem, dział XV, teka 7, Electia na Woytowstwo...
[112] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 311, л. 285.
[113] Там же, л. 65.
[114] Слуцкий корец ржи весил 253, 244 кг. См. Грицкевич А. П. Местный рынок сельскохозяйственных продуктов в Слуцком княжестве в Белоруссии в конце XVII — начале XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г.». Рига, 1963 г., стр. 247.
[115] AGAD, AR, dział XXIII, teka 137, Rejestra..., Regestr spisania Cechowego Zboża...
[116] Ibidem, teka 154, Inwentarz seu Dyspartyment Podatkow...

В 1753 г. он не мог даже купить свечи на похороны князя и княгини [117].

Более многочисленные и богатые в финансовом отношении цехи обладали и большим весом во внутриполитической жизни города, с большим упорством отстаивали свои права и боролись против злоупотреблений городской верхушки, в некоторых случаях возглавляли выступления и других ремесленников. Так, в 1684 г. во время волнений, происходивших среди слуцких мастеров, против злоупотреблений при сборе налогов членами магистрата главную роль играли скорняцкий, портняжный, кожемяцкий, сафьянницкий и слесарный цехи [118].

Уставы и правила цехов Слуцка, Копыля, Мира и Клецка, а также другие архивные документы дают представление о цеховой организации в частновладельческих городах, об их управлении и внутренней структуре. Нами изучены тексты 29 цеховых уставов и правил разных лет начиная с 1619 до 1703 г.[119]

Цеховые привилегии, уставы и правила не были актами милости королевской власти, магнатов или их наместников. Объединявшиеся в цехи ремесленники сами добивались от властей актов, которыми закреплялись их льготы и привилегии, оговаривались права и гарантии. Об этом говорит утверждение правил сапожного цеха в Копыле в 1644 г. наместником магната Яном Сосновским. Правила были предварительно обсуждены и приняты самими копыльскими ремесленниками [120].

Как обычно, магнат в своем привилее об учреждении цеха писал стереотипную фразу: «Объявляем этим листом нашим, что нас мещане наши ремесленники... (далее следовало название ремесла.— *А. Г.*) просили, чтобы мы им право и цех... (название ремесленного цеха. — *А. Г.*) по обычаю других порядочных городов и

---

[117] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 311, л. 65.
[118] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Kopie, Puncta Cechow Słuckich...
[119] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1089, лл. 95—97, 104; д. 1305а, лл. 35, 61; ф. 1739, оп. 1, д. 1, л. 147; РОБ АН Литовской ССР, ERS-892, № 59, лл. 116—119; AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Postanowienie Porządkow Rzeznikow Słuckich...; teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey; Przywileje i Nadania..., s. 1—106; teka 154, Rozne Postanowienia; Nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 2—125; teka 158, Słuckie Rozmaitości.
[120] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey.

милостью нашей уделили и дали...»[121] Постоянное повторение этого в привилеях — свидетельство того, что цеховые уставы и привилегии следует рассматривать как завоеванные самими ремесленниками права: цеховые ремесленники обеспечивали себе возможность самим решать внутренние дела, хоть и под общим надзором городской и магнатской администрации. Однако и магнаты были заинтересованы в создании цеховых организаций и предоставляли такие права с тем, чтобы устранять конкуренцию между ремесленниками одной или нескольких близких профессий, устанавливать порядок, по которому казна магната получала бы доход от горожан, чтобы подчинить мастеров цеховой верхушке, а подмастерьев и учеников — мастерам.

Несмотря на иерархическую структуру цеха и носившие феодальный характер правила, создававшие искусственные перегородки между отдельными цехами и в каждом из них, в делах внутреннего управления полноправные члены цеха пользовались сравнительно широкими правами, которые фиксировались в уставах. Это обстоятельство в немалой степени побуждало ремесленников добиваться привилеев и уставов.

Но не все уставы издавали сами магнаты. Нередко привилей на создание цеха и утверждение его устава публиковали наместники магната, его комиссары, с последующим утверждением владельцем города. Небольшие цехи и ремесленные объединения получали уставы от магистрата или войта.

Цеховые уставы частновладельческих городов издавались магнатами по подобию других городов государства и поэтому в принципе мало отличались от них. Даты издания уставов (главным образом вторая половина XVII — начало XVIII в.) свидетельствуют, что по сравнению с крупными королевскими городами Белоруссии и Литвы формирование ремесленных цехов в частновладельческих городах несколько запаздывало.

Тексты уставов различались в зависимости от количества ремесленников в цехе. Большие цехи имели соответственно и более пространные уставы (до 30—40 пунктов). Эти уставы отражали всю деятельность кор-

---

[121] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 2, 8, 35, 77, 97; teka 154, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 11, 21, 33, 43, 77, 92.

порации. Вместе с уставом цехи получали печати, похожие на такие же, как в королевских городах (как было записано в привилее цехам 1652 г. в Кейданах)[122].

Многосторонняя производственная и общественная деятельность городских ремесленников вносила поправки, разъяснения, уточнения в постановления цеховых правил и уставов. Такие уточнения и поправки делали владелец города или его наместники, городской магистрат. Осуществлялось это в форме особых привилеев, писем магната или решений городского магистрата, все они имели обязательную силу наравне с цеховыми уставами. При этом многочисленные поправки и дополнения к уставам издавались особенно часто во второй половине XVII и в самом начале XVIII в. (Слуцк, Клецк). И в этих случаях инициаторами дополнений были сами ремесленники, стремившиеся таким образом зафиксировать и отстоять свои права и льготы.

По настоянию самих ремесленников в цеховых уставах частновладельческих городов фиксировалось требование, чтобы все ремесленники в городе были объединены в свою организацию в зависимости от специальности[123]. В цехи, следовательно, входили ремесленники, находившиеся не только под юрисдикцией магистрата частновладельческого города. В инвентаре Слуцка 1728 г. после ремесленников, проживавших в юрисдике Ильинского монастыря, записано: «Они относятся по ремеслу к цехам»[124]. Ремесленники-юрисдичане (в 1728 г. 37 человек из 874, или 4,2% всех ремесленников города) входили в состав цехов. Таким образом, в частновладельческих городах в цехи были объединены не только ремесленники магистратской юрисдики, но и принадлежавшие шляхетским и духовным юрисдикам. Такое положение в XVII—XVIII вв., по А. П. Игнатенко, наблюдалось и в королевских городах Белоруссии[125].

Наказания же членов цеха, живших в юрисдике (заключение в тюрьму, арест, наложенный на их имущество), осуществлялись лишь с ведома владельца

---

[122] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1195, л. 19.

[123] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 8—9, 35, 67, 85, 97; teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 11, 21, 33, 43.

[124] ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 5, л. 7.

[125] А. П. Игнатенко. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв. Минск, 1963, стр. 37.

юрисдики. В 1627 г. князь Крыштоф Радзивилл запретил войту и цеховой старшине наказывать юрисдичан из предместья Тройчаны, которые жили в юрисдике Троицкого монастыря, без ведома архимандрита[126].

Уставы цехов не делали различий между ремесленниками, жившими в городе и в его предместьях: и мещане разных частей города, и предмещане должны были записываться в цех на равных основаниях. Устав сафьянников и кордванников в Слуцке (1619 г.), объявлял, что ремесленники этих профессий из всех частей города и предместий объединяются в цех. В уставе слуцких кожевников 1649 г. предусматривалось, что все кожевники, проживавшие в городе и его предместьях, должны были записаться в кожевенный цех[127]. Это же требование было включено и в другие уставы. Таким образом, в цехи объединялись все ремесленники определенной (или нескольких смежных) профессии. Магнат оставлял за собой право привилеем разрешать отдельным лицам не входить в цех. Обычно это были замковые мастера. Владелец города в каждом отдельном случае издавал особый привилей, лишний раз подчеркивая обязательность участия в цехе.

В частновладельческих в отличие от королевских городов Белоруссии нецеховые ремесленники среди мещан-христиан (не считая замковых), по данным архивных документов XVII и XVIII вв., исчислялись единицами. В инвентаре Слуцка 1689 г. отмечено лишь четыре нецеховых ремесленника: два сапожника, скорняк и шапочник. Здесь специально отмечалось — «в цех еще не вступили»[128]. Это примечание говорило об универсальности цеховой системы в частновладельческих городах в этот период.

В уставах оговаривался порядок избрания мастерами — полноправными членами цеха — цехмистра, которому следовало во всем подчиняться. Мастера сроком на один год избирали цехмистра из своей среды, непременно имеющего дом в городе. При издании устава цеха копыльских мясников (1674 г.) были назначены два цехмистра с последующим избранием через год. Уставом предписывалось, чтобы цехмистр «прилежно как нашу

[126] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Rozmaitości...
[127] Ibidem, teka 134, Przywileie i Nadania..., s. 2, 77.
[128] Ibidem, dział XXV, nr 3835/1, s. 17, 18, 24.

(т. е. владельца города. — *А. Г.*), так и их самих (членов цеха. — *А. Г.*) выгоду соблюдал». В помощь цехмистру мастера выбирали на год двух или трех «подцехмистров», «старших», также имеющих дома в городе [129]. Мастера избирали и цехового писаря (уставы слуцкого цеха портных 1641 г. и клецкого ткачей, гончаров и каменщиков 1703 г.) [130].

Во второй половине XVII в. в большинстве цехов установился обычай избирать трех цехмистров, один из них был старшим [131]. Как правило, на должности цехмистров избирались более богатые ремесленники.

В частновладельческих городах цеховую старшину магнат рассматривал как представительницу интересов владельца города. Он требовал безусловного подчинения членов цеха цехмистрам, как мог препятствовал частой их смене, этим посягая на право мастеров переизбирать цехмистров ежегодно. В уставе цеха мясников в Копыле (1674 г.) записано: «Цехмистров своих мясники копыльские по своей воле менять не должны до истечения года, и то всегда с извещением замковых властей...» В январе 1683 г., когда, воспользовавшись правом, записанным в уставе, все мастера цеха скорняков в Слуцке подали в магистрат жалобу на цехмистра Бутолича, обвинили его в злоупотреблениях и доказали достоверность своих обвинений, магистрат отметил, что его следовало бы снять, но решил оставить на должности и порекомендовал скорнякам обратиться еще раз в магистрат, если цехмистр не исправится [132].

В уставах отмечалось, что магнат передает власть внутри цеха старшине, которая обязана «стараться, чтобы цех этот всегда имел прибыль и добрые порядки» [133]. Это подчеркивалось и в присяге, которую приносили слуцкие и копыльские цехмистры в XVII в. [134]

---

[129] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 9, 36; teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 12, 93, 105.

[130] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1089, л. 95; AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 8.

[131] ЦГИА БССР, ф. 1833, оп. 1, д. 1, лл. 106, 379, 390; ф. 694, оп. 4, д. 1606, лл. 27—28, 30; ф. 737, оп. 1, д. 1, л. 377.

[132] AGAD, AR, dział XXIII, teka 151, Księga Mieyska...; teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 106.

[133] I b i d e m, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 36; teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 93.

[134] В тексте присяги упоминается княгиня (дочь Богуслава Радзивилла), которая владела Слуцком и Копылем в 70—90-х годах

Магнат давал цехмистру и старшим цеха право судить членов цеха. В уставе слуцкого кожевенного цеха (1649 г.), изданном Богуславом Радзивиллом, было, например, записано: «Даем этому цехмистру и тем избранным к нему старшим такое право, чтобы всякие проступки и провинности цеховые между собой судили»[135]. Это право содержали тексты и других уставов. При этом оговаривалось (как, например, в уставе слуцкого цеха чулочников 1664 г.), что «суды их цеховые будут не по каким-нибудь другим делам, а только по делам, относящимся к их чулочному ремеслу... чтобы ни один чужой чулочник ремеслом не занимался и препят-

---

XVII в. Один из вариантов присяги на польском языке: «Я... цехмистр цеха... присягаю господу богу всемогущему, в троице святой единому, в том, что верно и справедливо дела цеховые в период моего цехмистровства без ущерба для братии и цеховой казны совершать буду, стараясь о том, чтобы всякий хороший порядок соблюдался во время цехмистровства моего во всем, что касается ремесла нашего. Штрафы всякие и надлежащие доходы цеха, в том числе с родственников, соседей и других людей, не из ненависти или из-за гнева, а так, как виновным себя покажет, собирать буду и надлежащие штрафы ее милости княгине, правлению замка слуцкого справедливо и без всякого облегчения, не скрывая, буду передавать. Также доходы те ни на что иное не обращать без извещения братии, мне цехом приданной, не буду, и все реестры приходов и расходов ежегодно при сдаче цехмистровства своего, честно рассчитываясь во всем, будущим цехмистрам отдавать должен и согласно данных прав князьями их милостями цеху нашему поступать буду. На чем как справедливо присягаю, так мне, господи боже, помоги» (AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., Rota Juramentu, jako Cechmistrzowie Słuccy y Kopylscy mają przysięgać...).

Другой вариант присяги, относящийся к 80-м годам XVII в. (в тексте говорится о княгине, маркграфине бранденбургской, т. е. ко времени замужества Людовики Каролины за братом бранденбургского курфюрста, в 1681—1687 гг.—*А. Г.*). Перед словами «Штрафы всякие и надлежащие доходы» вставлена фраза: «согласно правилам, в листе цеховом описанным, и чтобы цеху нашему в данных ему правах и добрых обычаях никакого ущерба не было или препятствия, или дурная слава, особенно из-за людей, в пьянстве и безделии пребывающих и бога не боящихся». Затем после упоминания княгини добавлено: «маркграфине бранденбургской, госпоже нашей милостивой (которой, как во всем, так и в этом, верность сохранять должен буду) и их милостям вышестоящим властям здешнего города, а именно его милости пану губернатору...» (AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Copie, Rota do wykonania Juramentu Cechmistrzow...).

135 AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 2.

ствий цеху не чинил...» Устав определял компетенцию цехового суда: цеховая старшина должна была строго следить за производственной деятельностью мастеров, преследовать ремесленников, выпускавших недоброкачественную продукцию, судить споры между мастерами и подмастерьями, между самими мастерами (если один мастер охаивал публично работу другого или сманивал его подмастерьев). Мастерам разрешалась апелляция на решения цехового суда «по главнейшим делам» в замковый суд[136].

У цехмистра находилась казна («братская скрынка»), в которой хранились денежные средства цеха, взносы членов и деньги, взимавшиеся за те или иные проступки. Однако ключи от казны были не только у цехмистра, но и у избираемого из среды мастеров ключника, причем деньги можно было брать с ведома членов цеха (как это записано в уставе копыльских мясников 1674 г.)[137].

Владелец города выделял цеху земельный участок для постройки дома, в котором происходили «сходки». Дом и участок были освобождены от налогов.

Для решения внутрикорпоративных вопросов и внешней деятельности регулярно раз в две недели происходили собрания в слуцких и копыльских цехах[138], раз в четыре недели — в клецких и мирских[139]. На сходках каждый сидел на отведенном ему месте (как это записано, например, в уставе копыльских сапожников 1644 г.)[140].

По уставу ремесленники как в производстве своих изделий, так и в их реализации не могли поступать самостоятельно; они обязаны были подчиняться цеховой регламентации. Уставы и традиции фактически препятствовали значительному накоплению денежных сумм в руках мастеров; они тормозили имущественную дифференциацию мастеров и затрудняли расширение производственной деятельности.

---

[136] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 36; teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 93.

[137] Ibidem, teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 106.

[138] Ibidem, teka 134, Sprawy Sessyonalistów...; Przywileje i Nadania..., s. 97; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 81, 106.

[139] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1089, л. 95; д. 1305а, л. 61.

[140] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów...

В уставах предусматривалась возможность прибытия в город иногородних ремесленников. Так, например, в уставе кожевников Слуцка (1649 г.) говорилось: «А если бы с этого времени случилось бы, что какой-нибудь человек, мастер ремесла их кожевенного, в город наш пришел и хотел бы, оседлость взявши, ремеслом заниматься, тогда устанавливаем, чтобы каждый ремесленник из прихожих не осмеливался заниматься ремеслом, пока в цех не вступит, а вступая в цех, должен дать в цеховую скрынку 4 копы литовских, и только потом ему можно будет работать, как и другим, местным ремесленникам, и потомству его...» Такие же или сходные формулировки были записаны и в других уставах[141]. В 1662 г. скорняки имели уже взнос в 6 коп литовских. Такой же размер вступительного взноса был зафиксирован в уставе сафьянников в 1662 г.[142] Вступающий в цех иногородний мастер-ремесленник должен был показать документ о принадлежности к цеху в другом городе («аттестацию») и «своими руками» сделать работу («штуку»), проявив свои способности. Уход из цеха требовал взноса в цеховую казну[143]. Подмастерья не были полноправными в цехе, а занимали подчиненное по отношению к мастерам положение. В состав цеха входили не только местные подмастерья, но и совершавшие «вандровку» (прибывшие на некоторое время для совершенствования мастерства) подмастерья из других городов Великого княжества Литовского[144].

Цехи в частновладельческих городах строились по принципу мастер — подмастерье — ученик. Но не все они имели такой состав — в некоторых были только мастера и подмастерья (например, мясницкие цехи в Слуцке и Копыле). Все мастера, подмастерья и ученики записывались в особые для каждой категории цеховые реестры.

Низшую ступень в цеховой организации занимали ученики («хлопята»). В уставе слуцких кожевников за 1662 г. говорилось: «Что касается учеников, которые выше

---

[141] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 2, 38; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 95.

[142] Ibidem, s. 11, 70; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 13, 24, 134.

[143] Ibidem, s. 101; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 84.
teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 84.

[144] РОБ АН Литовской ССР, ERS-892, № 59, л. 117.

поименованному ремеслу захотят учиться, то каждый таковой хлопец, когда к мастеру на науку поступать будет, должен сначала перед цехом в книги ученические, для этого особо заведенные, быть вписан и годы при этом, за которые должен научиться ремеслу, должны быть отмечены, которых лет срок самый малый 3, а самый большой 5 ученикам устанавливаем...»[145] Однако не везде и не всегда этот срок выдерживался. Так, в договоре родителей подростка Семена Таратынки с мастером-кожевником Василием Гудлевским (Друя, 1729 г.) был указан срок учебы 6 лет. А в 1730 г. в документах Друи найден договор об обучении ученика кожевенному ремеслу в течение 10 лет[146].

В обязательном порядке в цеховые книги вписывалось свидетельство двух добропорядочных мещан, что ученик был законнорожденным сыном своих родителей, или письмо об этом магистрата другого города, где он родился. За запись в книгу ученик вносил в цеховую казну 12 грошей (литовских)[147].

В 1619 г. в скорняцком цехе ученик вносил вступительный взнос в казну в размере одного польского злотого[148], в 1662 г. у сапожников «черного ремесла» и в цехе сафьянницкого ремесла — 15 польских грошей[149]. Мастерам запрещалось держать у себя учеников без ведома цеха. Так, в уставе клецких ткачей, гончаров и каменщиков (1703 г.) было записано: «А который, хлопка долго у себя державши, в цехе об этом не рассказал и тайно его ремеслу ткацкому, гончарному и каменскому учил, такой должен заплатить штраф полкамня воску»[150].

Поступивший к мастеру ученик должен был ему «служить и платить»[151]. В 1777 г. клецкий мастер-скорняк Григорий Череповицкий взял в обучение Вавжынца Пузика, за что получил четыре корца ржи, один корец гречки, полштуки свиного сала, два платка, деньги и корову (которую должен был вернуть по окончании срока учебы). Мастер должен был одевать ученика, а

---

145 AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 38.
146 ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1348, оп. 1, д. 1, лл. 135, 244.
147 AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 38, 39.
148 РОБ АН Литовской ССР, ERS-892, № 59, л. 117.
149 AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 46.
150 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1089, л. 95.
151 AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 3.

после окончания учебы дать Пузику жупан[152]. После окончания срока обучения ученик делал взнос в цеховую казну, затем получал от мастера свидетельство, становился подмастерьем и мог поступать к любому мастеру.

Как уже отмечалось, в некоторых цехах частновладельческих городов не существовало учеников (в мясницких цехах). В связи с ограниченностью цехового производства и замкнутостью корпоративной организации воспроизводство и подготовка ремесленников не встречала затруднений. Дети обычно наследовали профессию отца[153]. Магнат регулировал подготовку для города будущей рабочей силы. Так, 10 февраля 1662 г. Богуслав Радзивилл в универсале, направленном губернатору, экономам, старостам, властям замка слуцкого и слуцкому войту, записал, что в Слуцке в результате военных действий скопилось «много молодых и здоровых юношей и девушек из разных городов, местечек и сел...» Магнат разрешил мастерам-ремесленникам, мотивируя эту меру борьбой против нищенства, обмана и воровства, молодежь «силой брать, чтобы на них бесплатно за хлеб и за одежду работали: таким образом, что, взяв такого юношу, должны его к властям отвести и записать там, что берут на 7 лет на обучение ремеслу...»[154]

Следующую ступень цеховой иерархии составляли подмастерья. Переход в высшую группу ремесленников — из подмастерьев в мастера — был сложным Подмастерье («товарищ») должен был прослужить у мастеров не менее 3 лет и совершить «вандровку» в один из крупных центров Речи Посполитой, «обучаясь еще лучше в этом ремесле». После возвращения из путешествия подмастерье получал право выдержать экзамен — изготовить образцовое изделие, а также внести установленный взнос в цеховую казну. Затем он становился мастером и полноправным членом цеха[155].

Сыновья местного мастера этого же ремесла имели льготы при переходе из подмастерьев в мастера. После

---

[152] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 90, лл. 21, 22.
[153] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey; Przywileje i Nadania..., s. 3.
[154] AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, Priwilegia y listy..., k. 12.
[155] Ibidem, s. 3, 14, 44; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 14, 99.

возвращения из «вандровки» и показа «штуки» они становились мастерами без уплаты взноса [156].

В некоторых уставах предусматривался более быстрый переход подмастерья в мастера: в случае женитьбы на мещанке подмастерье вносил 40 коп грошей литовских в цеховую казну и устраивал ужин для мастеров. В уставе клецких ткачей, гончаров и каменщиков было оговорено, что сын мастера этого цеха, женившийся на наследнице или вдове ремесленника другой профессии, становился мастером своего цеха, внося лишь 20 коп грошей и устраивая ужин. Если же он женился на наследнице или вдове ремесленника своего цеха, то становился мастером, устроив ужин в половину («полколяции»). Подмастерье, женившись на наследнице или вдове мастера своего цеха, платил в цеховую казну 2 копы грошей и устраивал «полколяции» [157].

Особые требования предъявлялись к иногородним подмастерьям, желавшим поселиться в городе. Они, кроме представления свидетельств о своей работе у мастеров в других городах, должны были внести в цеховую казну 12 грошей, а затем отслужить определенный срок у мастера. Лишь после того как подмастерье приобретал дом в городе и записывался в мещане этого города, заплатив вступительный взнос, он принимался в цех [158]. В частновладельческом городе существовала одна категория подмастерьев, но различались они по признаку жительства: местные и иногородние (как приходившие во время «вандровки», так и желавшие осесть в городе).

Уставы, изданные владельцем города, признавали за членами цеха монопольное право на производство данного вида ремесленных изделий в пределах города и гарантировали сохранение профессиональных тайн членами цеха. Ремесленники, выдавшие профессиональную тайну, подвергались штрафу в 100 грошей в цеховую казну и тюремному заключению [159].

В уставах фиксировались корпоративные привилегии того вида ремесла, той профессии, к которым относились ремесленники. Особенно тщательно оговаривались в уста-

---

[156] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 14; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 14.
[157] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1089, л. 96.
[158] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 14—15.
[159] Ibidem, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 3—4.

вах монопольные права каждого цеха и разграничение деятельности ремесленников смежных профессий. В уставе кожевников 1662 г. было записано: «Чтобы сафьянники в ремесло кожевенное не врывались и дубом никакие кожи не выделывали, так как это кожемякам только принадлежит»[160].

В связи с нарушением правил другими ремесленниками цехи добивались у магнатов подтверждения и расширения своих прав. Так, в просьбе к владелице города слуцкие ткачи просили расширить права цеха по отношению к ремесленникам, нарушающим цеховые правила. В ответном письме на эту просьбу комиссары княгини в мае 1685 г. разрешили ткацкому цеху конфисковывать продукцию тех ремесленников, которые, не состоя в ткацком цехе, занимались этим ремеслом. Комиссары также установили: «Не должно также братство того терпеть, чтобы чужие ткачи, а именно копыльские, сюда, в Слуцк, заходили и работу забирали с большими помехами и ущербом для местных ткачей...»[161] Наместники магната регулировали взаимоотношения ремесленников той же профессии разных городов, принадлежавших одному магнату.

Иногда монопольное право давалось ремесленниками двух цехов. Так, в устане магерников 1664 г. было записано: «Так как со старинных времен стрижка бараньих шкур чулочникам и магерникам принадлежит, то только этим двум цехам вместе разрешается шкуры у купцов-евреев, кожевников и сафьянников стричь таким способом, чтобы всегда... вместе чулочники и магерники стригли, то есть чтобы чулочник один, магерник один, и так сколько людей для стрижки нужно будет, чтобы одинаковое количество магерников и чулочников было, а магерники без чулочников и чулочники без магерников не должны ни у кого никаких шкур стричь под угрозой штрафа в пользу властей замка слуцкого за каждый проступок в 4 копы грошей литовских». Представителям других профессий запрещалось мешать чулочникам и магерникам[162]. В других цехах за конкуренцию нецеховых ремесленников были и бо́льшие наказания. Так, в 1700 г.

[160] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 36.
[161] Ibidem, s. 90—91.
[162] Ibidem, teka 134. Przywileje i Nadania..., s. 25—26; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 103—104.

в Слуцке в тюрьму был посажен врачевавший Федор Дробышевский, так как он наносил «ущерб цеху цирюльников» [163].

Уставы давали ремесленникам каждой профессии преимущественное право покупать необходимое им сырье для изготовления изделий. При этом строго регламентировалась покупка сырья представителями других смежных профессий. В уставе слуцких чулочников 1664 г. восемь пунктов посвящено этому. Польская шерсть, привозимая в Слуцк местными и иногородними купцами и торговцами, первые четыре дня продавалась только чулочникам и суконщикам (это не распространялось на украинскую шерсть).

Скорняки имели монопольное право покупать меха у приезжих купцов. По уставу 1662 г. приезжий купец по старинному феодальному обычаю во время пребывания магната в городе должен был в присутствии скорняцкого цехмистра представить владельцу города свой товар (право первой покупки привозимого товара магнатом как владельцем города). Затем меха могли покупать скорняки. Лишь после того как покупателей и среди скорняков не оказывалось, товар покупали торговцы [164]. В 1663 г. «цехмистры цеха скорняцкого и вся братия» предъявили обвинение и начали судебное дело против слуцкого купца пана Николая Дзёртки, который без ведома цеха и мастеров-скорняков купил оптом большую партию лис у петриковского купца Ивана Чешуйки [165]. В уставах кожевников и сафьянников 1662 г. также регламентировался порядок покупки сырья ремесленниками, причем шерсть с приобретенных шкур должна была продаваться не торговцам, а чулочникам, магерникам, суконщикам и другим ремесленникам, изготовлявшим изделия из шерсти [166]. Таким образом, уставы регламентировали не только порядок покупки сырья, но и устанавливали монопольное право покупки определенного вида сырья ремесленниками тех специальностей, которые производили продукцию из этого сырья.

---

[163] ЦГИА БССР, ф. 1823, оп. 1, д. 2, л. 7.
[164] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 12—13, 38; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 95.
[165] ЦГИА БССР, ф. 1739, оп. 1, д. 1, л. 368.
[166] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 37—38.

Цеховые правила требовали в возможно большей степени унифицировать продукцию ремесленников, включая обязательное соблюдение размеров продукции и т. д. В уставе цеха слуцких ткачей (1664 г.) был записан пункт о требованиях к изделию с детальным описанием: «Ширина каждого полотна такой должна быть, сколько составит моток ниток, сложенный вдвое, а именно, когда моток ниток состоит из 40 рядов, тогда в ширине полотна должно находиться вдвое больше рядов, т. е. 80 рядов, и так пропорционально мотку ниток, всегда вдвое больше...» [167]

Мастера обязаны были выпускать хорошую продукцию, «чтобы работа правильная и хорошая была». Мастер, производивший недоброкачественные изделия, лишался права заниматься своим ремеслом и о нем рассылались письма в цехи других городов [168]. В небольших городах (Клецк) такой мастер карался штрафом в четыре фунта воска и должен был исправить за свой счет испорченное изделие [169]. В связи с этим в уставах встречаются требования о найме мастерами наиболее квалифицированных подмастерьев [170].

Городские власти (в первую очередь) и администрация магната требовали от цехов и цехмистров осуществления контроля за качеством продукции. 1 ноября 1678 г. слуцкий магистрат специально обсуждал работу «некоторых ремесленников». Он предписал цехмистрам строго контролировать мастеров и наказывать провинившихся. В противном случае сами цехмистры должны были платить штрафы в 30 злотых в городскую казну и подвергались аресту на три дня [171].

Требования хорошего качества выпускаемых ремесленниками изделий были в значительной мере связаны с потребностями магнатского двора и замка в этих изделиях. Актовые и кассовые материалы магнатских архивов пестрят многочисленными документами по найму владельцами городов для потребностей своего двора и войска отдельных ремесленников, их групп, а часто и целого

[167] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 102; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 84.
[168] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 47.
[169] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1089, л. 95.
[170] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 102; teka 154, nr. 18, Kopie praw..., s. 85.
[171] Ibidem, teka 151, Księga Mieyska...

цеха. Заказы магнатской казны были немалыми. В 1768—1770 гг. «весь портняжный цех» в Несвиже по заказу магната шил обмундирование для «всей радзивилловской милиции» (войска). В 1767 г. несвижские золотых дел мастера выполняли заказ для гарнизона на 4000 злотых. В Слуцке за март—май 1744 г. сапожникам уплатили за 304 пары сапог для гусарского и рейтарского эскадронов магнатского войска 1278 злотых. В 1732 г. ремесленникам города были сделаны заказы для солдат литовского войска. В 1754 г. несвижским кузнецам за плату было заказано оковать 5 новых пушек для гарнизона (из материала заказчика-магната). В 1760 г. портняжный цех Слуцка должен был пошить обмундирование для гарнизона и придворных слуг [172]. В уставе Слуцка 1621 г., изданном Крыштофом Радзивиллом, был особый пункт: «В отношении ремесленников сохраняется старинный обычай, то есть что работу на пана на панском хлебе и из панского материала делали...» Этот же пункт дословно был вписан и в устав города 1662 г.[173] При этом предусматривалась оплата и за работу по заказам магнатской администрации и городских властей.

В отличие от цехов королевских городов Белоруссии цехи частновладельческих часто получали заказы от владельца города и его чиновников и офицеров. Существование замковых ремесленников, налаженная и четко действовавшая вплоть до конца XVIII в. система магнатских заказов суживали связи цехов с рынком. Вместе с тем, несмотря на препятствия и затруднения, такие связи развивались. На рынках городов ремесленники имели лавки для продажи своих товаров. В 1615 г. в Слуцке магнат разрешил кузнецу Костюку Якимовичу построить на рынке кузницу и лавку [174]. В 1701 г. кожевенный цех в Слуцке имел собственную лавку. Здесь же в 1728 г. на рынке находились лавки и ларьки ремесленников разных профессий [175]. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. в Шклове на рынке стояли лавки, ларьки и торговые ряды мясников, хлебников, олейников, крах-

---

[172] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 311, лл. 285—285 об.; оп. 2, д. 9735, л. 74; д. 9790, л. 167; оп. 3, д. 34, лл. 19, 20, 68.
[173] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna..., k. 11; teka 154, Ustaw dla Miasta...
[174] Ibidem, teka 132, Przywileje, kk. 48—49.
[175] ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 5, лл. 2—4; ф. 1833, оп. 1, д. 2, л. 187.

мальников, сапожников и кожевников[176]. О связи городских ремесленников с рынком свидетельствует и закупка магнатской казной больших партий товаров на рынке. Так, в марте 1733 г. в Слуцке казна закупила большие партии сукна, кож, шкур, юфти, полотна, бумаги, свинца, мыла для обмундирования и снаряжения пехоты гарнизона. В 1684 г., например, унтер-офицерам пехоты и драгунского эскадрона был выдан из магнатской казны 1571 злотый для закупки на рынке сукна, полотна и другой материи для униформы. Существовали связи между ремесленниками и купцами[177].

В уставах предусматривалось право преимущественной продажи членами цеха своей продукции. Так, в уставе слуцких ткачей 1664 г. говорилось: «А так как препятствия ремеслу ткацкому создаются тем, что люди, из чужих городов приехав, полотно ткацкое локтями продают и раскраивают, помимо местных мещан, то постановляется, чтобы с этого времени ни один чужой купец, который не является местным мещанином, и ни одна женщина, которая не является местной мещанкой, не осмеливались (кроме ярмарки) ткацкие полотна небеленные и беленные на локти кроить и продавать, нося по улицам или по домам, под угрозой уплаты штрафа за каждый справедливо доказанный проступок: копу грошей литовских в управление замка слуцкого, а в цеховую казну полкопы грошей литовских...»[178] Однако любому иногороднему разрешалось продавать свое полотно «целой штукой», а слуцким мещанам и лавочникам в лавках, домах и на рынке раскроенные куски ткацкого полотна без всяких ограничений[179]. Таким образом, интересы цеха не должны были препятствовать внутригородской торговле.

Мастерам запрещалось переманивать друг у друга подмастерьев. Распределение рабочей силы происходило на цеховых сходках раз в две недели. Подмастерья могли переходить от мастера к мастеру, но при этом пре-

---

176 M. B. Topolska. Szkłów i jego rola w gospodarce Białorusi wschodniej w XVII i XVIII wieku. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», t. XXX. Poznań, 1969, s. 14—15.

177 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7397, л. 189; д. 4467, л. 18; оп. 7, д. 699, лл. 118, 265, 425, 427.

178 AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 102—103; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 85.

179 Ibidem, teka 134, s. 103; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 85.

дупреждать о своем предстоящем уходе мастера, у которого работали, за неделю до сходки, «чтобы мастера не начинали большую работу». Со своей стороны и мастер должен был предупредить «товарища» за неделю о том, что не нуждается в его услугах, и тоже мог менять подмастерьев каждые две недели [180]. Таким образом, в уставе фиксировалось, с одной стороны, право вольного найма подмастерьев, с другой — создавалось препятствие немедленному прекращению работы подмастерьями. В первой половине XVIII в. в Несвиже в ткацком цехе были подмастерья, нанимавшиеся к мастерам на квартал («квартальные товарищи») [181].

В некоторых уставах количество подмастерьев у одного мастера ограничивалось. Так, в уставе слуцкого цеха ткачей 1664 г. отмечено: «А именно каждый (мастер. — *А. Г.*) так много работы должен набирать, насколько быстро и без задержки людям на станках своих сделать сможет. А станков мастер больше чем три иметь не должен под угрозой лишения права заниматься ремеслом» [182]. В другом пункте устава было записано: «...На которых трех станках не должны ученики работать, только на одном из этих трех, а на двух товарищи с мастером работать будут, а это для того, чтобы товарищам работа была». Работа мастера с двумя учениками на трех станках штрафовалась. Если мастер некоторое время не работал за станком, на это время разрешалось второму ученику работать за этим станком [183]. Таким образом, цеховой устав ограничивал количество подмастерьев (не более двух) и учеников (тоже не более двух). В большинстве же случаев, как и в остальных цехах, вместе с мастером было три работника. Цеховые уставы сдерживали развитие мастерских в более крупные предприятия.

Как уже отмечалось, мастера добивались у магната или его наместников расширения и закрепления своих прав получением дополнительных к цеховым уставам документов (привилеев, «реплик», «листов» и т. д.).

В своем «листе» княгине Людовике Каролине слуцкие ткачи просили добавить к цеховым правилам пункт:

---

[180] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 55.
[181] Ibidem, dział XV, teka 7, Electia na Woytowstwo...
[182] Ibidem, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 101.
[183] Ibidem, s. 102; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 85.

«Если бы один (мастер. — *А. Г.*) у другого челядника переманил, должен 3 дня в замке сидеть и 100 грошей литовских в казну (цеховую. — *А. Г.*)». Комиссары владелицы города охотно пошли на усиление власти мастеров над подмастерьями, практически затруднив переход подмастерьев от одного мастера к другому [184].

Нередко подмастерья заключали с мастером договор о работе на определенный срок. Часто подмастерья служили долгие годы. Так, в акте 1681 г. отмечено, что подмастерье Павел Иванович Себестианович служил у каменщика Ивана Головчинца шесть лет [185].

Если мастер умирал до окончания срока действия договора, подмастерье заключал новый договор с его наследником: подмастерье-шаповал Иван Захарьевич Мехоноша обязался в 1683 г. служить сыну своего прежнего хозяина Омельку Вовчку в течение года. Любой мастер-шаповал, вздумавший переманить к себе Мехоношу, карался бы штрафом в 40 коп грошей. Договоры заключались и на более короткие сроки [186].

В ремесленных цехах частновладельческих городов Белоруссии, как правило, женщины не состояли. В уставах большинства цехов нет никаких упоминаний о женщинах. Однако вдовы и дочери (наследницы) мастеров имели право держать у себя оставшихся после смерти мужа и отца подмастерьев и продолжать производство. Так, в завещании слуцкого мастера-кожевника Марка Копыленицы, составленном в 1680 г., говорится, что жена в случае его смерти, «...имея челядь, вольна будет и ремесло кожевенное и хозяйство... вести.. пожизненно». В случае ее замужества, дом и имущество перейдут к дочерям. Дочери на правах компаньонок, получая доходы от ремесла, «должны челяди той, которая будет работу кожевенную выполнять, платить». В завещании (1685 г.) мастера-кожевника Савы Грышкевича говорилось, что его дочь получит большой котел для «кожевенной работы» стоимостью 350 злотых. В том же году в завещании богатого мастера-сафьянника Григория Хилькевича было записано, что он передает все имущество, в том числе «котел рабочий в полтора ведра», своей жене до совершенно-

---

184 AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 89—91.
185 ЦГИА БССР, ф. 1833, оп. 1, д. 1, лл. 7, 232.
186 Там же, лл. 573, 610, 646.

летия сына[187]. В последнем случае владение ремесленной мастерской женщиной было временным, лишь в качестве опекунши сына.

В белорусских частновладельческих городах женщины занимались ремеслом (в ткачестве, швейном деле и хлебопечении). В крупных королевских городах Полоцке и Могилеве были женщины ремесленницы. Сведения об этом настолько скупы, что трудно судить об их принадлежности к цеховой организации[188].

В слуцкой магистратской книге в январе 1663 г. сделана запись о штрафе, наложенном на «старшину» организации («громады») булочниц, которые купили 50 корцев ржи по более высокой цене, чем она была в городе[189]. Других сведений об этой ремесленной организации нет.

В некоторых уставах встречаются упоминания о женщинах-ремесленницах. Так, в уставе слуцкого цеха портных (1641 г.) говорится об обязательном участии в похоронах и заупокойной церемонии в церкви или костеле всех членов цеха, когда «умрет какой-нибудь брат или сестра-мастерица...» Мастер или мастерица, которые без уважительной причины отсутствовали на похоронах, платили в цеховую казну штраф в полтора фунта воску[190]. Аналогичный пункт о сестрах-мастерицах записан в уставе клецкого цеха ткачей, гончаров и каменщиков (1703 г.)[191]. По-видимому, речь идет о женщинах, владеющих ремесленными мастерскими в качестве наследниц и потому подчиненных цеху. Это предположение подтверждается данными податной ведомости Слуцка 1777 г., в которой названы не только дома ремесленников (18 цехов), но и вдов (6 цехов) — всего 31 дом женщин-ремесленниц[192]. Характерно, что в текстах других уставов говорится о женах членов цеха, а не о сестрах-мастерицах[193].

---

187 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1605, л. 62; д. 1606, лл. 51—52.
188 З. Ю. Копысский. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в., стр. 107.
189 AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey.
190 Ibidem, teka 154, Kopie praw..., s. 5.
191 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1089, л. 95.
192 AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Inwentarz seu Dyspartyment...
193 Ibidem, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 46, 60; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 101.

Устав запрещал членам цеха охаивать работу друг друга и тем самым наносить ущерб, запрещал мастерам оскорблять друг друга. В некоторых уставах (например, копыльских портных 1668 г.) предусматривалось в таком случае взимание штрафа воском и медом в пользу цеха [194]. Член цеха, осмелившийся хулить всех мастеров (и не доказавший правильность своих обвинений), исключался из цеха и терял право заниматься ремеслом по этой специальности [195].

Владелец города поддерживал авторитет цеховой верхушки. В уставе слуцких скорняков 1619 г. отмечалось, что виновный в оскорблении цехмистра должен платить в цеховую «скрынку» 100 грошей, а в казну владельца города — 5 коп грошей. Осмеливавшийся ударить цехмистра карался отсечением руки или уплатой в казну магната 20 коп грошей (уставы слуцких цехов скорняков 1619 г., кожевников 1649 г. и скорняков 1662 г.). Если член цеха оскорбил подцехмистра, он подвергался трехдневному тюремному заключению, за избиение оного — штрафу в казну магната 5 коп грошей и в цеховую — 1 рубль грошей (уставы слуцких цехов скорняков 1619 г., сафьянников и кордванников 1619 г., кожевников 1649 г., скорняцкого цеха 1662 г.) [196].

Тексты других уставов содержали эти же меры наказания. В уставах подтверждалось право общего собрания мастеров единогласно сместить цехмистра досрочно, если тот «не сумел вести цеховые дела» (устав слуцких ткачей 1664 г.[197] и др.). Увеличение ответственности старшины — доказательство борьбы мастеров против цеховой верхушки за закрепление и известную гарантию своих прав.

Корпоративная организация давала членам цеха некоторые преимущества. Цеховая организация строилась и на основах взаимопомощи. Она регламентировала участие своих членов в похоронах мастеров, а также в религиозных церемониях [198]. Ремесленники были обязаны уча-

---

[194] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 677.
[195] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 40.
[196] РОБ АН Литовской ССР, ERS-892, № 59, л. 118; AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 5, 17, 81.
[197] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 104—105; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 87.
[198] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1089, л. 95; Минская старина. (Тройчанский архив), вып. IV, стр. 78.

ствовать в богослужении в определенной церкви или костеле. В уставе объединенного цеха ремесленников в Мире (1695 г.) было записано требование обязательного присутствия членов цеха на трех богослужениях в год в костеле и трех в униатской церкви за счет цеха [199].

Цехи были связаны с церковью и через церковные братства. Так, слуцкому Преображенскому братству, которым в XVII—XVIII вв. руководили войты и члены магистрата и которое представляло собой как бы дополнительный орган самоуправления мещан, подчинялись городские цехи [200]. О связи ремесленных цехов с православным братством свидетельствует и тот факт, что в 1746 г., например, оброк со всех цехов Слуцка в казну магната вносил староста церковного братства [201]. Термин «братство» был общим для обозначения и церковных братств и цехов. В уставах часто цех назывался «братством», а мастер «братом». Цехи были связаны с церковью и обязательными вкладами: когда сытили мед на свои нужды (по привилеям владельца города), то воск обязаны были отдавать церкви. Так, в уставе слуцких скорняков 1619 г. было записано, что этот цех передавал воск (от 15 ведер меду) на свечи православным церквам и столько же кальвинистскому сбору в Новом городе [202]. В некоторых уставах предлагалось передавать воск на «братские свечи» двум православным церквам (соборной замковой и святых Кузьмы и Демьяна) [203].

Таким образом, магнаты использовали уставы для закрепления влияния церкви (католической, униатской, православной) на дела цехов для большего приобщения ремесленников к религии.

В некоторых частновладельческих городах были объединенные цехи, в которых количество цехмистров в XVII и XVIII вв. было удвоено. Шесть цехмистров, например, было в 1663—1664 и 1685 гг. у слуцких кузнецов и слесарей: по три цехмистра для каждой специальности. Шесть цехмистров — в объединенном кожевенном и сафьянницком цехе в 1685 г., об этом свидетельствует

---

[199] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1305-а, л. 62.
[200] Феодор Вечерко. Слуцкое народное Преображенское братство. «Минские епархиальные ведомости», 1911, № 1, стр. 12.
[201] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7395, л. 16.
[202] РОБ АН Литовской ССР, ERS-892, № 59, л. 118 об.
[203] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 6, 21; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 18.

запись о покупке дома на Устиновской улице для сходок. Эти объединенные цехи раньше были самостоятельными. Впоследствии, в XVIII в., они снова разделились. В период временного объединения цехи разделялись на две части (в документах эти части по-прежнему называются цехами), каждая из них имела свою старшину. В делах, касавшихся всего объединения (при приобретении недвижимой собственности, например), от имени объединенного цеха выступала старшина обеих частей. При решении судебных дел выступали цехмистры только одной части как представители своего ремесла[204].

Цехи в XVII—XVIII вв. имели свои дома, амбары и лавки, которые освобождались от податей, что зафиксировано еще в уставе слуцких скорняков 1619 г.[205] Это отмечено и в городских инвентарях. В 1685 г. княгиня Людовика Каролина Радзивилл издала распоряжение, чтобы каждый цех в Слуцке приобрел дом для сходок[206].

Ремесленные цехи подчинялись в своей производственной деятельности городскому магистрату. Надзор за выполнением ремесленниками уставов и правил возлагался администрацией владельца города на войта, главу городского магистрата и представителя магната одновременно. Магистрат на своих заседаниях сравнительно часто занимался деятельностью цехов. В уставе Слуцка 1662 г. магнат разрешил магистрату вызывать на сессию даже бывших цехмистров с финансовыми отчетами[207].

Цехи занимали определенное место в системе городского самоуправления. Структура цеха — деление на полноправных членов, мастеров и подчиненных им подмастерьев и учеников, расслоение на богатых горожан и эксплуатируемую ими городскую бедноту — формировали городской строй феодального общества, проникнутый духом корпоративности и привилегий. Владельцы городов отводили известное место цехам в системе городского самоуправления. Некоторые цехмистры входили в состав магистратов, что в какой-то мере определяло политику ор-

---

[204] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1606, лл. 28, 30; ф. 1739, оп. 1, д. 1, лл. 408, 538, 732; ф. 1833, оп. 1, д. 1, лл. 466, 610.

[205] РОБ АН Литовской ССР, ERS-892, № 59, л. 116 об.

[206] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1606, л. 28.

[207] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Rozmaitości...; teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Sluckiey; teka 154, Ustaw dla Miasta Słucka.

ганов городского самоуправления. Цехи отдельно от других мещан подавали голоса и при выборах в магистрат.

В январе 1686 г. экономы Слуцкого княжества издали постановление (с последующим утверждением владелицей княжества Людовикой Каролиной Радзивилл и ее мужем, маркграфом бранденбургским) об определении компетенции различных властей и судов в Слуцке и Копыле, входивших в состав княжества. Среди городских властей в постановлении значились «сессия городская, в которую включена власть войтовская, также цехи...» Специальный раздел определял место цеховых организаций в системе городского самоуправления: «К ним не должны относиться другие дела, а только цеховые каждого ремесла, в которых должны действовать согласно правам и статьям цеховым и сверх того ничего себе не позволять, за чем должна следить сессия». Ремесленники могли апеллировать к сессии магистрата на решения цехмистров, а затем «по главным делам» — экономам княжества [208].

В постановлении подчеркивалось, что каждый христианин, пожелавший поселиться в городе, должен записаться в цех, губернатору разрешалось санкционировать создание новых цехов с ведома и утверждения магната. Таким образом, администрация владельца города признавала полное господство цеховой системы в ремесленном производстве частновладельческих городов. В этом выразилось и стремление магнатов привлечь в свои города ремесленников извне.

Постановление 1686 г. давало больше прав цехам, чем уставы, утвержденные магнатом в 60-е годы XVII в., и в то же время в большей степени подчиняло их магистрату, тогда как раньше цехи больше были связаны с замковой администрацией владельца города. Невыполнение работы ремесленником в срок каралось цехом с правом апелляции в магистрат. Наконец, было решено, что налоги с членов цеха будут взимать цехмистры, передавать собранные суммы в магистрат, а оттуда деньги будут поступать в казну магната [209].

---

[208] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Rozmaitości..., Postanowienie o porządkach niektorych...
[209] Ibidem.

В привилее Януша Радзивилла от 19 октября 1647 г. Кейданам вменялось, чтобы десятники, составлявшие низшую категорию городских властей, выбирались от мещан («поспольства») и цехов[210]. При выборе войта в Несвиже в 1712 г. в городской ратуше вслед за членами магистрата голоса подавали поочередно все цехи во главе со своими цехмистрами, что указывает на их участие в качестве отдельных корпораций в городском самоуправлении[211]. В королевском привилее на магдебургское право городу Ушачи (1758 г.) среди представителей городской власти названы наряду с советниками, лавниками, мужами и цехмистры[212]. Таким образом, в частновладельческих городах Великого княжества Литовского цехи и их руководство составляли одну из ступеней в системе самоуправления мещан.

В частновладельческих городах Великого княжества Литовского, как и в королевских, в цехи входили ремесленники-христиане (православные, католики, униаты, кальвинисты, лютеране). Документы свидетельствуют, что литовские татары-мусульмане в цехи не принимались (например, в Мире)[213]. Как правило, не входили в цехи и евреи. В привилее князя Богуслава Радзивилла слуцким евреям от 27 июля 1661 г. говорилось: «Евреи, занимающиеся всяким ремеслом, чтобы к городскому цеху не принадлежали... Порядок, однако, старинный должен сохраняться в этом отношении без нарушений, чтобы евреи относились по-прежнему к юрисдикции слуцких замковых властей»[214], т. е. администрации магната. В архивных материалах отмечаются конкуренция ремесленников-евреев, не входивших в цехи, с цеховыми ремесленниками-христианами и протесты цехов в связи с этим. В 1703 г. скорняцкий цех Несвижа обратился к магнату с жалобой на конкуренцию со стороны скорняков-евреев. Радзивилл издал декрет, которым обязал их платить такие же взносы в цеховую казну, как и члены цеха[215]. В Слуцке в 1760 г. уже существовал общий портняжный цех христиан и евреев. Есть сведения, что в 1687 г. евреи

[210] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1195, л. 15.
[211] AGAD, AR, dział XV, teka 7, Electia na Woytowstwo...
[212] Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, nr 5981, k. 260.
[213] AGAD, AR, dział XXIII, teka 92, Suppliki.
[214] Ibidem, teka 132, Kopijarze..., Przywilej drugi..., k. 25; Respons na Puncta..., k. 46.
[215] Ibidem, dział XV, teka 18, plik 2, Kopia Dekretu...

были членами ткацкого цеха в Слуцке. В 1768—1770 гг. в несвижском портняжном были и христиане, и евреи. В официальных документах наряду с цехмистром-мещанином подписывались и мастера-евреи [216].

Еще раньше в частновладельческих городах были объединены цехи мясников, хотя они подразделялись по религиозному принципу на цех мясников-христиан и еврейское братство (цех) мясников.

В правилах мясников Копыля 1674 г. указывалось, что, кроме мещан, в городе не должно было быть более четырех евреев мясников-мастеров со своим старшим, «который во всем должен сноситься с цехмистрами христианскими мясницкими...» [217] Однако по отношению к цеху евреи-мясники занимали особое положение. Их лавки на рынке стояли рядом с мещанскими, но не вперемежку. В правилах был и такой пункт: «Челядник, который бы у еврея служил, а хотел мастером стать, не раньше может до этого дойти, пока сначала целый год выслужит челядником у христианского мясника, что должно быть с ведома цехмистра мясницкого» [218]. В 1764—1772 гг. в Шклове были мясницкий и пекарский цехи, состоявшие из христиан и евреев [219].

В Слуцке также в общем мясницком цехе были объединены мещане и евреи, которые, как и в других городах, не входили в мещанскую общину города, а составляли свою обособленную общину. Евреи-мясники должны были продавать мясо только евреям [220]. С середины XVII в. пропорция мастеров-мещан и евреев в мясницком цехе колебалась в сторону увеличения числа мещан. Во второй половине XVII в. обе эти группы были объединены в один цех. Но евреи имели своего старшего, который должен был «во всем сноситься со старостой (христианским.— *А. Г.*) мясницким» («порядок» мясницкого цеха 1660 г.). В 1686 г. был утвержден новый «порядок» (правила) мясницкого цеха, который в основном повто-

---

[216] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 311, лл. 285—286 об.; оп. 3, д. 34, л. 19; ф. 737, оп. 1, д. 1, л. 369.

[217] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 18, Kopie praw na Rozne Cechy..., s. 105.

[218] Ibidem, s. 107.

[219] Biblioteka Czartoryskich, nr 4493, k. 24; nr 4494, k. 23.

[220] РОБ АН Литовской ССР, ERS-889, Lauda albo Uchwały..., s. 55—56.

рял прежние правила. В цехе по-прежнему оставались и мещане, и евреи [221].

Ограниченное число мастеров в мясницком цехе создало положение, при котором ремесленник для того, чтобы стать мастером, должен был ждать вакансии. При вступлении в цех нового мастера-еврея, кроме согласия «всей братии цеха мясницкого христиан и евреев», требовалась санкция войта. Войт как представитель владельца города и глава городского магистрата имел право отводить неугодные властям кандидатуры. Мясники (и христиане, и евреи) сообща обсуждали все внутрицеховые дела под руководством цехмистров-мещан. Мясницким старостой всегда был христианин [222]. Однако по распоряжению эконома княжества один ключ от цеховой казны находился у мясников-христиан, другой — у евреев [223]. Для решения частных вопросов обе части цеха расходились на отдельные собрания. В конце XVII в. мясники-евреи выделились. В актах замкового суда 1731—1732 гг. и в документах 1764—1768 гг. уже упоминается отдельное «братство еврейское мясницкое» (цех) [224].

Все это свидетельствует о том, что в ряде частновладельческих в отличие от королевских городов Белоруссии магистраты, которым подчинялись ремесленные цехи, отчасти контролировали экономическую деятельность и еврейской части населения городов. Контроль облегчался еще и тем, что во многих ремесленных профессиях евреи не были представлены вовсе. Так, в Слуцке в конце XVII — первой половине XVIII в. евреев вообще не было среди сапожников, сафьянников, кожевников, кузнецов, слесарей и гончаров [225].

В непосредственном ведении магистрата были объединения, не носившие названия «цех», но по своей структуре и правилам, определявшим ремесленное производство, сходные с ним. Такими были в Слуцке оргазации мельников, плотников, каменщиков и возникшее во второй половине XVII в. объединение пекарей. Непо-

---

221 AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Postanowienie Porządkow..., teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 62—65.

222 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1607, лл. 490—491.

223 AGAD, AR, dział XXIII, teka 137, Rejestra..., Regestr Rzeznikow...

224 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7440, лл. 27, 56; оп. 3, д. 34, лл. 21, 22; оп. 7, д. 699, лл. 133, 166.

225 AGAD, AR, dział XXV, nr 3835/1, s. 3—135; ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 5, лл. 4—40.

средственный надзор за работами по строительству, производимыми плотниками, возлагался на «старосту плотничьего»[226]. Но староста в отличие от цехмистров не избирался ремесленниками-плотниками, а назначался магистратом. Так, в июне 1657 г. после смерти старосты магистрат на его место назначил плотника, «который, согласно уставу их, должен во власти своей иметь всех плотников...»[227] Организация плотников строилась по принципу — мастер и подмастерья. В сентябре 1664 г. магистрат принял правила ремесленного объединения каменщиков. Такая же организация плотников с мастерами и подмастерьями существовала в 1652 г. в Несвиже[228]. В 1655 г. в радзивилловском городе Кейданы объединение каменщиков и плотников имело права цеха[229]. И здесь эта организация была подконтрольна магистрату.

Магистрат Слуцка на сессии в августе 1655 г. принял устав ремесленного объединения пекарей, утвержденный представителем магната. Магистрат назначил старшин по видам производства этой ремесленной организации. Сессия поручила осуществлять надзор за выполнением правил пекарским старшинам, которых подчинила войту. В 1660 г. магистрат принял новый «порядок» объединения пекарей, утвержденный затем магнатом. Надзор за деятельностью пекарей был поручен войту. В 1662 г. это объединение получило права цеха[230].

Таким образом, в некоторых частновладельческих городах наряду с полноправными цехами, уставы и правила которых утверждались магнатом, были и объединения ремесленников, не имевшие прав цеха. Со временем некоторые из этих ремесленных объединений, экономически более крепкие, получили права цехов. Существование нецеховых ремесленных объединений, имевших цеховую структуру, объясняется также непосредственной связью производственной деятельности

[226] РОБ АН Литовской ССР, ERS-889, Lauda albo Uchwały..., s. 2, 24, 26, 27, 54—55, 151.
[227] Там же, s. 151.
[228] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4963, лл. 167—167 об.; AGAD, AR, dział XV, teka 7, Rozmaite dokumenta..., dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii...; teka 151, Księga Mieyska...
[229] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1195, лл. 25—26.
[230] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii...; teka 154, Ustaw dla Miasta Słucka...

входивших в них ремесленников с нуждами городского хозяйства.

В целом ремесленное производство в частновладельческих городах регламентировалось постановлениями владельца города, а также его представителей и магистрата. Контроль за производственной деятельностью ремесленников осуществлялся цеховой старшиной (отдельные представители которой входили в состав магистрата), магистратом и войтом, т. е. городской верхушкой. Магнат редко вникал в детали производства.

В течение рассматриваемого периода цеховая организация, основанная на социально-экономическом неравенстве внутри цеха, в частновладельческих городах Белоруссии претерпела известные изменения. Прежде всего в этих городах оформление ремесленных организаций несколько запаздывает по сравнению со временем создания цехов в королевских городах. В ряде случаев цехи выросли из подчиненных магистрату ремесленных объединений. Эти ремесленные объединения, не имевшие полных прав цеха, несколько напоминают младшие цехи во Флоренции XIV в. В некоторых цехах объединялись ремесленники без различия вероисповедания.

Со второй половины XVII в. евреи составляли значительную часть населения городов и местечек Белоруссии, приезжая сюда из польских и украинских городов. Подчиняясь владельцам города, а не городским мещанским властям, они составляли особые национальные и сословно-религиозные общины (кагалы), верхушку которых всячески поддерживали магнаты и их администрация, поскольку из этой верхушки выходили арендаторы разных отраслей магнатских доходов. Но деятельность ремесленников-евреев, входивших в некоторые цехи, находилась под надзором городского магистрата. В отличие от королевских городов Белоруссии магистраты частновладельческих в большей мере контролировали экономическую деятельность еврейского населения.

Этот контроль распространялся и в налоговой политике. Владельцы городов (с целью концентрации сбора податей) поручили сбор некоторых податей со всего городского населения и выполнение повинностей по обороне городов магистрату, который в частновладельческом городе в основном проводил политику магната.

Ремесленное производство в частновладельческих городах регламентировалось постановлениями магната, его наместников и магистрата. Цеховая система ремесла в частновладельческих городах занимала прочные позиции в течение всего рассматриваемого периода и поддерживалась магнатами, так как отвечала и их интересам. Цехи занимали определенное место и в системе городского самоуправления. Среди них выделяются более сильные экономически, которые решительно отстаивали свои права и привилегии в борьбе против олигархической городской верхушки.

3. Торговля горожан

Основные условия социально-экономического развития всех феодальных городов Великого княжества Литовского, входившего в состав Речи Посполитой, были общими. Отделение ремесла от сельского хозяйства и развитие товарно-денежных отношений вели к превращению периодического торга в постоянный рынок с торговлей в лавках, ларьках, на скамьях. В городах и местечках в королевских и частновладельческих имениях проводились регулярные торги и ярмарки. В погоне за увеличением прибавочного продукта, в значительной мере присваиваемого феодалами, класс феодалов и прежде всего магнаты добились в XVI в. права создавать в латифундиях ремесленно-торговые поселения городского типа.

Для магнатов понятие «город» ассоциировалось с понятием «рынок». Заинтересованность магната в функционировании рынков в частновладельческих городах проявлялась в зафиксированных королевскими привилеями правах на торговлю, организацию торгов в городе, которых добивались магнаты у центральной власти государства с целью закрепить права на торговлю в своих городах и предотвратить конкуренцию близлежащих королевских городов и местечек. В королевском привилее принадлежавшей Яну Кишке Любче (15 апреля 1590 г.) говорилось, что в городе существует «...торг, который вжо звыкли мевать в каждый тыдень день недельный...»[231] Королевский привилей от 22 марта 1644 г.

[231] AGAD, AR, dział XXIII, teka 84, Akta miejskie..., s. 5.

подтвердил, кроме воскресенья, право на торг и в четверг[232], что свидетельствует о растущем значении Любчи как торгового центра. Привилей Яна Казимира Слуцку от 27 августа 1652 г. утвердил в городе торги по понедельникам и субботам, а также право на строительство лавок[233]. Аналогичный привилей 1652 г. утвердил торги по пятницам в Копыле[234]. В городе Ушачи (владение рода Жаб) королевским привилеем 1758 г. разрешались торги по четвергам и воскресеньям[235].

Иногда привилеи о торгах в городах издавали сами магнаты, но это уже делалось с целью детализации порядка торговли или до издания королевских привилеев (порядок торговли, установленный Крыштофом Радзивиллом в Слуцке в 1621 г., отмена установившегося в 50-е годы XVII в. воскресного торга в Слуцке комиссарами магната в 60-е годы[236], подтверждение Янушем Радзивиллом торга в четверг в Любче с приказанием крестьянам съезжаться на этот торг из окрестных деревень, правила торговли, установленные на рынке в Несвиже Михаилом Казимиром Радзивиллом в 1758 г.[237], привилей 1618 г. Яна Станислава Сапеги, определявший порядок торговли в лавках и на рынке Друи во время торгов[238]).

В утвержденном королем акте раздела Слуцка и других владений между братьями Юрием и Семеном Олельковичами (1557 г.) говорилось о магнатских доходах от торговли в городе: «А мыто купщизна вшелякая, крамы и ядки... и все доходы з рынку ы з торгу прыходящие, што на пожыток скарбу отца их милостей ы самых их прыходило у Слуцку... то они мают пры половине держаты». В завещании Юрия Олельковича (1578 г.), в котором предусматривался раздел его владений и Слуцка на три части между сыновьями князя,

---

232 M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 650.
233 AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, Priwilegia y Listy..., k. 30; teka 154, Miasto Słuck..., s. 3, 4.
234 M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 677.
235 Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, nr 5981, k. 261.
236 AGAD, AR, dział XXIII, teka 125, plik 3; teka 133, Ustawa ogólna porządku, k. 2.
237 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4461а, л. 2; оп. 4, д. 1337, лл. 60—61.
238 O. Hedemann. Dzisna i Druja magdeburskie miasta. Wilno, 1934, s. 384—385.

указывалось, что разделу не подлежат мыта: великое главное, водочное и мясное; а доходы с этих мыт должны были поровну распределяться между князьями. Братья Олельковичи так и поступили при разделе города и владений (акт 1582 г.) [239].

Следовательно, при разделе частновладельческого города между двумя или тремя владельцами (что имело место лишь в XVI в.) рынок не делился и торговля продолжалась таким образом, чтобы не уменьшать общие доходы. Заинтересованность магнатов в создании постоянных рынков в центрах своих латифундий, в основании ремесленно-торговых центров объяснялась их стремлением получить большие материальные выгоды в виде пошлин от торговой (как на торгах, так и на ярмарках) и ремесленной деятельности населения.

Ремесло и торговля магнатских городов способствовали развитию товарно-денежных отношений. «...Как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия,— подчеркивал К. Маркс,— ее продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с развитием городов и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны, таким образом, сами собой» [240].

Рыночные связи крестьянского хозяйства с городом развивались. Исходя из своих узкокорыстных интересов, магнаты способствовали этому в своих латифундиях. По мере развития товарно-днежных отношений в магнатских городах, как и в королевских, происходил рост ростовщического и торгово-купеческого капитала. Купеческая и ростовщическая верхушка горожан участвовала в присвоении феодальной ренты. На протяжении XVI—XVIII вв. значительную часть населения частновладельческих городов составляли торговцы и их семьи. В городских инвентарях часто не называются профессии и род занятий горожан, что еще более сужает возможность исследователя в подсчете численности населения, занимающегося торговлей.

Первые, крайне скудные данные о количестве торговцев в Слуцке относятся к 1648 г. В выписке из податного реестра говорится, что в городе было 79 пекарей и пере-

---

[239] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 2; д. 1922, лл. 90, 95.
[240] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 365.

купщиков, 18 торговцев солью[241]. В 1683 г. в Слуцке насчитывалось 265 лиц, занятых в торговле. По инвентарю 1689 г., в Слуцке было 317 торговцев и лиц, занятых в этой сфере. Всего же в 1689 г. было 1293 дома и 1648 семей[242]. Кроме того, в предместье Тройчаны, не считая Троицкого монастыря, в 1690 г. жило 15 мещан с семьями, т. е. 75 человек[243]. В 1689 г. население Слуцка составляло 8,5—9 тыс. человек. Эти цифры основаны не только на подсчете количества семей, но и числа домов. Торговцы и их семьи составляли 17—19% горожан.

После Северной войны экономическое развитие Слуцка продолжалось. В 1728 г. здесь было 353 человека, связанных с торговлей, а также 6 грузчиков[244]. Всего же из 7500—8000 жителей торговцы и их семьи составляли 22—23%. В инвентаре 1750 г. перечислено 246 торговцев и лиц, связанных с торговыми операциями. На 1048 дымов, т. е. на 6300—6800 человек, они составляли вместе с семьями примерно 18—19,5% населения Слуцка. В 1765 г. на 1106 дымов был 141 человек, занятый торговлей[245]. Торговцы и их семьи составляли на 6600—7200 жителей примерно 9,8—10,7% населения.

В 1767 г. в Слуцке было 228 лиц, связанных с торговлей, что составляло на 929 дымов (или 5600—6000 человек) 19—20,4% населения. Наконец, в инвентаре 1802 г. на 981 дым (т. е. 5900—6400 жителей) приходилось 220 лиц, занятых в торговле[246]. Это составляло (вместе с семьями) 17—18,6% всего населения города.

---

[241] AGAD, AR, dział XXIII, teka 33, plik 7, Wypis z Regestru Poborow...

[242] Ibidem, dział XXV, nr 3834/1, s. 1—97; nr 3835/1, s. 1—135.

[243] Минская старина, вып. IV. (Тройчанский архив). Минск, 1913, № 213, стр. 89. (Нами принимается коэффициент 5 человек в семье. Б. Ц. Урланис считает, что число членов семьи в средневековой Европе, в том числе и Восточной, составляло не менее 4 и не более 5—6 человек); Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе. (Опыт исчисления). М., 1941, стр. 15. (В России официально считалось на тягло (семью, венец) 2,5 ревизских души мужского пола, т. е. 5 человек обоего пола).

[244] А. П. Грыцкевіч. Да пытання аб эканамічным стане прыватнаўладальніцкага горада Беларусі ў першай палавіне XVIII стагоддзя (паводле даных інвентара Слуцка 1728 г.). «Весці Акадэміі навук Беларускай ССР», 1963, № 2. Серыя грамадскіх навук, стар. 56.

[245] AGAD, AR, dział XXV, nr 3837, kk. 1—47; nr 3838/1, s. 4—212; nr 3839a, s. 5—55.

[246] Ibidem, nr 3834/1, s. 29—64; nr 3854, s. 3—151.

Таблица 7

Численность и удельный вес торгового населения в Слуцке во второй половине XVII—XVIII в.

Годы	Численность населения города	Количество торговцев	Количество торговцев и членов их семей	% торгового населения
1683	8400—9100	265	1325	14,6—17,4
1689	8500—9000	317	1585	17—19,0
1728	7500—8000	353	1765	22—23,0
1750	6300—6800	246	1230	18—19,5
1765	6600—7200	141	705	9,8—10,7
1767	5600—6000	228	1140	19—20,4
1802	5900—6400	220	1100	17—18,6

Торговцы и члены их семей на протяжении второй половины XVII—XVIII в. составляли значительную группу городского населения (см. табл. 7) — от одной шестой до одной пятой всех горожан, удельный вес этой группы за весь период не претерпел особых изменений. Вместе с тем во второй половине XVIII в. в абсолютных цифрах численность торговцев и их семей уменьшилась по сравнению с предыдущим временем. Уход части населения из города в результате междоусобной борьбы магнатских группировок в 60-е годы XVIII в. отразился и на численности этой категории горожан.

Табл. 8 дает представление о торговых профессиях в городе во второй половине XVII и XVIII в. и их соотношениях. Несмотря на различные критерии составителей инвентарей, по данным табл. 8 можно проследить изменения численности отдельных групп торговцев: значительно уменьшилось количество купцов, наиболее богатая часть торговцев, ведшая внешнюю торговлю. Эти данные совпадают с другими показателями снижения уровня экономической жизни Слуцка во второй половине XVIII в. Колебания численности лавочников небольшие. Количественные изменения в различных группах торговцев говорят об устойчивости внутригородской торговли и в центре локального рынка. Значительную часть составляли шинкари, находившиеся под контролем администрации владельца города, так как торговля спиртными напитками была монополией владельца и сдавалась на откуп. К концу XVIII в. эта группа торговцев, деятельность

которой была рассчитана не только на городского потребителя, но и на крестьян, выросла до 40% общего количества торговцев. Шинкари фактически работали на казну магната. Связаны были с магнатской казной и торговцы-откупщики, арендаторы различных статей ее дохода и факторы (торговые посредники) магната. Немалую и постоянную группу составляли торговые посредники, агенты купцов и служители, хотя численность этой группы и менялась.

Значительно меньше сведений о торговом населении в других городах. В Несвиже в архивных документах 1582—1649 гг. упоминаются торговцы солью и перекупщики. В сведениях за 1654 г. говорится, что в Несвиже были лавки, 3 медовые и 14 пивных корчем. Лишь в инвентаре 1673 г. приведены более полные данные о занятиях торговлей горожан трех частей города (Старого города, Нового города и предместья Казимежа — всего 366 домов). Инвентарь называет 62 горожанина-торговца, в том числе 35 лавочников и 25 шинкарей, что составляет (с семьями) 310 человек на 2200—2400 горожан, или 13—14% всего населения[247]. По-видимому, удельный вес торговцев и их семей был бо́льшим, так как в инвентаре не учтены купцы и другие группы торговцев.

Торговцы и лица, занятые в сфере, по-прежнему представляли значительный процент горожан Несвижа и во второй половине XVIII в.

В 1761 г. в Несвиже указано 9 шинкарей-христиан и 37 шинкарей-евреев, 1 лавочник, занимавшийся также шинком, 6 арендаторов торговых сборов — всего 53 торговца, кроме купцов и лавочников, которые не названы. За 1764—1767 гг. из 104 евреев-домохозяев, покинувших город вместе с семьями, было 8 купцов, 7 лавочников, 1 корчмарь, 15 шинкарей, 1 фактор — всего 32 человека[248] (30,8% всех ушедших). Эти цифры, разумеется неполны.

Немного сохранилось сведений и о торговцах в Копыле. В 1648 г. по налоговой квитанции здесь значатся 4 торговца солью и 15 пекарей и перекупщиков на 117 домов. В инвентаре 1750 г. не упоминается ни одного тор-

---

[247] AGAD, AR, dział XV, teka 8, Kwity z opłaty różnego tytułu podatków; Akta Ekonomiczne; dział XXV, nr 2669/3, kk. 9, 15—16.

[248] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4998, л. 69; д. 5001, лл. 29—30. (Подсчет наш).

Таблица 8

Численность торговцев Слуцка по профессиям (и их удельный вес) во второй половине XVII—XVIII в.*

Профессия	1683 г.		1689 г.		1728 г.		1750 г.		1765 г.		1767 г.		1802 г.	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Купцы	54	20,4	156	49,2	110	31,2	12	4,9	51	36,2	44	19,3	13	5,9
«Купчики» (мелкие купцы)	70	26,4	4	1,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лавочники	10	3,8	27	8,5	31	8,8	23	9,4	33	23,4	43	18,9	43	19,5
Торговцы	9	3,4	45	14,2	—	—	69	28,0	1	0,7	—	—	19	8,6
Мелкие торговцы	5	1,9	3	1,0	21	5,9	7	2,8	—	—	—	—	2	0,9
Коробейники	18	6,8	8	2,5	—	—	—	—	1	0,7	1	0,4	1	0,5
Перекупщики	6	2,3	17	5,3	41	11,6	28	11,4	3	2,1	20	8,8	18	8,2
Шинкари	80	30,2	28	8,8	37	11,5	49	19,9	38	27,0	33	14,4	90	40,9
Маклеры	8	3,0	20	6,3	6	1,7	40	16,3	3	2,1	27	11,8	10	4,6
Торговые агенты	1	0,4	2	0,6	62	17,6	—	—	6	4,3	30	13,2	4	1,8
Торговые служители	2	0,7	3	1,0	—	—	12	4,9	1	0,7	9	3,9	11	5,0
Торговцы-откупщики	—	—	—	—	13	3,7	2	0,8	2	1,4	2	0,9	—	—
Арендаторы	2	0,7	4	1,3	10	2,8	1	0,4	2	1,4	2	0,9	2	0,9
Ростовщики	—	—	—	—	22	6,2	1	0,4	—	—	—	—	—	—
Факторы магната	—	—	—	—	—	—	2	0,8	—	—	17	7,5	5	2,3
Трактирщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,9
Всего	265	100,0	317	100,0	353	100,0	246	100,0	141	100,0	228	100,0	220	100,0

* В таблице указана одна, основная профессия—торговцы.

говца из мещанской части населения города (на 136 «христианских дымов»), на 53 еврейских «дыма» приходилось 45 лиц, занятых в торговле[249]. В целом на 189 дымов, т. е. на 1130—1230 жителей приходилось 225 торговцев и членов их семей, или 19—19,9% всего населения.

Удельный вес торговцев в некоторых городах был еще выше. Так, в инвентарях Давид-Городка 1753 и 1760 гг. записано: «...Весь люд в этом городе занимается купечеством и торговлей и от поездки челнами наиболее доходы себе ищет...»[250] Это свидетельство подтверждается данными о сравнительно небольшом количестве ремесленников в Давид-Городке. Этот город белорусского Полесья был торговым центром латифундии, он удобно располагался на водном торговом пути. В Давид-Городке среди торговцев в XVIII в. называются купцы, перекупщики, шинкари.

В Клецке в 1694 г. на 176 дымов было 32 лавочника[251], т. е. на 1050—1150 жителей 160 лавочников и членов их семей, или 14—15,2% всего населения города. В 1767 г. на 216 дымов было 2 купца (1 был и лавочником), 2 арендатора, 8 шинкарей, 31 лавочник, всего 43 торговца. Торговцев с семьями было 215 человек на 1300—1400 жителей, или 15,3—16,6%. В 1784 г. здесь было 37 лавочников, кроме них 32 лавочника продавали в особых лавках только соль. Рост количества лавочников объясняется сдачей в аренду магнатской администрацией вновь построенных лавок клецким евреям. Даже это количество торговцев (69) на 283 дыма (в 1782 г.) составляет 345 торговцев и членов их семей на 1700—1840 жителей, или 18,7—20,3% всего населения города. Численность населения, занятого торговлей, составляла в конце XVII—XVIII в. 15—20% всех горожан[252].

В инвентаре Копыси 1650 г. на 450 домов названо лишь 16 купцов, 5 лавочников, 1 арендатор и 2 корчмаря. Разумеется, торговцев в городе было значительно больше. В инвентаре, правда, сказано, что на рынке было «80

---

[249] AGAD, AR, dział XXIII, teka 33, Kwity z opłat podatków...; dział XXV, nr 3837, s. 50—66; nr 3838/1, s. 218—281.

[250] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1708, л. 28; д. 1711, л. 27; AGAD, AR, dział XXV, nr 681, k. 25.

[251] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3136, л. 12. (Подсчет наш).

[252] Там же, д. 3138, лл. 268—278, 303, 381—383 об.; д. 3152, лл. 58—60. (Подсчет наш).

Таблица 9

Численность и удельный вес лавочников среди горожан Шклова в XVII—XVIII в.*

Годы	Количество домов	Численность населения	Количество лавочников	Численность лавочников вместе с семьями	Удельный вес семей лавочников среди горожан, %
1643	1105	6630—7180	280	1400	19,5—21,1
1650	1220	7320—7930	262	1310	16,5—17,9
1661	490	2940—3190	162	810	25,4—27,6
1662	636	3820—4230	234	1170	27,7—30,1
1668	950	5700—6180	278	1390	22,5—24,4
1688	940	5640—6110	121	605	9,9—10,7
1693	1030	6180—6700	90	450	6,7— 7,3
1715	960	5760—6240	102	510	8,2— 8,9
1720	728	4370—4730	69	345	7,3— 7,9
1724	800	4800—5200	66	330	6,3— 6,9
1727	900	5400—5850	60	300	5,1— 5,6
1763	1020	6120—6630	86	430	6,5— 7,0
1764	1005	6030—6530	125	625	9,6—10,4
1765	1069	6410—6950	109	545	7,8— 8,5
1767	1055	6330—6860	103	515	7,5— 8,1
1768	1025	6150—6660	132	660	9,9—10,7
1769	750	4500—4880	116	580	11,9—12,9
1770	761	4570—4950	122	610	12,3—13,3
1771	787	4720—5120	112	560	11,0—11,9
1772	787	4720—5120	120	600	11,7—12,7

* Biblioteka Czartoryskich, Rkps. Nr 4469, kk.1—13; Nr 4470, kk. 6—50; Nr 4471, kk.9—16, 19—20; Nr 4472, kk.7—16; 19—20; Nr 4473, kk.27—33, 37—38; Nr 4474, kk.10—15; Nr 4475, kk.4—11; Nr 4488, kk.9—14; Nr 4489, kk.4—7; Nr 4491, kk.9—11; Nr 4493, kk.23—24; Nr 4494, kk.22—23; Nr 4496, kk.21—22; Nr 4498, k. 25; Nr 4499, kk.21—23; Nr 4500, kk.22—23; Nr 4501, kk.23—25, Nr 4502, kk.23—25; Nr 4503 k.25.

лавок с товарами и пустых»[253]. После войны 1654—1667 гг. здесь количество торговцев уменьшилось. В 1676 г. было лишь 18 купцов и лавочников[254].

Данные инвентарей Шклова дают возможность установить приблизительную численность горожан, занятых торговлей, по количеству лавок, (сюда не включены ремесленники, имевшие лавки; см. табл. 9).

[253] AGAD, AR, dział XXV, nr 1766/1, s. 27—49.

[254] ГПБ, отдел рукописей, собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф № 131, л. 41.

Данные табл. 9 представляют не всех торговцев, но свидетельствуют о сравнительно большом удельном весе лавочников среди горожан — в среднем 12,2—13,3%. Увеличение удельного веса лавочников в годы войны было связано с тем, что по приказу царя Алексея Михайловича из занятых русскими войсками городов, в том числе и из Шклова, были вывезены главным образом квалифицированные ремесленники. В последующий период удельный вес лавочников оставался в основном постоянным, достигнув некоторого увеличения в конце 60-х годов XVIII в. (после большого пожара, опустошившего центр города). В 60—70 годы XVIII в. численность торговцев увеличилась, что было связано с расширением торговли, строительством магнатской казной новых лавок, затем сдаваемых в аренду. Колебания в численности лавочников в 60-е годы XVIII в. объясняются также тем, что богатые мещане — «паны-мещане» — владели несколькими лавками каждый. Среди лавочников наблюдалась специализация: в 1650, 1661, 1662, 1668 гг. на рынке находился ряд «соляных» (17) лавок[255].

В городах Великого княжества Литовского в XVI—XVIII вв. лавочная торговля была сосредоточена на рыночной площади. В городе, состоявшем из нескольких отдельных частей и предместий, почти в каждой был рынок. В 1621 г. такие рынки были в Слуцке (в Старом городе, в Новом городе и Острове)[256]. В 1683 г. в Горках было 2 рынка в самом городе и один в Казимировой слободе[257]. В Несвиже в 1673 г. были рынки в Старом городе, в предместье Казимеж и в Новом городе[258]. В Шклове и Глубоком уже в середине XVII в. было по 2 рынка[259]. Свои рынки были и в разных частях Друи в XVII в.[260]

Создание и существование двух или нескольких рынков было связано с разновременным основанием отдельных частей города, их первоначально различным право-

---

[255] Biblioteka Czartoryskich, nr 4469, k. 3; nr 4471, k. 11; nr 4472, k. 9; nr 4473, k. 28.

[256] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna...

[257] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 371, лл. 6, 12 об.; д. 372, лл. 5, 6 об., 7, 12.

[258] AGAD, AR, dział XXV, nr 2669/3, kk. 6, 9, 10.

[259] Biblioteka Czartoryskich, Rkps. 4471, kk. 9—20, 60; O. Hedemann. Głębokie (szkic dziejów). Wilno, 1935, s. 40.

[260] O. Hedemann. Dzisna i Druja magdeburskie miasta. Wilno, 1934, s. 380, 413, 414.

вым положением и иногда принадлежностью этих частей, слобод, предместий разным владельцам, а также специализацией торговли.

Есть сведения о лавочной торговле в Слуцке (в «коморах») в первой четверти XVI в.[261] В акте раздела владений между братьями-князьями Юрием и Семеном Олельковичами (1557 г.) говорится, что на рынке здесь были «крамы» и мясные «ядки»[262]. В инвентаре 1661 г. записано, что на мосту, соединявшем Старый и Новый город, как и в некоторых городах Западной Европы (например, в Лондоне), были отведены места для лавок и амбаров: 14 амбаров с одной стороны моста и 12 мясницких лавок, 5 амбаров с другой. В Старом городе насчитывалось 142 лавки, в том числе 81 большая, 47 малых, 2 рыбные, 12 мясницких лавок, 41 амбар[263]. 14 лавок, или 9,9%, были специализированными; 20 человек имело более одной, а 8 лавочников владели половинными лавками. Первый же известный инвентарь Слуцка середины XVII в. зарегистрировал имущественную дифференциацию среди лавочников.

В XVII—XVIII вв. на рынке в Старом городе были расположены ряды лавок — суконные, рухлядный, скорняцкий, «темные», «светлые», ряд «железных крам»[264]. В инвентаре Слуцка 1683 г. говорится, что Рыночная площадь в Старом городе занимала 55,8 прента (1,4 га). Каждый ряд лавок был отделен, имел ворота, закрывавшиеся на замок. Всего же на рынке Старого города было 130 торговых предприятий и 28 складских построек. В Слуцке в общем насчитывалось 138 торговых предприятий. Под навесом со скамей продавали свой товар ремесленники, «перепечаи» и торговцы съестным[265].

Специализация торговли была значительной. В конце XVII в. в перечне профессий лиц, занятых торговлей,

---

[261] S. Alexandrowicz. Miasteczka Białorusi i Litwy jako ośrodki handlu.., s. 70.

[262] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 2.

[263] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa..., k. 9; Rozmaitości z Aktów; dział XXV, nr 3831, s. 31—36.

[264] Минская старина, вып. IV. (Тройчанский архив). Минск, 1913, № 42, стр. 11; № 159, стр. 66; № 177, стр. 73: № 184, стр. 76; № 222, стр. 92; № 531, стр. 196; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1605, лл. 3, 11; д. 1606, л. 5; AGAD, AR, dział XXV, nr 3834/1, s. 36—43.

[265] AGAD, AR, dział XXV, nr 3834/1, s. 36—43, 96, 97.

были рыбники, торговые посредники, коробейники, мелкие торговцы, торговцы только солью, лавочники, перекупщики, шинкари, а также занятые обслуживанием в сфере торговли фурманы, грузчики[266].

Данные второй половины XVII в. свидетельствуют не только о специализации торговли, но и о имущественной дифференциации владельцев лавок. Выделяется группа богатых купцов, совмещавших лавочную и купеческую торговлю. Это представители семей, занимавших места в магистрате. В то время в лавочной торговле прочные позиции занимали белорусские купцы. Так, в 1661 г. в Слуцке из 88 владельцев лавок на рынке Старого города было 68 белорусов и 20 евреев-лавочников. В 1683 г. из 73 лавочников было белорусов 50 и 23 еврея[267]. В реестре 1686 г. из 90 владельцев лавок было 62 белоруса и 28 евреев. Несмотря на неуклонный рост количества евреев-лавочников, белорусские торговцы занимали главенствующее положение в рыночной торговле. При этом в суконном ряду в 1661, 1683 и 1686 гг. был лишь 1 еврей.

В XVIII в. по-прежнему главным торговым центром Слуцка оставалась Рыночная площадь Старого города. Всего в Слуцке в 1728 г. насчитывалось 85 больших лавок, 39 малых, 36 ларьков, или 160 торговых предприятий, кроме «крам» мясников и мелких торговцев, продававших крупу (количество этих лавок не указано), а также 7 недостроенных лавок, принадлежавших членам магистрата. Инвентарь 1728 г. перечисляет целый ряд специализированных лавок и ларьков — «крамы железные», «крамы стеклянные», мясные, крупяные лавки, ларьки, где продавались гончарные изделия, обувь, — всего 63 из 160 торговых предприятий[268], или 39,4%. Это свидетельствует о продолжавшейся специализации в торговле.

Часть ремесленников-производителей сбывала свою продукцию непосредственно в принадлежавших им 2 лавках и 36 ларьках — гончары сапожники, кузнецы, мясники[269]. Эти лавки и ларьки составляли лишь 23,8% общего числа торговых предприятий. В большинстве случаев про-

---

[266] AGAD, AR, dział XXIII, teka 137, Dokumenta do Dóbr służące, Rejestra, Cechy...

[267] Ibidem, dział XXV, nr 3831, s. 31—36; nr 3834/1, s. 36—43. (Подсчитано нами).

[268] ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 5, лл. 2—6, 19, 28. (Подсчет наш).

[269] Там же, лл. 2—4.

даже ремесленных изделий осуществлялась купцами и торговцами, которые не были связаны непосредственно с производством, а занимались только торговлей, скупая ремесленные изделия и предметы сельскохозяйтвенного производства, а затем продавая их.

В отличие от предшествующего периода в XVIII в. в Слуцке существовала широко развитая аренда в торговле. Крупные торговцы, купцы, костел, православные церкви, «шпитали» и даже магнатская казна — владельцы лавок — сдавали их в аренду мелким торговцам на выгодных для себя условиях. На рыночной площади Старого города треть лавок (50 из 151 торгового предприятия) сдавалась в аренду. Владельцу было выгодно сдавать лавку в аренду двум мелким торговцам, поэтому в Слуцке в XVIII в. деление на «половинные» лавки (или «лавочки») не редкость. В инвентаре 1728 г. отмечено 88 владельцев лавок в городе, в том числе православный священник (имевший лавку) и 12 панов-мещан, которые были записаны в инвентаре с титулом «пан» и с обозначением «купец» и владели 25 лавками. Таким образом, на каждого из этой группы мещан приходилось в среднем по 2 лавки. Некоторые из них владели бо́льшим количеством: пан Якуб Мелентович имел 4, а пятеро — Демьян Ладычка, Ян и Якуб Волковичи, Якуб Лапицкий, Антоний Дзертка — по три лавки каждый. Всего же более одной лавки имели 17 человек, что примерно соответствует удельному весу этой группы лавочников и в конце XVII в. Увеличилась до 31 численность мелких торговцев, владевших половиной лавки каждый, что говорит о дальнейшей имущественной дифференциации среди них.

В XVIII в. продолжается рост численности лавочников-евреев. Из 88 владельцев в Слуцке в 1728 г. 50 составляли евреи и лишь 36 белорусы (2 купца-лавочника были немцами) [270].

Если в конце XVII в. белорусы-лавочники составляли две трети всех владельцев лавок, то в 1728 г. их удельный вес снизился до 40%. Правда, на долю 36 лавочников-белорусов в 1728 г. приходилось 42 лавки из 85 и 11 из 39 лавочек, т. е. половина лавок и более четверти лавочек, тогда как 50 евреев владели 32 лавками и 25 лавочками. Среди торговцев-евреев лишь трое владели двумя лавка-

---

[270] ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 5, лл. 2—6, 19, 28. Подсчет наш.

ми каждый. Таким образом, евреи в значительной мере состояли из мелких торговцев, владельцев 1 или 1/2 лавки. Рост происходил в основном за счет малоимущих слоев еврейской общины в городе, хотя наряду с этим процессом шло выделение группы богатых торговцев-евреев. Почти все арендаторы были евреи. Из 48 арендаторов-торговцев только 2 были белорусами. Владелец 2 лавок Лейба Нохимович Мышолов (предок семьи слуцких фабрикантов в начале XX в.) арендовал еще одну [271]. Инвентарь Слуцка 1728 г. свидетельствует, что аренда в торговле действительно широко распространилась среди торговцев-евреев в XVIII в. В. XVII в. аренды еще не было.

В Мире в 1677 г. насчитывалось 97 лавок («комор») и 12 «коморок» [272]. В чиншевой ведомости 1688 г. перечислены различные категории торговцев [273].

В Ружанах, по данным инвентарей 1687 и 1728 гг., было 2 рынка — старый и новый. В 1728 г. только на старом рынке насчитывалось 79 лавок. В инвентаре 1762 г. их указано 24, с которых в казну магната взимался чинш. Но в это число не были включены еврейские мясные лавки, с которых взимался особый сбор [274].

В 1691 г. на рыночной площади Давид-Городка было 67 лавок, пустовало место еще для 12. Из общего количества (67) в 1691 г. три принадлежали магнатскому двору и по одной ксендзу, униатскому, протопопу, униатской церкви и двум евреям. Остальные 59 принадлежали мещанам, каждый из них имел по 1 лавке [275]. Таким образом, в конце XVII в. в Давид-Городке еще не было имущественной дифференциации среди лавочников, большинство их составляли мещане.

В инвентарях первой половины XVIII в. зафиксировано, что на рынке стоят «городские лавки», но количество их не указано. В документе, относящемся к 1734 г., упоминаются мясные лавки в Давид-Городке [276]. В 1760 г.

---

[271] ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 5, лл. 2—6, 19, 28. Подсчет наш.
[272] St. Alexandrowicz. Miasteczka Białorusi i Litwy jako ośrodki handlu..., s. 71.
[273] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4466, лл. 8 об., 9, 10 об.
[274] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 182, лл. 10, 10 об., 18 об., д. 183, л. 6 об.; д. 221, л. 20.
[275] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, лл. 259—260 об. Подсчет наш.
[276] Там же, д. 1701, л. 5; д. 1702, л. 7; д. 1703, л. 7; д. 1705, л. 6 об.; д. 1706, л. 7; д. 1914, л. 8; оп. 4, д. 11, л. 161.

лавки стояли посреди рыночной площади в форме квадрата с четырьмя воротами. Всего 50 деревянных лавок, которые были построены магнатским управлением после пожара и продавались магнатской казной горожанам [277]. К моменту составления инвентаря (20 октября 1760 г.) 39 из них было продано жителям Давид-Городка еврейской национальности [278]. Наблюдается заметная имущественная дифференциация среди лавочников. В инвентаре так и записано, что лавки куплены торговцами «по их состоятельности»[279]. Таким образом, и в Давид-Городке в XVIII в. происходили процесс вытеснения из лавочной торговли мещан евреями-лавочниками, а также имущественное расслоение среди лавочников.

В Клецке в 1694 г. было 65 лавок. Среди них были и пустые, сдававшиеся в аренду приезжим купцам на время ярмарок. Постоянно торговали в 56 лавках, а 9 пустовали. 40 принадлежали 33 горожанам. Из 33 лавочников 16 были белорусами и 17 евреями. Последним принадлежала 21 лавка [280]. Следовательно, еврейские лавочники в Клецке уже в конце XVII в. составляли немногим более половины всех торговцев города и владели половиной лавок, принадлежавших горожанам (не учтены мясные лавки и те, которыми владели шляхта и церковь).

В 1760 г. в Клецке из 44 лавок униатское церковное братство и католическая плебания владели пятью лавками, а княжеская казна — двумя. Всего же на 27 лавочников-горожан приходилось 37 лавок [281]. По сравнению с XVII в. численность лавок в Клецке уменьшилась на треть, а соотношение лавочников-евреев и белорусов (соответственно 19 и 8) изменилось с равного до преобладания евреев более чем вдвое. При этом евреи владели уже большими лавками.

В 1770 г. количество лавок в Клецке уменьшилось до 37. В общей сложности 4 мещанина владели 5 лавками, 18 евреев —25, церковные организации и аренда —7 [282].

---

[277] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1711, л. 8 об.; AGAD, AR, dział XXV, nr 681, k. 9.
[278] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1711, л. 1.
[279] AGAD, AR, dział XXV, nr 681, k. 45.
[280] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3136, л. 12; д. 3138, л. 400; оп. 4, д. 1089, л. 26. (Подсчитано нами).
[281] Там же, д. 3138, л. 322 об., 338. (Подсчет наш).
[282] Там же, л. 396 об. (Подсчет наш.)

Буквально за несколько лет уменьшилось количество лавок, принадлежавших мещанам. Среди евреев выделяется небольшая группа богатых лавочников.

По-видимому, в конце 70-х годов XVIII в. на клецком рынке произошел большой пожар, уничтоживший ряды. Клецкий ординат князь Юзеф Радзивилл решил выстроить за счет магнатской казны новые лавки и сдать их торговцам. После пожара были построены небольшие лавки, чтобы больше поместилось их на рыночной площади. Все они были разделены на «локтевые» и специализированные — «соляные». Лавочники вносили в магнатскую казну ежегодный чинш, могли передавать их по наследству, не имели права закладывать и продавать, а при невозможности торговать обязаны были возвратить лавки казне ордината. В 1782 г. местным евреям было продано 45 обычных лавок и 32 «соляных»[283]. Такая же продажа казенных лавок «навсегда» была осуществлена магнатом в Давид-Городке[284]. Уже к началу 80-х годов XVIII в. среди клецких лавочников не было ни одного мещанина-белоруса.

Такое же положение было и в 1792 г. Всего в Клецке было 60 лавочников, из них только 8 богатых[285]. Магнат, передав лавки евреям, рассчитывал на получение постоянных доходов в виде чинша с клецких евреев, связанных круговой порукой.

Процесс полного вытеснения из лавочной торговли во второй половине XVIII в. белорусов-торговцев лавочниками-евреями наблюдался в Клецке особенно ярко, этому всячески способствовал магнат.

На рынке Старого города в Несвиже в 1628 г. находились «каменные лавки около ратуши и под ратушей и лавки деревянные»[286]. В инвентаре 1673 г. значится, что на рынке было 52 каменные лавки. Владельцами лавок были торговцы-мещане, евреи и ремесленники — позументщик, портной и пряничник, торговавшие своей продукцией[287]. Процесс вытеснения мещан-белорусов из лавочной тор-

---

[283] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1739, лл. 106 об., 110 об.—111 об.; д. 3152, л. 60 об. (Подсчитано нами).

[284] Там же, д. 1711, л. 8 об.

[285] Там же, д. 3152, лл. 102—105. (Подсчет наш).

[286] Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. VII. Вильна, 1870, стр. IV—V.

[287] AGAD, AR, dział XXV, nr 2669/3, kk. 6, 7, 9, 15.

говли евреями происходил и в Несвиже. В 1810 г. 40 лавками в городе владели 1 белорус и 39 евреев [288].

Крупным центром лавочной торговли в XVII—XVIII вв. был Шклов (см. табл. 10).

Общая картина торговых занятий населения в частновладельческих городах Белоруссии характеризуется развитием лавочной торговли, в значительной мере специализированной. В XVIII в. возникла аренда, среди торговцев началось имущественное расслоение. Выделялись группы богатых торговцев, купцов, лавочная торговля перешла в руки евреев.

В отличие от королевских городов торговая деятельность населения в частновладельческих регулировалась не только постановлениями сейма и королевскими привилеями. Она находилась под постоянным и строгим контролем владельца города, его наместников и городского магистрата. Магистрат осуществлял непосредственный надзор. Все эти инстанции издавали нормативные акты. Магнат мог ограничивать или запрещать торговлю отдельными товарами. В 1768 г. купцам было запрещено покупать на территории Слуцкого и Копыльского княжеств льняное семя, нити, щетину. Из-за того что цены на эти товары в Кенигсберге повысились, магнат решил продавать их сам без посредничества купцов. У местных и иногородних купцов были изъяты купленные товары с выплатой определенной суммы, а товар вывезен вниз по Неману на магнатских судах. Особым указом магната местным купцам разрешалось впредь вывозить все товары только на магнатских судах [289].

Купцы имели свои корпорации, сходные по структуре с аналогичными организациями королевских городов. Однако архивные документы свидетельствуют, что эти корпорации были лишь в больших частновладельческих городах. Кроме нескольких купеческих организаций в королевских [290], во второй половине XVII в. и в частновладельческих городах они возникали как цехи.

Магнатским привилеем 1 марта 1661 г. в Несвиже был создан купеческий цех. В 1729 г. замковый суд рассмат-

[288] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5186, лл. 3—4.

[289] Там же, оп. 1, д. 334, лл. 9 об.— 10 об.

[290] А. М. Карпачев. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Автореф. дисс. стр. 43.

Таблица 10

Количество лавок («крам», «комор», «лавок», «яток») и торговых мест на рынках Шклова*

Годы	«Крамы» и «коморы»	«Коморы» соляные	«Коморы» мясные	«Лавки»	«Лавки» хлебные	«Лавки» мясные	Ларьки	«Локтевые» торговые места	Всего торговых точек	Численность домов	% торговых точек по отношению к домам	Разница между предыдущим показателем и % лавочников (см. табл. 9)
1643	250 1/2	—	—	2	—	22	27	—	302	1105	27,3	6,2—7,8
1650	215	17	27	20	45	23	10	43	400	1220	32,8	14,9—16,3
1661	145	17	33	—	25	4	45	60	329	490	67,1	39,5—41,7
1662	217	17	15	—	42	5	32	60	388	636	61,0	30,9—33,3
1668	260	17	29	17	55	23	22	117	540	950	56,8	32,4—34,3
1688	115	7	18	16	28	16	31	75	306	940	32,6	21,9—22,7
1693	76	10	21	15	35	20	—	75	252	1030	24,5	17,2—17,8
1715	107	—	10	—	19	17	—	79	232	960	24,2	15,3—16,0
1720	75	—	17	—	58	15	—	60	225	728	30,9	23,0—23,6
1724	76	—	—	—	38	17	—	68	199	800	24,9	18,0—18,6
1727	60	—	—	—	58	23	—	88	229	900	25,4	19,8—20,3
1763	125	—	12	—	—	—	—	—	137	1020	13,4	6,4— 6,9
1764	125	—	12	—	—	—	—	—	137	1005	13,6	3,2— 4,0
1765	137	—	12	—	—	—	—	—	149	1069	13,9	5,4— 6,1
1767	137	—	12	—	—	—	—	—	149	1055	14,1	6,0— 6,6
1768	148	—	12	—	—	—	—	—	160	1025	15,7	5,0— 5,8
1769	129	—	—	—	—	—	—	—	129	750	17,2	4,3— 5,3
1770	134	—	12	—	—	—	—	—	146	761	19,2	5,9— 6,9
1771	140	—	12	—	—	—	—	—	152	787	19,3	7,4— 8,3
1772	120	—	12	—	—	—	—	—	132	787	16,8	4,1— 5,1

* Biblioteka Czartoryskich, Rkps. Nr 4469, kk. 1—13; Nr 4470, kk. 6—50; Nr 4471, kk. 9—20, 60—61; Nr 4472, kk. 7—20; Nr 4473, kk. 27—38, 80, 83; Nr 4474, kk. 9—19, 38; Nr 4475, kk. 4—15, 53; Nr 4488, kk. 9—16, 18—21, 60; Nr 4489, kk. 4—13; Nr 4491, kk. 9—12, 16; Nr 4493, kk. 11, 23—24; Nr 4494, kk. 21—23; Nr 4496, kk. 20—23; Nr 4498, kk. 22—25; Nr 4499 kk. 10, 20—23; Nr 4450, kk. 9, 20, 22—23; Nr 4501, kk. 22—25; Nr 4502, kk. 10, 23—25; Nr 4503, kk. 12, 24—25, 137. (Подсчитано нами).

ривал спор этого цеха с несвижскими евреями-мясниками. Из материалов судебного дела видно, что во второй половине XVII в. владельцы города подчинили купеческому цеху и несвижских евреев, занимавшихся торговлей. В этом деятельность местного цеха отличалась от ему подобных в королевских городах. По привилею 1661 г. все евреи-торговцы обязаны были платить цехмистру купеческого цеха, членами («братьями») которого были лишь мещане, торговые сборы, штрафы, налог за право открывать торговлю («вкупное») и даже выполнять военную повинность — «выставлять хлопа (т. е. наемника.— *А. Г.*) с вооружением»[291]. Судя по следующим привилеям владельцев Несвижа, право контроля за торговлей еврейского населения города было передано магистрату, войту и замковым властям [292]. В документе, относящемся к 1758 г., значится купеческий несвижский цех [293], продолжавший функционировать и во второй половине XVIII в.

И ремесленные, и купеческий цехи Несвижа в общей системе городского самоуправления подчинялись магистрату. Купеческий участвовал в избрании войта, подавая голоса своих членов в качестве одной из корпоративных единиц городского общества. В акте о выборах войта в 1712 г. указано, что в нем было 8 человек во главе с цехмистром [294]. Небольшое количество купцов говорит о сосредоточении внешней и иногородней торговли в руках небольшой группы крупных купцов. Лавочники, шинкари и мелкие торговцы здесь в цех не входили, они не назывались купцами», купеческий цех объединял лиц, занимавшихся крупной оптовой торговлей. Купеческая корпорация Несвижа напоминала гильдию купцов-оптовиков в немецких городах.

Первое упоминание о купеческом цехе в Слуцке относится к 1621 г. В «общем уставе», данном Слуцку, Крыштоф Радзивилл отмечал: «Так как между купцами до сих пор порядка не было, то постановляю, чтобы между собой имели цех отдельный и чтобы никому нельзя было торговлей и купечеством заниматься до тех пор, пока в купеческий реестр не впишутся как христианин, так и еврей, а

[291] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1337, л. 14.
[292] AGAD, AR, dział XV, teka 5, nr 36, 41, 42.
[293] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 2577, л. 268.
[294] AGAD, AR, dział XV, teka 7, Electia na Woytowstwo Mieszczan Nieswiezkich.

от записи в реестр пусть 2 злотых христианин, а еврей вдвойне в городскую казну отсчитает». В Слуцке в отличие от королевского города первоначально в купеческом цехе были объединены не только христиане (белорусы), но и евреи. В уставе Слуцка от 25 января 1662 г. говорится о цехе из одних мещан [295]. Евреев в нем уже не было. В купеческий цех записывались совершеннолетние, избравшие своей профессией торговлю с выездами из города («купецтво»).

Торговля регламентировалась уставом купеческого цеха. Общий надзор за осуществлением правил устава был возложен на городской магистрат. На купцов, которые занимались иноземной торговлей, магистрат по приказу магната накладывал особую подать («роспис») в экстренних случаях. Об этом свидетельствуют протоколы магистрата Слуцка 50—80-х годов XVII в.

Власти в интересах магнатской казны тщательно следили, чтобы все купцы были учтены. Выезжавшие в дальние города, получали от магистрата «аттестацию». К ней должна была прикладываться городская печать. Наряду с реестром купцов, ведущих иноземную торговлю, магистрат составлял и реестр «купчиков», торговавших с близлежащими городами [296].

По просьбе местных купцов владелец города проводил протекционистскую политику, ограничивая деятельность приезжих купцов, если она наносила вред интересам местных. Деятельности купеческого цеха в Слуцке были посвящены отдельные статьи устава для города, изданного князем Богуславом Радзивиллом 25 января 1662 г. Магнат разрешил слуцким купцам и торговцам (христианам) принять новый устав, который уточнял и детализировал условия торговли местных купцов с иногородними. Надзор за выполнением этих распоряжений магнат поручал войту и магистрату [297].

В документах второй половины XVII в., включая инвентарь Слуцка 1689 г., есть упоминания о купеческом цехе. Но с конца XVII в. в архивных документах сведений об этом нет. Сокращение количества купцов, занимав-

---

[295] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna..., k. 8; teka 154, Ustaw dla Miasta Słucka...

[296] Ibidem, teka 134, Sprawy Sessyonalistów..., teka 151, Księga.

[297] Ibidem, teka 132, Priwilegia y Listy..., k. 1; teka 134, Sprawy Sessyonalistów...; teka 154, Ustaw dla Miasta Słucka...

шихся заграничной торговлей, ее концентрация в руках олигархической верхушки, объединенной, кроме цеха, в другой корпорации — магистрате, постепенный переход торговли в руки еврейских купцов, имевших свою сословно-религиозную организацию,— все это и явилось причиной распада купеческого цеха в городе. В документе 1767 г. прямо говорится, что в Слуцке под эгидой кагала существовала еврейская торговая организация, имевшая свою казну. В эту организацию в обязательном порядке входили все еврейские купцы и торговцы [298].

Кроме купеческого цеха, во второй половине XVII в. в Слуцке был организован еще один — торговцев рыбой. По просьбе и настоянию самих торговцев, а также по жалобам мещан, покупателей рыбы, на дороговизну городская сессия 28 февраля 1662 г. утвердила правила «прасольников»[299] (как назывались торговцы рыбой). Таким образом, торговая организация рыбников (вначале без прав цеха) была создана не магнатом, а городским магистратом, который и утвердил ее правила. Подчинялась она магистрату. Сессия магистрата перадала правила прасольников на утверждение магнату.

Лишь в сентябре 1686 г., после утверждения княгиней «права» рыбников, эта организация была официально названа цехом. Однако сразу цех не имел всех полномочий цеха. По-прежнему магистрат вмешивался во внутренний его распорядок. Рыбникам пришлось вести борьбу за самостоятельность, внутреннее самоуправление, равноправие с другими городскими цехами.

Только 1 июля 1689 г. представители владелицы города утвердили по поручению княгини устав рыбников, в который вошли все постановления цеховой сходки о равенстве его с другими цехами города. Комиссары подчеркнули в своем документе, что рыбницкий устанавливается по образцу других цехов города — «мещан слуцких, купечеством либо ремеслом занимающихся».

В отличие от купеческого рыбницкий торговый цех в Слуцке просуществовал до второй половины XVIII в. включительно. Он назван в списке 1777 г.[300]

---

298 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7440, л. 30.

299 AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey; teka 134, Przywileje i Nadania..., s. 47.

300 Ibidem, Przywileje i Nadania..., s. 53; teka 154, nr 18, Kopie praw..., s. 126—129; Inwentarz seu Dyspartyment...

Торговая корпорация, члены которой вели иноземную торговлю, как считает М. В. Топольская, существовала и в Шклове[301].

Таким образом, в крупных частновладельческих городах были торговые цехи, созданные на той же основе, что и в королевских городах Белоруссии. К числу основных отличий купеческих цехов в частновладельческих городах от таких же цехов в королевских относится утверждение купеческих корпораций, а также их уставов либо магистратом, либо магнатом (но последним обязательно). Создание торговых цехов магнат разрешал с целью регламентации торговли, для регулярного пополнения своей казны, стремясь укрепить иерархическо-корпоративную власть городского патрициата. В состав магистрата входила купеческая верхушка горожан. При этом она использовала монопольное положение цехов в своих узкокорпоративных целях.

Утверждение цехов королевской властью было необязательным. В частновладельческом городе отмечается наличие торговой организации, не имевшей прав цеха и лишь впоследствии получившей такие права в результате борьбы самих торговцев, входивших в этот цех. Эта неполноправная организация торговцев напоминает по структуре и правам ремесленные объединения этого же периода, подчиненные непосредственно городскому магистрату.

Одно из существенных отличий торговых цехов в частновладельческих городах заключалось в том, что владелец города пытался вначале придать универсальный характер такому цеху, включая в него как белорусское, так и еврейское торговое население или подчиняя последнее в его деятельности этому цеху. На практике к XVIII в. еврейские торговцы выделились из цехов и освободились от власти цеховой старшины, что вело к некоторому ослаблению такого рода цехов, так как они не имели уже всеобъемлющего характера и встречались с конкуренцией другой торговой организации.

Купеческие цехи, в состав которых входила лишь часть торговцев, в XVIII в. практически уже не пользовались монополией торговли. Роль купеческих цехов в XVIII в.

---

[301] M. B. Topolska. Szklów i jego rola w gospodarce Białorusi wschodniej w XVII i XVIII wieku. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», t. XXX. Poznań, 1969, s. 22.

снижалась и потому, что евреи-торговцы, не состоявшие в цехах, составляли больший процент населения городов, чем в предыдущий период. Еврейские купцы, подчинявшиеся замковым, а не городским властям, конкурировали с купцами-мещанами. Отдельные представители купеческой верхушки были связаны с магнатами, выполняя торговые поручения своих патронов. Так, в 1603 г. поставщиками Януша Радзивилла были слуцкий войт Михаил Куприянович Тишевич и его брат Омельян, которые покупали князю серебряные изделия в Вильно. Кроме того, Омельян Тишевич поставлял магнату из своей лавки собольи меха и другие вещи на крупные суммы. В 1602 г. он продал княгине Софье Олелькович товаров на 579 коп 27 грошей литовских с последующей выплатой. Княгиня взяла товары из лавки войта вместе с деньгами в долг на тех же условиях на общую сумму 400 коп грошей [302]. Магнаты поручали вести торговлю сельскохозяйственными продуктами, собранными в их владениях, купцам своих городов.

Итак, торговая политика магнатов по отношению к городам носила противоречивый характер. С одной стороны, магнаты покровительствовали торговле в принадлежавших им городах. В основе мероприятий владельца города в торговле лежало стремление увеличить доходы своей казны. С другой — магнаты по своему произволу устанавливали пошлины на привозимые товары, взимали дань за проезд через свои владения. Таким образом создавались препятствия для развития торговли. Слабость центральной власти в Речи Посполитой и царившая в стране анархия во второй половине XVII и в XVIII в. затрудняли развитие торговых связей между городами и извне. Тем не менее такие связи налаживались. Купцы частновладельческих городов вели иноземную торговлю, вывозили товары в Россию, в города и местечки Украины, Польши и в другие страны. Русские, украинские, польские купцы приезжали в города Белоруссии и вели здесь торговлю [303].

---

[302] AGAD, AR, dział XXIII, teka 136, Akta summowe.

[303] См. А. П. Грицкевич. Торговые связи Слуцка с городами Польши и Прибалтики в XVI—XVIII веках и их роль в иноземной торговле города; «Acta Baltico—Slavica», t. VI. Białystok. 1969, s. 51—73.

В частновладельческих городах Белоруссии тоже существовали купеческие цехи, организации купцов, построенные на той же основе, что и в королевских. Одни из них представляли купеческую организацию в узком составе, наподобие гильдий купцов-оптовиков в Германии (Несвиж). Другие имели более широкий состав (Слуцк). При организации купеческих цехов магнаты в обязательном порядке заставляли вступать в них еврейских купцов и торговцев, а не только мещан. Таким образом, купеческие цехи на определенном этапе объединяли всех купцов города с подчинением их магистрату. Однако к концу XVII в. в результате борьбы еврейских купцов с купеческой верхушкой мещан за выход из цеха еврейской части торговцев удалось выделиться из цеха, в связи с чем купеческий цех утратил свой универсальный характер. Усиливалась конкуренция между купцами-мещанами и евреями. В частновладельческих городах всю торговую деятельность населения регулировал владелец города, устанавливая общий порядок торговли. Непосредственный надзор за торговлей осуществлял магистрат. Регламентация торговли, доходившая до мелочной опеки, эгоистическая политика узкой корпоративной группы богатых купцов сдерживали дальнейшее развитие торговли частновладельческих городов. Попытки хозяйственных реформ в Речи Посполитой во второй половине XVIII в. не изменили положения, поскольку они мало затрагивали экономику магнатских городов.

Глава III

УПРАВЛЕНИЕ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОРОДОВ

1. Высшая власть в городе и ее взаимоотношения с центральной государственной властью

В частновладельческом городе в XVI—XVIII вв. высшая власть принадлежала его владельцу. Магнат был высшим собственником земли, на которой стоял город. В его пользу выполняло повинности население. Магнат был первым феодалом в своих владениях, защитником интересов своего класса. Вся политика была направлена на усиление власти феодалов над эксплуатируемыми массами крестьянства, а в городе — над его населением. Власть магната — владельца города приближалась к абсолютной.

В просьбах к Радзивиллу земяне, мещане и евреи употребляли слово «верноподданные». Магнаты Белоруссии и Литвы имели право приговаривать к смертной казни своих «подданных», в том числе и мещан. Согласно магдебургскому праву (в применении к частновладельческим городам), по уголовным делам мещане могли апеллировать к городскому сеньору[1].

Магнат судил подвластное ему население или передоверял свои функции наместникам, экономам, комиссарам. С XVI по XVIII в. включительно в центрах наиболее крупных магнатских латифундий существовали замковые суды. Эти судебные учреждения существовали наряду с государственными судебными органами Речи Посполитой. Членов суда назначал магнат.

Владелец города был патроном всех церквей в городе, в магнатском владении. Он считался покровителем католической, униатской, православной, кальвинистской, лютеранской церквей, а также иудейской религии. В его руках была сосредоточена высшая военная власть. Ему

[1] E. Tyszkiewicz. Birże. Rzut oka na przeszłość miasta, zamku i ordynacyi. St.-Petersburg, 1869, s. 41.

подчинялись феодальное ополчение в XVI в., а в XVII—XVIII в.— гарнизон города и различные военные формирования (в XVIII в. так называемые «придворные милиции», либо частные войска). Гарнизоны частновладельческих крепостей подчинялись своим магнатам, а не военным властям государства. Гетману литовскому они чисто символически отдавали воинские почести при посещении крепостей [2]. Даже когда гарнизон одной из крепостей, принадлежавших магнатам,— Слуцкой крепости — входил номинально в состав войска Великого княжества Литовского (с 1659 по 1768 г.), он подчинялся слуцкому князю, а не гетману.

Таким образом, владельцы городов Белоруссии и Литвы обладали некоторыми правами государственной власти.

Центральная власть феодальной Речи Посполитой в непосредственное управление частновладельческими городами не вмешивалась. Однако многие льготы и привилеи, носившие характер общеупотребительных в государстве мер или «вольностей», прежде всего право городского самоуправления, а также освобождение от налогов, таможенных сборов с купцов и жителей частновладельческих городов, торговавших в других местностях Речи Посполитой, исходили от центральной власти феодального государства. Король или сейм Речи Посполитой, так же как и владелец города, прежде всего выражали интересы класса феодалов. При этом инициатива в получении таких льгот исходила почти всегда от магната или через него от жителей принадлежавшего ему города. Так, например, в XVII и в XVIII вв. многие привилеи жителям Слуцка, особенно при освобождении их от налогов на разные сроки, давались сеймом Речи Посполитой (в 1616, 1649, 1653, 1655, 1659, 1661, 1677, 1678, 1768, 1775 гг.) [3]. В ряде сеймовых постановлений прямо указывалось, что они приняты по инициативе владельца города [4].

Кроме сеймовых постановлений, Слуцк получал королевские привилеи. В 1649 г. привилей короля Яна Казимира освободил жителей Слуцка от пошлин, подтвердил

---

[2] J. Kitowicz. Opis obyczajów za panowania Augusta III. Wrocław, 1950, s. 384.

[3] Volumina Legum, t. III. Petersburg, s. 150; t. IV, s. 149, 194, 232. 317—318, 386; t. V, 1860, s. 257, 312; t. VII, s. 393; t. VIII, s. 414.

[4] Ibidem, s, t. III, 150; t. IV, s. 194, 317—318; t. V, s. 257.

городу вольности, какими пользовались Киев и Быхов [5]. Привилей короля Яна Казимира от 27 августа 1652 г. об утверждении магдебургского права Слуцку «на вечные времена» был дан по ходатайству владельца Богуслава Радзивилла [6]. В 1665 г. Ян Казимир издал другой привилей о введении «мостового мыта» в Слуцке [7]. В 1673 г. король Михаил Вишневецкий дал привилей слуцким мещанам, по которому они изымались из юрисдикции всех судов Речи Посполитой и подлежали суду слуцкого магистрата [8]. В 1677 г. Ян Собеский в привилее подтвердил все ранее данные Слуцку льготы и привилегии, а в 1679 г. особо выделил привилей Михаила Вишневецкого. 15 февраля 1713 г. Август II объявил, что берет Слуцк под свою защиту и будет охранять права владелицы города принцессы Елизаветы Августы Нейбургской и ее отца как опекуна [9]. 7 января 1715 г. король вновь подтвердил право слуцким мещанам судиться лишь в своем городском магистратском суде [10]. Привилеем Станислава Августа Понятовского в 1782 г. в Слуцке учреждалась еще одна ярмарка [11].

Аналогичные привилеи давались центральной властью Речи Посполитой и другим городам, принадлежавшим магнатам. Особенно часто привилеи и сеймовые постановления предоставляли различные льготы жителям радзивилловского Несвижа — центра крупнейших латифундий в Белоруссии и Литве. Так, изданный 23 апреля 1586 г. в Гродно Стефаном Баторием по просьбе князя Миколая Крыштофа Радзивилла привилей давал Несвижу магдебургское право [12]. Этот привилей был подтвержден королем Сигизмундом III, а затем и на сейме в 1595 г. [13] Позднее по привилею Владислава IV (1633 г.) были вновь подтверждены прежние права и льготы мещанам Несви-

---

[5] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 3; д. 1621, л. 372.
[6] AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, Priwilegia y Listy..., k. 30; teka 154, Księstwo Słuckie, s. 1.
[7] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5717, л. 2.
[8] Городские поселения в Российской империи, т. III, СПб, 1863, стр. 112—113.
[9] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1621, л. 373; д. 5717, л. 2.
[10] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, nr 27.
[11] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1603, л. 123.
[12] M. Baliński. Starożytna Polska.., t. III, s. 626—627.
[13] Volumina Legum, t. II. Petersburg, 1859, s. 355.

жа[14]. Сейм Речи Посполитой в 1654 и в 1661 гг. по просьбе магната освобождал каждый раз на четыре года жителей Несвижа от уплаты податей и солдатского постоя[15]. Такие же льготы об освобождении несвижских мещан от уплаты пошлин и таможенных сборов навсегда, а от главной пошлины на 15 лет были даны королем Михаилом Вишневецким в 1669 г.[16] В следующем году сеймовая конституция подтвердила все прежние привилеи горожанам Несвижа, которые освобождались от уплаты пошлин и торговых сборов в Литве и Короне на 20 лет. Сейм 1673 г. принял новое постановление об этих льготах Несвижу, за исключением старого мыта. В 1676 г. все привилеи Несвижу и льготы его горожанам были подтверждены вновь[17]. В 1677 г. универсалом Яна Собеского несвижские мещане были освобождены от пошли н таможенных сборов на территории Речи Посполитой. Тогда же Михаил Казимир Радзивилл ходатайствовал перед королем и получил привилей на 4-недельную ежегодную ярмарку в Несвиже, начинавшуюся с 25 августа[18]. 26 марта 1682 г. был издан королевский привилей, учреждавший еще одну 4-недельную ярмарку. Король Ян III Собеский утвердил также на сейме 2 апреля 1681 г. устав купеческого цеха Несвижу, составленный владелицей Несвижа (сестрой короля) Екатериной Радзивилл. По просьбе князя Михаила Казимира (Рыбенько) король Август III 27 августа 1750 г. дал привилей, которым разрешалось открыть в городе типографию. Король Станислав Август Понятовский 8 октября 1782 г. издал привилей, утверждавший в Несвиже еще одну 4-недельную ярмарку начиная с 1 июля[19].

Владелец города Бешенковичи Казимир Лев Сапега 4 октября 1634 г. получил от короля грамоту на магдебургское право[20]. Сейм Речи Посполитой в 1661 г. освободил принадлежавшие Сапегам Ляховичи на 9 лет от уплаты подати и разрешил их владельцу содержать гарнизон в 200 человек за счет государства. Освобождение

[14] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 631.
[15] Volumina Legum, t. IV. Petersburg, 1859, s. 219, 386.
[16] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 632.
[17] Volumina Legum, t. V. Petersburg, 1860, s. 54, 91, 213.
[18] B. Tauroginski. Z dziejów Nieświeża. Warszawa, 1937, s. 54.
[19] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 634, 640—641, 648.
[20] Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906, стр. XXXVII.

от налогов жителей Ляхович не было проведено в жизнь. Лишь в 1678 г. после постановления сейма это состоялось[21].

По просьбе владельца Копыля князя Богуслава Радзивилла городу по привилею короля Яна Казимира 27 августа 1652 г. было дано магдебургское право[22]. В 1768 г. решением сейма город был освобожден «на вечные времена» от акцизы — налога на содержание слуцкого гарнизона[23].

Другой город, принадлежавший Сапегам, Друя получил подтверждение магдебургского права от короля 15 апреля 1619 г.[24] Несколько привилеев и законодательных актов сейма Речи Посполитой получили в XVII в. жители частновладельческого Быхова (Старого Быхова)[25], принадлежавшего магнатской семье Сапег.

Некоторые частновладельческие города реже упоминаются в государственных законодательных актах Речи Посполитой. Мещане Шклова по просьбе магната в 1661 г. постановлением сейма были освобождены от выплаты всех налогов на четыре года[26].

По ходатайству владельцев города Ушачи, принадлежавшего роду Жаб, король 23 июня 1758 г. предоставил мещанам магдебургское право и другие льготы[27].

Таким образом, довольно многочисленные законодательные акты центральной власти Речи Посполитой по отдельным частновладельческим городам касались главным образом городского самоуправления, освобождения населения, прежде всего мещан, от налогов и торговых сборов и пошлин, иногда обороны.

Наряду с этими актами центральной власти государства во второй половине XVIII в. в связи с попыткой провести реформы в Речи Посполитой появляются законодательные акты, имевшие общий характер для городов, в том числе и для частновладельческих. В конституции сейма 1775 г. о подымном налоге все города и местечки

[21] Volumina Legum, t. IV. Petersburg, 1859, s. 385; t. V, s. 309.
[22] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 677.
[23] Volumina Legum, t. VII. Petersburg, 1860, s. 393.
[24] Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. XV. Warszawa, 1900, s. 441.
[25] АВАК, т. IV. Вильна, 1870, стр. 46—48, 177—181; Volumina Legum, т. IV, s. 149, 231—232, 492; t. V, s. 54, 214, 257.
[26] Volumina Legum, t. IV. Petersburg, 1859, s. 384.
[27] Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, nr 5981, kk. 260—261.

Великого княжества Литовского были разделены на магдебургские и немагдебургские. Магдебургские города Белоруссии и Литвы были разделены на три класса (по величине подымного налога) [28]. К первому классу относились шесть городов — Вильно, Гродно, Брест, Ковно, Минск и частновладельческий Слуцк. Ко второму восемь — Пинск, Новогрудок, Слоним, Лида, Россиены и частновладельческие Кейданы, Друя и Черея. Кейданы принадлежали Радзивиллам, а Друя и Черея — Сапегам. Все остальные магдебургские города были отнесены к третьему классу. Немагдебургские города и местечки платили подымный налог по сельской норме [29]. Однако это сеймовое постановление нельзя считать решением, направленным в какой-то мере на уравнивание королевских и частновладельческих городов Белоруссии и Литвы. Аналогичные решения сейма принимались не раз еще с конца XVI в. (так называемые «универсалы поборовые»). Они давали законодательное закрепление ставок общегосударственных налогов.

Постановление сейма 1776 г. оставляло магдебургские учреждения лишь в 11 «главных» городах Великого княжества Литовского, в том числе и восьми белорусских [30]. Однако это постановление относилось к королевским городам Белоруссии. В постановлении отмечалось, что владельцам городов предоставлялось право самим решать вопрос — оставлять ли самоуправление в своем городе или нет. При этом магдебургское право в каждом таком частновладельческом городе и местечке ограничивалось рамками местных уставов, а магистратские суды могли рассматривать уголовные дела только своих мещан [31]. Таким образом, категорического запрещения деятельности городских учреждений, решения о ликвидации самоуправления в городах, принадлежавших магнатам, сейм Речи Посполитой не принял.

Стремлением к подобного рода унификации устройства некоторых больших частновладельческих и королевских городов была резолюция Постоянного совета в 1781 г. В этой резолюции говорилось, что нужно различать две категории городов, а следовательно, и две группы город-

[28] Volumina Legum, t. VIII, s. 398.
[29] Ibidem.
[30] Ibidem, s. 567—568.
[31] Ibidem, s. 568.

ского населения. Первую составляли города и местечки, которые были подчинены своим владельцам так же, как и деревни, а вторую — частновладельческие с магдебургским правом. Поэтому города второй категории в определенной степени могли пользоваться такими же привилегиями, как и королевские города. С точки зрения внутреннего устройства и повинностей в пользу своих владельцев и государства эти города находились под доминиальным правом магнатов точно также, как и первая категория. В то же время вторая категория частновладельческих должна была подлежать, как и королевские города, асессорским судам [32]. Сколько-нибудь серьезных последствий эта резолюция не имела, так как на деле магнаты продолжали сами определять границы своей власти и подсудность мещан в частновладельческих городах. Однако в этой резолюции проявилась тенденция правительства Речи Посполитой признать юридическую разницу между самоуправляемыми и несамоуправляемыми частновладельческими городами.

Устав о королевских городах, принятый сеймом 17 апреля 1791 г., также не затрагивал прав владельцев городов. В одном из его пунктов сказано: «Разрешено будет наследственным владельцам на своей земле города с людьми вольными основывать или землепашцев вольностью одарить, так же как и свои частновладельческие города локационными (поселенными.— *А. Г.*) сделать; однако такие населенные пункты не могут входить в состав вольных городов, лишь в том случае это можно сделать, когда наследственный владелец грамотой на поселение передаст им землю свою наследственную, а тогда Мы, Король, подтвердительный диплом на эту грамоту по просьбе самого наследственного владельца издадим и грамоту на поселение в тот диплом вписать прикажем» [33]. Право превращения частновладельческих городов в государственные («вольные») оставалось за магнатами. Однако ни один магнат по вполне понятным причинам не воспользовался им.

Итак, центральная власть Речи Посполитой законодательными актами регулировала те или иные стороны хозяйственной жизни частновладельческого города и право-

---

[32] Z. Kaczmarczyk, B. Leśnodorski. Historia państwa i prawa Polski od połowy XV w. do r. 1795. Warszawa, 1957, s. 393—394.
[33] Volumina Legum, t. IX. Kraków, 1889, s. 215—216.

вое положение его жителей. Все это, однако, не затрагивало основных прав магнатов. Более того, в королевских привилеях и сеймовых конституциях часто отмечалось, что те или иные льготы предоставлялись жителям частновладельческих городов по просьбе самих владельцев городов. При принятии законов, касавшихся городов Речи Посполитой или Великого княжества Литовского в целом, тщательно оговаривалось право магнатов вводить или не вводить эти законы. Центральная власть феодальной Речи Посполитой оберегала интересы магнатов как собственников.

Наряду с актами центральной власти жизнь частновладельческих городов в известной мере регулировалась и решениями местных властей (воеводских, поветовых сеймиков). Особенно это относится ко второй половине XVII и XVIII вв., когда сеймики переняли у центральной власти ряд функций по сбору налогов, формированию воинских частей, наведению некоторого порядка на территории воеводства и повета. Но если владельцы городов Белоруссии и Литвы считались с центральными властями государства и обращались к ним для юридического оформления своих проектов в отношении жителей городов, принадлежавших им, то с местными властями они считались не всегда. В случае принятия воеводским или поветовым сеймиком решений, не отвечающих интересам магнатов, последние просто игнорировали такие решения. Так, например, в 1693 г. княгиня Людовика Каролина Радзивилл, владелица Слуцка и Копыля, предложила своей администрации без ее согласия не выполнять постановления сеймика Новогрудского воеводства о сборе податей с ее владений [34]. Князь Иероним Флориан Радзивилл, имевший владения в различных местностях Белоруссии (Койданов, Копыль, Слуцк и др.), со всех своих владений вообще не давал в казну Речи Посполитой никаких налогов [35].

Владельцы городов в течение XVI—XVIII вв. издавали привилеи, уставы, постановления, приказы и инструкции, которые были обязательны для горожан. Например, Слуцк получил от различных владельцев в течение трех веков много привилеев, постановлений. В 1503 г. князь

[34] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5815, л. 38.
[35] J. Kitowicz. Opis obyczajów za panowania Augusta III. Wrocław, 1950, s. 388.

Семен Олелькович дал жителям Слуцка привилей «на все градские права и преимущества»[36]. В 1565 г. князь Юрий Олелькович особым актом передал в вечное пользование горожанам застенок Греду (27 волок) с обязательством платить в княжескую казну ежегодно 30 коп литовских грошей. В 1587 г. князь Ян Симеон подтвердил разрешение мещанам вывозить деревья из княжеского леса для строительства, на дрова и для освещения в зоне на три мили вокруг города (более 23 километров). В 1621 г. князь Крыштоф Радзивилл издал устав по управлению Слуцком, а в 1654 г. Богуслав Радзивилл — об учреждении городской казны («скрынка городская»). В 1662 г. он же составил большой документ из 76 параграфов, в котором были перечислены права, льготы и обязанности мещан. В этом документе были использованы прежние привилеи владельцев города и уточнены новые. В 1686 г. княгиня Людовика Каролина издала привилей, которым подтверждала все привилеи, данные Слуцку. Аналогичные привилеи этому городу были даны в 1709 г. пфальцграфом рейнским Карлом Филиппом Нейбургским и в 1710 г. князем Каролем Станиславом Радзивиллом как опекунами принцессы Нейбургской, владелицы Слуцка. В мае 1792 г. опекун малолетнего владельца города Мацей Радзивилл дал привилей, в котором этот город признавался «вольным» (несмотря на это Слуцк оставался частновладельческим)[37]. Наряду с этими основными документами, которые определяли права мещан и их хозяйственную деятельность, здесь действовали и другие документы, имевшие силу закона, подписанные владельцами города или их наместниками.

К числу основных актов, регулировавших внутреннюю жизнь другого крупного белорусского города, принадлежавшего Радзивиллам,— Несвижа, относятся следующие документы. Прежде всего это постановление князя Миколая Крыштофа Радзивилла, составленное в начале (до апреля) 1586 г. В этом постановлении («пунктах») владелец города «навечно» отказывался от взимания чинша с земельных участков в городе, освобождал мещан от гвалтов, толок и «посылок», разрешал мещанам содержать баню и солодовню («бровар») и вводил еще неко-

---

[36] ЦГИА СССР ф. 1350, оп. 312, д. 90, л. 102 об.
[37] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1603, л. 7; д. 1618, лл. 5—8; д. 5717, л. 2.

торые льготы[38]. 18 июня 1586 г. князь передал в пользование городу «навечно» 100 волок земли с освобождением от платы за них на 50 лет, а мещане Несвижа на этот же срок были освобождены от уплаты торгового сбора и «капщизны от меда и пива». 1 марта 1589 г. Радзивилл (Сиротка) издал привилей несвижским евреям. 6 марта 1593 г. он распорядился передать городу 12 волок Несвижского бора «на вечные времена». Он же двумя универсалами от 15 января 1598 г. передал раде 1000 злотых, с тем чтобы ежегодная прибыль с этой суммы (80 злотых) шла на приданое при выходе замуж бедных девушек-горожанок, а также 1250 злотых, с тем чтобы прибыль от этой суммы (100 злотых) ежегодно передавалась на «католический шпиталь»[39]. В 1617 г. князь Ян Ежи Радзивилл подтвердил все прежние привилеи Несвижу[40].

7 марта 1647 г. князь Александр Людвич Радзивилл издал универсал, по которому на еврейское население, владевшее городскими пляцами, распространялись повинности, которые выполняли мещане[41]. Далее Михаил Казимир Радзивилл издал (20 января 1673 г.) привилей, по которому гарантировал новопоселенцам в городе все вольности, согласно магдебургскому праву, а также свободный отъезд из города[42]. Кароль Станислав Радзивилл 14 июня 1692 г. своим привилеем разрешил уже перебравшимся в Несвиж крестьянам осесть в городе и стать мещанами. Его наследник — Михаил Казимир (Рыбенько) — 26 июля 1724 г. подтвердил все предыдущие привилеи, а также гарантировал свободное поселение в Несвиже минским или иным мещанам, которые, становясь несвижскими мещанами, пользовались магдебургским правом. Каждому из новопоселенцев разрешалось, как и коренным жителям, свободно уезжать из города со своим имуществом[43].

Для Друи 8 августа 1618 г. владелец Ян Станислав Сапега издал «локационный» привилей, чтобы привлечь новопоселенцев, которым давались льготы — освобождение на 20 лет от повинностей. Этот же привилей давал

---

[38] AGAD, AR, dział XV, teka 5, nr 1.
[39] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1337, лл. 49—50, 54—56; д. 1338, лл. 27—30; д. 1361, лл. 6—8, 10, 27—28.
[40] AGAD, AR, dział XV, teka 5, nr 12.
[41] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1361, л. 19.
[42] Там же, лл. 23, 24.
[43] AGAD, AR, dział XV, teka 5, nr 25, nr 27, nr 30.

горожанам магдебургское право и право апелляции к наместнику владельца города на решения магдебургского суда [44]. Этот привилей был утвержден королем Сигизмундом III в 1619 г. [45] Дальнейшая экономическая жизнь города и правовое положение жителей во многом определялись этим привилеем.

Мир от Николая Крыштофа Радзивилла (Сиротки) 27 декабря 1579 г. получил привилей, по которому были определены размеры чинша и повинностей мещан, даны некоторые права городского самоуправления, установлено право продажи домов, содержания шинков с выплатой определенной суммы магнату. Этот привилей был подтвержден преемником Сиротки в 1619 г. [46] 22 июля 1778 г. Кароль Радзивилл издал особую грамоту для Яна Марцинкевича, главы цыган в Великом княжестве Литовском. В этой грамоте Радзивилл брал под свою защиту всех цыган, живущих в его владениях, в том числе и имевших дома и пляцы в Мире.

Принадлежавшие вначале князьям Друцким, затем Сапегам города Горы Великие и Горки Малые в 1619 г. получили от Льва Сапеги, канцлера литовского, свои права и привилегии. Мещанам этих городов были даны льготы для поселения. Они получили наподобие магдебургского право на самоуправление — иметь свои суды, собственность и вольности для себя [47].

Альберт Радзивилл, владелец Клецка, 10 июля 1590 г. передал в распоряжение клецких мещан сенокосы над рекой Лань «на вечные времена» в качестве придатка к городским волокам. По воле магната в 1618 г. клецкие мещане были освобождены от некоторых повинностей [48].

Небольшие белорусские города и местечки, принадлежавшие магнатам, получали от владельцев грамоты, дававшие горожанам определенные льготы по сравнению с другими жителями магнатских латифундий, определявшие повинности мещан. Иногда такие документы давались особыми представителями магната («комиссарами»)

---

[44] А. Сапунов, В. Друцкий-Любецкий. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии, стр. 40—45; O. Hedemann. Dzisna i Druja..., s. 381—386.

[45] Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. XV. Warszawa, 1900, s. 441.

[46] AGAD, AR, dział XXIII, teka 150, Przywileje i Ustawy.

[47] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 652—653, 719.

[48] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1089, лл. 6, 7, 95, 104.

по его поручению, как это было, например, в 1608 г. сделано для мещан Лахвы, получивших устав, утвержденный впоследствии княгиней Радзивилл [49].

Итак, подписанные владельцами привилеи, универсалы, уставы и другие основные документы определяли права мещан частновладельческих городов и их хозяйственную деятельность, их привилегии и льготы. Они имели силу закона и должны были исполняться горожанами. При этом магнаты давали льготы и привилегии более крупным городам; небольшие города и частновладельческие местечки иногда имели по одному-двум привилеям, в которых говорилось об административном уставе или о льготах в хозяйственной жизни горожан. Нередко магнаты, закрепив магдебургское право по королевскому привилею, в дальнейшем развивали те или другие положения. Практически введение магдебургского права в частновладельческом городе, его применение и толкование осуществлялись его владельцем. В основе льгот и привилегий мещанам лежало стремление городской общины выделиться и обособиться от окружающего крестьянского населения магнатской латифундии, создать городскую систему управления, закрепить права горожан.

2. Административные учреждения магнатов в частновладельческих городах

Во внутренних делах магнат в своих владениях опирался на назначенную им администрацию. Как правило, частновладельческие города Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. были и административными центрами латифундий. На протяжении ряда десятилетий и даже столетий такими центрами были радзивилловские Слуцк, Несвиж, Клецк, Кейданы и Биржи, принадлежавшие Сапегам Ружаны, Друя, Быхов.

В. И. Ленин отмечал: «Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам,— и все эти законы сводились в основ-

---

[49] AGAD, AR, dział XXIII, teka 87, Akta miejskie Łachewskie.

ном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином»[50].

Управленческий аппарат в магнатских городах в своем высшем звене состоял из представителей класса феодалов (шляхты, в основном крупной и средней), которые занимали должности наместников, губернаторов, экономов, комиссаров, комендантов принадлежавших магнатам Белоруссии и Литвы крепостей, казначеев, судей, писарей и т. п. Низшие должности замещали мелкая шляхта, нередко горожане. Административные учреждения магнатов были обособлены от государственного аппарата.

Магнат назначал всю местную администрацию в свои учреждения, размещавшиеся в городах, из лиц, которые пользовались его доверием и проводили угодную ему политику. С помощью этого управленческого аппарата он решал хозяйственные вопросы латифундии, финансово-экономические проблемы, определял повинности городского населения.

Через администрацию магнат осуществлял и высшую по отношению к феодально зависимым крестьянам, горожанам и другим группам населения судебную власть. Наконец, высшая военная власть магната над военно-служилым населением его владений и гарнизонами крепостей также осуществлялась с помощью назначавшегося магнатом военного командования вооруженными силами. Частновладельческие города были резиденциями этого командования.

В отсутствие владельца города все наиболее важные и неотложные дела вершили наместники. В XVI в. все должностные лица, заменявшие магнатов, так и назывались «наместниками» с прибавлением названия города и местности, которыми они управляли. Они ведали всеми вопросами местного управления, в том числе и городским управлением, судом, торговыми сборами в казну магната. В их распоряжении находился административный персонал и отряды военно-служилых людей для обороны магнатских латифундий и подавления антифеодальных выступлений.

В XVI в. наместники магнатов в городах и владениях назывались «врадниками», или «врядниками». В июне 1537 г. упоминается «врядник» князя Юрия Семеновича

---

[50] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

Олельковича в Петрикове (в октябре этого же года он назван «наместником») [51]. «Урядниками» называли и магнатских наместников в 1600 г. в Копыси и Слуцке [52].

Наместники князя в Слуцке во второй половине XVI в. именовались «наместниками слуцкими» [53]. Это название сохранилось и в первой четверти XVII в. [54] Наряду с этим термином в документе 1608 г. появляется другой — «староста слуцкий» [55]. Сохранился документ, в котором подробно перечислены обязанности старосты. В уставе для управления Слуцком, изданном в 1621 г. Крыштофом Радзивиллом, говорилось о функциях этого главного должностного лица: «Над всем городом староста замковый, мною поставленный, будет власть иметь и суд отправлять, экзекуцию без всякого облегчения и оттяжки исполнять, эксцессы и бесчинства карать, опасность предотвращать, а также о городничем, о земянах княжества Слуцкого, о выбранцах слуцких, о порядках городских, о застройке улиц, о фортификации города, об озерах, плотинах, мостах и мельницах слуцких ведать будет и следить, чтобы каждый свою повинность достаточно выполнял и чтобы все, согласно воле и информации моей, было обращено к украшению, укреплению и умножению этого города. Он же вместе с капитаном во время какой-либо тревоги и во время пописов должен распоряжаться мещанами, заведовать воротами, валом и стражей... Этому же старосте с городскими властями будет принадлежать установление цены на продаваемый товар...» [56] Далее в уставе говорилось о старосте: «...Чтобы ныне в Слуцке находился, никуда, кроме чрезвычайной необходимости, не отлучался и чтобы должность, ему принадлежащую, старательно и верно исправлял...» Старосте вменялось в обязанность вершить суд самому, в его отсутствие по важным причинам эти обязанности исполняли городские власти. В уставе оговаривалось: «Шляхетские, однако, и иные главные дела, не рассматривая их до возвращения старосты, дол-

---

[51] Русско-еврейский архив, т. I. СПб, 1882, стр. 211, 213.
[52] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 189, л. 16 об.; оп. 2, д. 7382, л. 6.
[53] Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам, стр. 293; АЗР, т. II, стр. 397.
[54] АВАК, т. XVIII. Вильна, 1891, стр. 258.
[55] Минская старина, вып. IV, стр. 11.
[56] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna porządku dla Miasta Słucka.

жны отложить»[57]. Таким образом, староста обладал в частновладельческом городе большой властью, ведая полицейскими, хозяйственными, военными и судебными вопросами.

В официальных документах первой половины XVII в. (вплоть до 1657 г.) в Слуцке упоминаются и староста, и наместник — так названы одни и те же лица (в 1600—1623 гг. — Юрий Копащевский, в 1641—1657 гг. — Ян Сосновский)[58]. Аналогичные должности главы магнатской администрации существовали и в других частновладельческих городах.

В дальнейшем структура местной администрации Слуцкого княжества (которой были подчинены городские власти Слуцка, Копыля, Койданова, Копыси и других городов в радзивиллоских владениях в Белоруссии и Литве) несколько усложнилась. Богуслав Радзивилл сделал Слуцк центром всех своих белорусских владений[59]. К администрации княжества во второй половине XVII — первой половине XVIII в. перешли административные функции во всех владениях Радзивиллов биржанской линии (впоследствии так называемые «нейбургские владения»). Это было связано с усилением власти Радзивиллов в Белоруссии в середине XVII в., концентрацией владений в руках одного лица, попытками отдельных представителей этого магнатского рода захватить власть в Великом княжестве Литовском или создать себе на территории Белоруссии и Литвы удельные княжества, целиком независимые от центральной власти.

С 1658 г. князь Богуслав Радзивилл вместо одного наместника (или старосты) назначил двух комиссаров — Казимира Клокоцкого и Владислава Гурина. В конце 50-х и в 60-е годы XVII в. им обоим принадлежала высшая распорядительная власть в городе и княжестве. Они же составляли и апелляционный суд княжества. Для управления всеми делами в Слуцком княжестве и в дру-

---

[57] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna porządku dla Miasta Słucka.

[58] АВАК, т. XVIII. Вильна, 1891, стр. 258, 265, 268, 337, 343, 345, 386; Минская старина, вып. IV, стр. 7, 11, 16, 25, 27, 30, 36, 40; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7382, л. 6.

[59] Informacya domowa i polityczna Xięcia Bogusława Radziwiłła, Koniuszego WXL. В кн.: Wł. Syrokomla. Przyczynki do historyi domowej w Polsce. Wilno, 1858, s. 54.

гих радзивилловских владениях князь Богуслав в 1669 г. (в приложении к завещанию в пользу дочери) назначил двух «экономов Слуцкого княжества», один из которых был старшим (с 1663 г. губернатор княжества Слуцкого и Копыльского) — Казимир Клокоцкий[60]. При экономах была образована коллегия советников («консиляров»). Все важнейшие вопросы рассматривались на съездах («консилиумах») экономов и советников раз в два месяца (в крайнем случае не реже одного раза в три месяца). Съезды созывались старшим экономом попеременно в Слуцке и Биржах. На съездах при обсуждении и принятии каких-либо уставов, а также при решении финансовых вопросов, сдаче в аренду имений или отраслей княжеских доходов на «консилиум» приглашался «каммермейстер» Слуцкого княжества (возглавлявший финансовое ведомство). Военным губернатором Слуцкого княжества и других владений Богуслава Радзивилла был тот же старший эконом. Ему подчинялись коменданты крепостей, цейхгаузы, солдаты, выбранцы. Однако смещать комендантов мог только особый военный совет («консилиум белликум»), специально собиравшийся для решения военных дел и состоявший из тех же советников. На пост коменданта крепости старший эконом мог назначать офицера после консультации с другими советниками[61].

После смерти Богуслава Радзивилла начиная с 70-х годов XVII в. до 30-х XVIII в. владельцы Слуцка, Копыля, Койданова, Копыси, Бирж, Невеля, Себежа и других городов «нейбургских владений» ни разу не появились в Белоруссии. Этими городами полностью распоряжались экономы, хотя наиболее важные решения нейбургские принцессы и курфюрст Пфальца присылали из далекого Гейдельберга. С 1675 г. на должность второго «эконома Слуцкого княжества» был назначен Станислав Незабитовский, который с 1682 г. стал старшим экономом и занимал эту должность до 1714 г. В 1715 г. экономом княжества и комиссаром короля стал Станислав Лешинский[62]. В 1717 г. экономами Слуцкого княжества были

[60] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 231, лл. 81—82; оп. 4, д. 1, лл. 148—151; д. 5717, л. 2.
[61] Там же, оп. 4, д. 1, лл. 148, 149.
[62] Там же, д. 1618, л. 15; Минская старина, вып. IV, стр. 66, 126.

А. Оскерко и Т. Волян [63], а в 1731 г.— Т. Волян, «эконом владений нейбургских», и А. де Бекерс, «губернатор и генеральный комиссар» [64]. Последний в качестве военного губернатора командовал вооруженными силами Слуцкого княжества. Перечень экономов Слуцкого княжества свидетельствует, что назачались они на долгие годы, а иногда и пожизненно.

При таких условиях экономы (или губернаторы) магнатских владений имели все возможности чинить произвол, обогащаться за счет горожан и крестьян. Это хорошо понимал Богуслав Радзивилл, не желавший делиться доходами с принадлежавших ему имений со своими управляющими. В своем политическом завещании он писал: «Такому губернатору также желаю давать хорошее жалованье и фольварк или деревню какую-нибудь в королевских владениях (которые также были в распоряжении магнатов.— *А. Г.*) в качестве милости, но не в княжестве или вблизи от него. От сближения собственности слуг с господской много бывает неудобств» [65].

Экономы представляли не только высшую распорядительную, административную власть, но были и высшей судебной инстанцией для жителей «нейбургских владений» — горожан и крестьян, не распространялась эта власть лишь на шляхту. Экономы всячески злоупотребляли своей властью. После нескольких лет службы каждый из них уже владел имениями в Слуцком княжестве и в других вотчинах Радзивиллов.

В 40-е годы XVIII в. главным должностным лицом княжеской администрации в Слуцке был губернатор Слуцкого и Копыльского княжества [66]. Власть губернатора ослаблялась, так как Радзивиллы чаще бывали в своей столице, а Слуцк перестал быть центром владений Радзивиллов. Эта роль перешла к Несвижу. Во второй половине XVIII в. Слуцком, всем княжеством (и Копылем) управлял «эконом» (1776 г.) [67] или староста (1790—

---

[63] Минская старина, вып. IV, стр. 134.

[64] AGAD, AR, dział XXIII, teka 57. Akta posługujące do dzierżawy.

[65] Informacya domowa i polityczna Xięcia Bogusława Radziwiłła, Koniuszego WXL. В кн.: Wł. Syrokomla. Przyczynki do historyi domowej w Polsce. Wilno, 1858, s. 45—46.

[66] Минская старина, вып. IV, стр. 191; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7408, л. 30.

[67] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5011, л. 2.

1791 гг.)[68], подчинявшиеся главе радзивилловской администрации в Несвиже[69].

В других магнатских вотчинах структура администрации владельца была сходной со структурой княжеской администрации Слуцка, но в значительной мере упрощенной (за исключением Несвижского княжества).

Административная система в Несвижском владении Радзивиллов, особенно в XVIII в., усложнялась. Три брата — Миколай Крыштоф (Сиротка), Альбрыхт и Станислав Радзивиллы — по соглашению, утвержденному в 1586 г. королем Стефаном Баторием, а затем сеймовой конституцией 1589 г. (а потом подтвержденному сеймом в 1768 г.), из своих владений, включающих Олыку, Несвиж, Клецк, Мир, Давид-Городок и другие местности, создали соответственно три ординации: Несвижскую, Клецкую и Олыкскую[70]. Ординациями назывались феодальные вотчины, остававшиеся навечно в мужском потомстве рода Радзивиллов с порядком наследования по принципу первородства. Ординации не переходили по наследству к женщинам и их потомкам и не могли отчуждаться[71]. Таким образом, учреждение радзивилловских ординаций было направлено на концентрацию владений в руках одного магната, на предотвращение дробления латифундий при передаче в наследство, против передачи отдельных имений чужим на усиление власти магнатского рода Радзивиллов в Белоруссии и на Украине.

В силу этого соглашения в 1656 г. Олыкская ординация (после того как угасла эта ветвь рода Радзивиллов) перешла к несвижскому ординату Михаилу I Казимиру. С тех пор эти ординации были всегда в одних руках, что еще более усиливало владельцев Несвижа. В 1690 г. угасла клецкая ветвь рода Радзивиллов и Клецкая ординация перешла в руки невладетельного дяди несвижского ордината — князя Доминика Николая и его потомков[72]. Клецкие ординаты владели также Давид-Городоком (Давид-Городокское княжество).

---

[68] AGAD, AR. dział XXIII, teka 136, Arenda propinacyjna.
[69] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5011, л. 2.
[70] Volumina Legum, t. II. Petersburg, 1859, s. 288; t. VII, s. 400.
[71] Akt ustanowienia Ordynacyi. В кн.: Z dokumentów Xięcia Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła zwanego Sierotką. Warszawa, 1936, s. 9—23.
[72] A. Męlen. Ordynacje w dawnej Polsce. Lwów, 1929, s. 9—10.

В Несвиже и Клецке находились главные учреждения магнатской администрации и должностные лица, а в других владениях — подчиненные им администраторы. Сама по себе Несвижская ординация (Несвижское княжество) управлялась в XVI в. отдельными (от других владений Радзивиллов несвижской линии) наместниками несвижских князей-ординатов. В одном документе за 1583 г. такой администратор назван «старостой Несвижским», в других (за 1596—1613 гг.) — наместником Несвижским». В 1657 г. это должностное лицо стало «губернатором Несвижским» и в том же документе значилось — «наместник Несвижский» [73]. Изменение названия означало, что этому лицу передавались и функции командующего вооруженными силами Несвижского владения Радзивиллов. В 70-х годах XVII в. обширными владениями Радзивиллов несвижской линии управляла коллегия экономов.

В состав Несвижской ординации фактически входило Мирское владение Радзивиллов с городом Мир (Мирское графство). Часто глава княжеской администрации в Несвиже был и ее главой в Мире. Иногда он совмещал и функции главы администрации и военного губернатора княжества — «губернатор, эконом, администратор княжества Несвижского» [74].

Значение главы княжеской администрации в Несвиже возросло в 40-е годы XVIII в., когда Несвиж, как уже отмечалось, стал центром всех радзивилловских владений, к которым были присоединены и «нейбургские владения» с городами Биржи, Слуцк, Копыль, Копысь, Невель, Себеж и др. Тогда же была учреждена должность генерального комиссара литовских имений князей Радзивиллов (1747 г.), которая просуществовала до конца века. Этому генеральному комиссару подчинялись экономы Несвижского и Слуцкого княжеств, администраторы других владений [75].

Во главе Клецкой ординации Радзивиллов также стоял староста. Клецкому старосте подчинялся подстароста клецкий, ведавший непосредственно Клецким владением (княжеством), княжеский администратор города Клецка, администратор, наместник или губернатор княжества

---

[73] AGAD, AR, dział XV, teka 5, nr 16; teka 8, Kwity z opłaty różnego tytułu...
[74] Ibidem. teka 5, nr 36.
[75] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5011, л. 2; оп. 4, д. 1305а, л. 133.

Давид-Городокского, которое относилось к Клецкой ординации.

Во главе других, меньших радзивилловских владений, в состав которых входили и принадлежавшие магнатам города, стояли наместники (XVI—XVII вв.), старосты, подстаросты, губернаторы, администраторы, экономы (XVII—XVIII вв.) [76]. Подстаросты (а иногда и старосты) были в более мелких владениях и подчинялись старостам более крупных. Таким образом, над горожанами стояла иерархия властей, установленная магнатом и защищавшая его интересы. В частновладельческих городах это в значительной мере влияло на весь ход социальной, экономической, политической и культурной жизни, а особенно на управление и самоуправление.

Белорусские города, принадлежавшие другим магнатским семьям, имели такое же административное устройство, как и радзивилловские. Однако в латифундиях других магнатов не было большого числа городов, а администрация магната обычно не имела такой сложной структуры, как в радзивилловских владениях.

В городах были различные учреждения магнатов по управлению городами, латифундиями и другими феодальными владениями. Учреждения эти, с одной стороны, были административно-хозяйственными управлениями магнатов, а с другой, имели государственное значение, поскольку самих государственных, как административных, так и судебных, учреждений в частновладельческих городах на протяжении XVI—XVIII вв. не было. Исключение составлял период с 1764 по 1767 г., когда на владения Кароля Радзивилла (Слуцк, Несвиж, Копыль, Мир и другие) был наложен секвестр и эти частновладельческие города управлялись комиссарами генеральной литовской конфедерации (однако формально и в этот период эти города оставались владениями Радзивилла), а также время с 1792 до начала 1793 г., когда в Слуцке были организованы поветовые власти образованного в 1791 г. Случорецкого повета. Аналогичное положение было и в Ушачах, куда в 1776 г. был перенесен административный

---

[76] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, лл. 96—96 об.; д. 3135, л. 7; д. 3137, л. 59; д. 3138, лл. 255, 304, 399; д. 5012, л. 21; д. 9794, лл. 38, 39; оп. 4, д. 689 а-1, лл. 159, 429; д. 1085, л. 2; д. 1089, л. 6.

центр Полоцкого воеводства и переведены воеводские учреждения [77].

Весь феодальный административный и судебный аппарат в магнатских владениях был направлен на подавление сопротивления эксплуатируемого большинства, на удержание в подчинении власти феодалов трудящихся масс и на получение постоянных доходов магнатами и другими феодалами.

В XVI в. даже в крупных магнатских владениях Белоруссии и Литвы система управления немногим еще отличалась от обычной дворцово-вотчинной системы. С течением времени, однако, она усложнялась, создавались те или другие учреждения и должности, которые отделялись от дворца магната и придворных должностей, а в некоторых крупнейших латифундиях даже создавались учреждения и должности, аналогичные государственным. В XVII и XVIII вв. в Слуцком княжестве, Несвижской ординации, а также в центрах владений Сапег развивались учреждения, в значительной мере (если не всецело) заменяющие государственные органы местного управления. Причем магнатские учреждения на местах в силу внутриполитического положения в Речи Посполитой, которое отличалось упадком центральной власти и своеволием магнатов и шляхты, были более действенными, чем государственные. Средоточием магнатских учреждений по управлению городами и феодальными владениями были частновладельческие города.

В XVII в. сложились административные учреждения, которые просуществовали в основном до конца XVIII в. Во главе финансового управления стоял «подскарбий» княжества Слуцкого, назначавшийся из шляхты. Помощником подскарбия был «секретарь казны слуцкой». Для выполнения различных поручений в финансовом управлении была должность «пахолка скарбового» [78].

Хозяйственными делами Слуцкого княжества ведало несколько чиновников. Особое место в системе хозяйственно-финансового управления в княжестве занимали учреждения и чиновники по делам аренды различных доходов в казну князя. Еще в XVI в. владелец города сда-

---

[77] Volumina Legum, t. VIII, s. 573—574.
[78] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7404, л. 468; д. 7430, л. 6; оп. 4, д. 111, лл. 1, 26; д. 1607, л. 175; д. 5821, лл. 66, 67.

вал в аренду свои мытные (пошлинные) доходы [79]. Эта же практика продолжалась в XVII и в XVIII вв. Поэтому с целью регулирования аренды и контроля за полученными доходами в Слуцком княжестве в XVII в. было создано управление по делам мытной аренды во главе с писарем. Существовали отдельные управления и по другим видам аренды, например «лицентовая аренда» во главе с писарем. Во второй половине XVIII в. эти управления были объединены в одно, возглавлявшееся «писарем экономичным». Особый чиновник («писарь по натуральным доходам») ведал хранением запасов при княжеском замке, как продовольственных, так и других, которые шли на потребление князя, замковой администрации и слуг, а также гарнизона крепости. В конце XVII в. он назывался «хранителем амбаров слуцких», а в XVIII в.— «писарем провиантовым» или «писарем магазинным» [80].

В XVII и XVIII вв. в Слуцком княжестве существовала должность городничего, который заведовал всеми принадлежавшими князю зданиями, в том числе и замками, в Слуцке, Копыле и в других местах княжества [81]. В Давид-Городокском владении Радзивиллов эта должность впервые встречается в документе, относящемся к 1605 г. Здесь городничий назначался из мещан, в качестве смотрителя заведовал княжескими зданиями. За исполнение своей службы он освобождался от уплаты чинша и несения повинностей, а также получал денежную плату («юргельт») — в 1653 г., например, 100 коп грошей в год. В Мирском владении Радзивиллов в конце XVII в. эту должность занимал мещанин [82].

«Мостовничий» в XVII—XVIII вв. ведал всеми мостами и дорогами в Слуцке и на территории княжества, следил за их исправностью, отвечал за своевременную починку.

В замковой администрации было также конюшенное управление, хотя по функциям близкое к такому учреждению в дворцово-вотчинной системе управления, но в

---

[79] Минская старина, вып. IV, стр. 5.

[80] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7426, л. 20; д. 7431, л. 4; д. 10728, л. 15; оп. 4, д. 1607, л. 477.

[81] Там же, оп. 2, д. 7404, лл. 24, 468; оп. 4, д. 1599, л. 20; оп. 7, д. 962, л. 18.

[82] Там же, оп. 2, д. 1913, лл. 2, 14, 42 об.; д. 1915, лл. 2, 12, 37 об.; д. 4466, лл. 111, 159; д. 9367, лл. 53, 54.

XVII—XVIII вв. уже выделившееся в самостоятельное управление. Во главе его стояли старший и младший подконюшие. В XVII—XVIII вв. в Слуцком княжестве существовал институт ревизоров, число которых достигло в 30-е годы XVIII в. пяти. Ревизоры обладали довольно большими правами — производили ревизию деятельности княжеских чиновников на местах, занимались землемерными работами, составляли докладные записки владельцу города о состоянии дел в том или ином управлении. В первой половине XVII в. ревизоры могли на местах осуществлять «суд ревизорский» по хозяйственным и другим вопросам с последующим утверждением экономом князя [83].

В XVI в. слуцкий князь давал своим высшим чиновникам в качестве вознаграждения за службу участки земли в условное держание, а иногда дарил землю. В начале XVII в. высшие чиновники магната уже получали жалованье как деньгами («юргельт»), так и натурой. Но вознаграждение землей уже не практиковалось. Магнаты не хотели дальнейшего сокращения своих земельных владений. И в XVIII в. многие чиновники (особенно часто старосты и подстаросты в волостях) часть жалованья получали натурой («ординария») [84].

Вся судебная организация княжества была подчинена слуцкому князю. С середины XVI в. князь наделил судебной властью своего наместника, который «чинил суд» в княжеском замке [85]. С конца XVI в. этот суд носил название «замкового» [86]. В 20-е годы XVII в. сам староста (наместник) не всегда присутствовал на заседаниях замкового суда. Так, в августе 1622 г. он назначил вместо себя подстаросту Крыштофа Русецкого, причем в судебном решении было оговорено, что подстароста решает дело по поручению старосты. С 1638 г. суд состоял из назначавшихся магнатом подстаросты и писаря [87]. Такой

---

[83] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7397, лл. 88, 143; д. 7404, л. 24; д. 7431, л. 4; оп. 4, д. 1611, л. 9; д. 5821, л. 38; оп. 7, д. 699, лл. 259, 273; Минская старина, вып. IV, стр. 27.

[84] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7382, л. 6; д. 7394, лл. 7, 10, 11; д. 7396, лл. 564, 565; д. 7397, лл. 236—237.

[85] А. К. Снитко. Город и население. Архив Института истории АН БССР, оп. 2, д. 111, стр. 218.

[86] Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов, т. 1. СПб, 1897, стр. 102.

[87] АВАК, т. XVIII, стр. 259, 332.

состав замкового суда сохранился и во второй половине XVII и XVIII в.[88] «Подстароста судовый» и писарь назывались «судьями целого княжества Слуцкого». В 30-е годы XVIII в. подстароста стал именоваться «старостой судовым». Эта должность просуществовала до присоединения Белоруссии к России[89].

При замковом суде был палач («мистрж» — мастер заплечных дел, «кат»), приводивший в исполнение судебные приговоры и взимавший определенную плату с торговавших на рынке. По постановлению (от 9 февраля 1661 г.) с каждого дома ежегодно ему выплачивалось по 1 грошу. Он приводил приговор в исполнение: либо отрубал голову, либо сжигал жертву на костре, либо бил плетью (10—100—200 ударов). Он уже в случае особого приговора «изгонял навечно из города». За смертную казнь он получал 2,5 злотых, за пытку во время следствия — 1 злотый, за изгнание из города — ползлотого[90]. Кроме того, палач должен был убирать город и вывозить на свалку мусор, убивать бездомных псов на улицах раз в месяц. В 1656 г. было два палача, которым было вменено в обязанность вывозить за пределы города на свалку «псов... побитых, кости от скота и лошадей» и «город в чистоте содержать от падали...»[91] Таким образом, палачи использовались в городе и для соблюдения санитарного порядка.

Замковый суд по своей компетенции был равен государственным — гродскому и земскому судам, вместе взятым. Суд рассматривал гражданские и уголовные дела шляхты, местных земян, бояр, офицеров земянского полка («хоругви») Слуцкого княжества. В его ведении были также уголовные и важнейшие гражданские дела слуцких мещан, евреев и других подданных слуцкого князя[92].

---

[88] W. Syrokomla. Pan Stanisław Leszyński. «Athenaeum», t. II. Wilno, 1846, s. 136—137.

[89] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7404, л. 24; оп. 4, д. 1602, л. 10; оп. 7, д. 699, л. 7.

[90] Там же, оп. 4, д. 1607, л. 225; ф. 1825, оп. 1, д. 5, л. 12; AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Postanowienie Mistrzowi...

[91] Materjały historyczne. «Athenaeum», t. III. Wilno, 1850, s. 14.

[92] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 2, л. 106; д. 105, лл. 1—27; д. 1605, лл. 1—79; д. 1606, лл. 1—69; д. 1607, лл. 1—491; д. 1608, лл. 1—13; оп. 7, д. 699, лл. 1—609; ф. 737, оп. 1, д. 1, лл. 1—836; ф. 1739, оп. 1, д. 1, лл. 1—1325; ф. 1833, оп. 1, д. 1, лл. 1—891; д. 2, лл. 1—788.

В 1686 г. экономы радзивилловских владений приняли специальное постановление о разграничении деятельности разных судов на территории Слуцкого княжества. В этом постановлении определялась сфера деятельности замкового суда, рассматривавшего в основном дела земян (местной шляхты). В постановлении конкретизировались случаи рассмотрения дел горожан замковым судом: «Городские же дела будут принадлежать тому же ураду Слуцкому, относительно всяких криминальных дел, драк (кроме тех драк, которые бы проходили во время торгов, ибо они относятся к сессии или к войту), долговых записей, контрактов, из торговли проистекающих. Те же долги, которые записаны на домах или городских пляцах, не к ураду относятся, а к городской сессии, что не только относится к мещанам, но и к евреям» [93].

Замковый суд регистрировал также крупные торговые сделки, утверждал продажу домов и земельных участков в городе и княжестве, в нотариальном порядке регистрировал завещания, денежные документы, акты на право владения земельной собственностью [94].

Шляхтичи, земяне, татары, бояре, мещане и евреи могли подавать апелляцию на решения замкового суда генеральному эконому Слуцкого княжества и князю. Практически в конце XVII — первой половине XVIII в., когда владельцы города стали приезжать в Слуцк реже, апелляция подавалась эконому. Замковый суд судил на основании Литовского статута и имел право наказывать виновных не только штрафами и тюремным заключением, но и приговаривать к смертной казни [95].

По уставу Слуцка, принятому в 1662 г. Богуславом Радзивиллом, замковый суд при рассмотрении дел мещан руководствовался Литовским статутом, кроме дел о наследовании. Последние подлежали судебному разбирательству «на основании Магдебургского и Хелминского права» [96]. Владелец города утверждал смертные пригово-

---

[93] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Postanowienie o porządkach niektorych około Jurysdicty y sądow Xtwa Słuckiego...

[94] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1605, л. 4; оп. 7, д. 699, лл. 3, 14, 39, 118; ф. 737, оп. 1, д. 1, л. 470.

[95] W. Syrokomla. Pan Stanisław Leszyński. «Athenaeum», t. II. Wilno, 1846, s. 114—115; Минская старина, вып. IV, стр. 67, 91.

[96] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Ustaw dla miasta Słucka...

ры. В его отсутствие этим правом пользовался наместник или эконом [97].

Устав 1662 г. точно определил, сколько стоила запись о начале судебного процесса, запись в книгу замкового суда, выписка из этой книги, апелляция, декрет суда с принятой апелляцией, выписка декрета с печатью, вызов в суд. «Чтобы не загружать суды», запрещалось принимать к апелляции дела, в которых речь шла о сумме менее 20 злотых: они должны были решаться судом первой инстанции [98]. До 40-х годов XVII в. делопроизводство в замковом суде велось в основном на белорусском языке, а позднее и на польском. Впрочем, и во второй половине XVII в. записи изредка велись и на белорусском языке [99].

В Слуцке существовал и «суд экономичный» (судили либо оба эконома, либо один из них). Это была высшая инстанция, где решались наиболее важные дела и куда поступали апелляции на решения замкового суда. Иногда экономичный суд рассматривал дело в присутствии замкового [100]. В постановлении о судах Слуцкого княжества (1686 г.) о компетенции экономичного суда говорилось: «Экономической коллегии, как викариату князей их милости, должно принадлежать главенство над слугами и подданными, а также руководство всеми судами, а особенно апелляция от всех подданных во всех делах, которые могут подлежать аппеляции, кроме гарнизонных дел, которые по своим законам и привилегиям должны рассматриваться судом военного губернатора..., а те аппелляции каждую четверть года должны рассматриваться на суде, то есть в первый день января, апреля, июля, октября... Обычную апелляцию на решения суда экономичного разрешается подавать княгине ее милости по главнейшим делам и тем, в которых речь идет не менее чем о тысяче

---

[97] W. Syrokomla. Pan Stanisław Leszyński. «Athenaeum», t. II. Wilno, 1846, s. 124; E. Tyszkiewicz. Birże. St.-Petersburg, 1869, s. 41.

[98] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Ustaw dla miasta Slucka...

[99] АВАК, т. XVIII, стр. 251—252, 255, 257, 258—262, 265—271, 287—289, 332—334, 343—344, 345—346, 380—381, 385—386, 423—424, 443—444, 490—493, 500, 504—505, 507—508, 516; Минская старина, вып. IV (Тройчанский архив). Минск, 1913, стр. 16, 23; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1607, л. 16; оп. 7, д. 699, лл. 501, 510, 547, 557, 600, 606; ф. 1833, оп. 1, д. 2, л. 203.

[100] Минская старина, вып. IV, стр. 67, 91; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 699, лл. 166, 344.

злотых...»[101] Этот суд, следовательно, был судом третьей инстанци для мещан (после магистратского и замкового).

В городе с середины XVII в. был также суд военного губернатора Слуцкого княжества (он назывался также «губерной»), в компетенцию которого входил разбор различных дел, имеющих отношение к офицерам и солдатам слуцкого гарнизона (в том числе и выбранцам — военнослужилым людям, жившим в шести деревнях около Слуцка), а также членам их семей. В некоторых случаях при рассмотрении смешанных дел жителей города и лиц, подсудных гарнизонному суду, собирался соединенный суд замка и военного губернатора [102].

Однако в определенных случаях сфера деятельности суда военного губернатора распространялась и на горожан. Это было отражено в постановлении о судах 1686 г. Суд военного губернатора рассматривал дела ремесленников и других мещан, юрисдичан, евреев, которые привлекались к службе по обороне города во время военных действий, а также во время обязательных сборов (пописов) горожан.

Земяне подлежали военному суду только во время службы или сборов («попис»). Военный суд состоял из губернатора крепости (или коменданта) и офицеров, руководствовался особыми «артикулами и обычаями войсковыми». В XVIII в. военный суд (иначе назывался «кригсрехт») действовал на основании «войсковых артикулов», изданных в 1747 г. князем Иеронимом Флорианом Радзивиллом. В XVIII в. при увеличении состава гарнизона военный губернатор (или комендант крепости) из-за занятости другими делами не всегда мог лично вести следствие и разбирательство. Поэтому военный суд («кригсрехт») часто заседал в составе одних только офицеров, без коменданта крепости. Он состоял из председателя, аудитора (исполнявшего функции прокурора) и асессоров. Комендант крепости назначал членов суда по каждому делу [103].

В городе также был духовный суд слуцкого православного капитула, собиравшийся раз в неделю. Здесь рассматривались дела православных священников, жало-

---

101 AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Postanowienie o porządkach niektorych około Jurysdicty y sądow Xtwa Słuckiego...
102 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1607, лл. 249, 411—412, 476—477.
103 AGAD, AR, dział VII, nr 260, 278; dział XXIII, teka 133, Postanowienie o porządkach niektorych około Jurysdicty y sądow...

бы на лиц духовного звания, вопросы семейного права мещан и других жителей православного вероисповедания, а также дела по защите прав духовенства перед администрацией. Решения духовного суда слуцкого капитула утверждались архимандритом слуцкого Троицкого монастыря (главой православного духовенства в Слуцком княжестве) [104].

Судебные учреждения, подчиненные магнатам, были и в других городах, центрах крупных феодальных вотчин. Сохранившиеся документы ординатских судов в Несвиже, Клецке, Давид-Городке дают возможность воссоздать общую картину деятельности этих судов [105]. Членов «гродского ординатского суда» (подстаросту, судью и писаря) избирала ординатская шляхта, а утверждал магнат. Ординатский суд собирался каждые два месяца на сессии (две недели в Несвиже, третью — в Мире). Судебные сессии происходили в разных ординациях в разное время для удобства тяжущихся сторон. Обычны были судебные решения о штрафах и наказаниях розгами. Документы ординатских судов напоминают сцены из комедии В. Дунина-Марцинкевича «Пинская шляхта». Ординатские суды рассматривали не только дела шляхты, но и гражданские и уголовные дела горожан.

В Несвижской и других радзивилловских ординациях, кроме замковых («ординатских») судов, была учреждена еще одна судебная инстанция — апелляционный суд, в XVIII в. в его состав входили президент, вице-президент, 4 депутата, 2 вице-регента, 2 писаря, 2 инстигатора, 2 «возных» и 2 «патрона», или адвоката. Эти лица, так же как и члены ординатских судов, избирались на ординатских съездах шляхтой, а затем утверждались магнатом. Апелляционные суды считались равными государственным.

В отличие от мещан других частновладельческих городов несвижские мещане добились в августе 1654 г. права подавать апелляцию на решения магистратского в апелляционный суд, причем в таких случаях разбор дела про-

---

104 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1607, л. 72; Минская старина, вып. IV, стр. 42—43, 78—80, 86, 157—158, 166.

105 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3835, лл. 189—189 об.; оп. 3, д. 2574, л. 231; д. 2577, лл. 2—272; оп. 4, д. 97, лл. 1—114; д. 100, л. 10; д. 1340, лл. 1—38; д. 1344, л. 1; AGAD, AR, dział XV, teka 6, Process Szachny...; teka 7, Wypis z Xiąg...

водился в этой инстанции на основе магдебургского права, а не статута Великого княжества Литовского. Для удобства мещан, как было сказано в привилее, заседания апелляционного суда проходили только в Несвиже в княжеском замке[106]. Таким образом, мещане Несвижа получили важную для частновладельческого города привилегию, несколько сходную с привилегией ординатской шляхты. Это право делало их менее уязвимыми при злоупотреблениях княжеских наместников, что, кстати, отмечалось в привилее. Однако на практике несвижские мещане не обходили замковый суд. И в дальнейшем первая апелляция шла в этот суд[107]. Как замковый суд, так и апелляционный были органами господствующего класса феодального общества, состояли из представителей класса феодалов и решали дела в своих классовых интересах.

Таким образом, в отличие от Слуцкого княжества, где суды назначались магнатом, ординатский суд в Несвиже по структуре был ближе к государственным судам Речи Посполитой, члены которых избирались шляхтой. В ординатском суде кандидаты, избранные шляхтой, утверждались магнатом, что лишний раз подчеркивает ленную зависимость мелких феодалов от магната. Кстати, в Слуцке выборный шляхетский суд появился лишь в 1792 г. после образования Случорецкого повета — земянский суд из 10 человек, а также избранные шляхтой 32 пограничных судьи[108]. Но это были уже государственные учреждения.

В Несвиже также были и другие административно-хозяйственные учреждения магната, с помощью которых он управлял своими огромными латифундиями в Белоруссии и Литве — главная касса, строительное управление, должность смотрителя зданий, княжеский архив и т. д.[109]

В Давид-Городокском владении (княжестве) Радзивиллов, которое входило до 1875 г. в состав клецкой ординации, уже в XVII в. был отдельный от клецкого, свой замковый суд[110].

---

106 AGAD, AR, dział XV, teka 5, nr 15; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1361, лл. 21—23.

107 AGAD, AR, dział XV, teka 6, Process Szachny Wojta Nieświeżskiego...

108 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 619, л. 1; ф. 1786, оп. 1, д. 4, лл. 1—3; д. 13, л. 7.

109 Там же, ф. 694, оп. 2, д. 5014, л. 1.

110 Там же, оп. 4, д. 83, лл. 12—13.

Второй инстанцией для шляхты и горожан Давид-Городокского владения в XVII—XVIII вв. был суд асессоров (или комиссарский суд), состоявший из двух-трех судей, назначавшихся князем [111]. Для мещан этот суд был обычно последней инстанцией. Асессорский суд был и в Ружанском владении Сапег [112]. Однако здесь в отличие от радзивилловских владений такой суд для мещан был не третьей, а второй после городского инстанцией.

Администрация и учреждения магнатов в частновладельческих городах, центрах крупных феодальных вотчин Белоруссии и Литвы, базировались на феодально-крепостнической основе. Весь феодальный и административный аппарат магнатов в их владениях был направлен на укрепление власти магнатов над подвластным населением, крепостным крестьянством и горожанами, на подавление сопротивления эксплуатируемого большинства, подчинение власти феодалов, получение постоянных и больших доходов магнатами и другими феодалами. В своей внутренней политике магнаты опирались на свой управленческий аппарат, состоявший в основном из средних и мелких феодалов и защищавший интересы магнатов, интересы своего класса.

3. Введение магдебургского права в частновладельческих городах

Городской строй Великого княжества Литовского, а затем белорусских и литовских земель Речи Посполитой в XVI—XVIII вв. базировался на правовых основах, свойственных феодальному обществу, в котором все социальные категории были и правовыми, а сословные признаки определяли общественное положение людей. Социальный строй Белоруссии не отличался от строя соседних с нею стран. Господствующим классом и сословием были феодалы.

В. И. Ленин отмечал: «Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каж-

[111] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 82, л. 52; д. 83, л. 12; д. 906, лл. 50—51.

[112] Там же, д. 83, лл. 102—104; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1373, оп. 1, д. 1, л. 77.

дого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями... Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные»[113].

Средневековое общество (в том числе и белорусское феодальное общество) было не только иерархично, но и корпоративно. Основная масса горожан Белоруссии выделилась в особую сословную группу мещан с присущими феодальному обществу сословной обособленностью, юридической ограниченностью, с особыми сословными правами и привилегиями, в том числе и с правом самоуправления. Весь этот процесс проходил в борьбе горожан за расширение и укрепление своих прав. В частновладельческих городах эта борьба была направлена на ограничение в той или иной мере власти магната и его наместников и закрепление результатов борьбы в различных законодательных актах, в частности в привилеях на самоуправление по магдебургскому городскому праву.

Магдебургское право было феодальным городским правом, которое возникло в XIII в. в Магдебурге и действовало в средневековых городах Восточной Германии. Сформировалось оно на основе господствовавших в Западной Европе правовых норм системы романо-германского права. Германскому городскому праву предшествовали статуты приморских итальянских городов. В магдебургском праве были использованы некоторые положения «Саксонского зерцала», но в отличие от последнего магдебургские законы более детально определяли нормы, связанные с регулированием товарно-денежных отношений.

Магдебургское право предоставляло городам самоуправление, судебный иммунитет, налоговые льготы, право собственности на землю, льготы в ремесленной и торговой деятельности населения, освобождение от воинской повинности (за исключением обозной). В городах с магдебургским правом создавались выборные органы самоуправления и суда, устанавливался порядок выбора властей и их функции, основные нормы гражданского и уголовного права, правила судопроизводства и налогообложения,

---

[113] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311.

порядок торговли, деятельность ремесленных цехов и купеческих объединений [114].

Магдебургское городское право переносилось на Восточную Пруссию (вариант его — хелминское право), Силезию, Чехию, Венгрию, Польшу, Белоруссию, Литву, Украину. По мере распространения в разных странах оно подвергалось более или менее существенным изменениям в зависимости от местных условий. В странах Восточной Европы более систематизированные и более всеобъемлющие, чем на Западе, обычаи были достаточно сильны, чтобы сопротивляться наступлению римского права, которое здесь не было воспринято, хотя его влияние и было значительным при восполнении пробелов обычного права [115]. Магдебургское городское право, распространявшееся на территории Польши, не было точной копией западноевропейского городского права, а представляло собой трансплантацию этого права на новую почву и создание новых организационных форм по подобию магдебургского самоуправления в правовой и хозяйственной жизни местного населения [116].

В Белоруссии и Литве, по мнению польского историка В. А. Мацеёвского, до введения магдебургского права существовало свое городское право, значительно отличавшееся от магдебургского. Города Великого княжества Литовского, получившие самоуправление по магдебургскому праву, не сразу имели все те привилегии и льготы, которые это право давало [117]. Ю. Ярошевич подчеркивал, что в Литве и Белоруссии начали пользоваться всеми муниципальными свободами не сразу [118].

Получение магдебургского права городами Белоруссии и Литвы означало, что они достигли достаточно высокого экономического и социального уровня развития и сравня-

---

[114] Юридический словарь, т. I. М., 1956, стр. 173—174, 550.

[115] Р. Давид. Основные правовые системы современности. (Сравнительное право). М., 1967, стр. 78.

[116] S. Pazyra. Geneza i rozwój miast mazowieckich. Warszawa, 1959, s. 172—174.

[117] W. A. Maciejowski. Historya miast i mieszczan w krajach dawnego państwa polskiego od czasów najdawniejszych aż do połowy XIX wieku. «Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk Poznańskiego», t. XVII, zeszyt 2. Poznań, 1890, s. 257—258.

[118] J. Jaroszewicz. Obraz, Litwy pod względem jei cywilizacii od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Część II. Wilno, 1844, s. 86.

лись в этом отношении со многими польскими и немецкими городами.

Характерным признаком городского строя Речи Посполитой было изменение норм права (и не только в деталях), прав и функций органов самоуправления, их структуры — в зависимости от местных традиций и условий. Уже в XIV—XV вв. в Польше, несмотря на общие принципы права, появились различия в правах и устройстве городов. Особенно различались права крупных центров. Они все дальше отходили от магдебургского образца [119]. Такой же процесс происходил и в Белоруссии. И здесь нормы магдебургского права, устройство органов самоуправления и их структура отличались от первоначального образца и установившихся в Германии норм [120].

Нормы магдебургского права в Великом княжестве Литовском, в том числе и в белорусских городах, подвергались изменениям по разным причинам — в связи с различной степенью развития социально-экономических отношений, с общей политической обстановкой в Белоруссии и в Великом княжестве Литовском, а затем в Речи Посполитой в целом, с введением этого права в разные периоды, с местными условиями, наконец, в связи с определенной политикой центральной власти или владельца города как в государстве, так и по отношению к мещанам в частности. Отсюда и разная степень самоуправления, различия в судебном иммунитете, налоговом обложении, повинностях горожан, привилегиях, льготах, земельном обеспечении и т. д.

В частновладельческих городах эти вариации в применении магдебургского права зависели от тех изменений, которые давались королевской властью или магнатом в первоначальном документе на самоуправление и в последующих грамотах тому или иному городу.

При введении самоуправления магнат и горожане стремились взять за образец крупный город Великого княжества Литовского и добиться у центральной власти

---

[119] J. Bardach. Historia państwa i prawa Polski, t. I. Wyd. 4. Warszawa, 1973, s. 407—408.

[120] Советская историческая энциклопедия, т. 8, М., 1965, стлб. 883; Беларуская Савецкая энцыклапедыя, т. 3. Мінск, 1971, стар. 352; Гісторыя Беларускай ССР. т. 1. Мінск, 1972, стар. 159, 215; З. Ю. Копысский. Магдебургское право в городах Белоруссии (конец XV — первая половина XVII в.). «Советское славяноведение», 1972, № 5, стр. 36—40.

через посредство магнатов включения соответствующей формулы в текст привилея. В привилее короля Стефана Батория Несвижу (23 апреля 1586 г.) говорилось, что городу дается «право Тевтонское или Магдебургское, то самое, которое граждане Виленские, Трокские, Гродненские... и иные города как в Королевстве, так и в Великом княжестве Литовском употреблять привыкли... Граждане несвижские ни по какому другому праву никем не должны привлекаться, и ни в какой иной суд, кроме Магистрата Несвижского, не должны быть вызываемы...» Магистратский суд рассматривал дела «по обычаю города Вильно и согласно требованиям права Магдебургского...»[121] В привилее от 24 июня 1586 г. уже говорилось о магдебургском праве Несвижу по образцу Вильно.

В привилее Любче на магдебургское право (15 апреля 1590 г.) отмечалось, что этот город получил «право магдеборское» по образцу Вильно[122]. В привилеях Себежу и Невелю (март 1623 г.) магдебургское право вводилось «по образцу других городов наших привилегированных». Принцип формирования городского магистрата в этих городах из одних только католиков и униатов был заимствован из привилея на магдебургское право Смоленску[123]. Смоленск получил это право 4 октября 1611 г.[124] Характерно, что в документе о введении магдебургского права Себежу и Невелю отмечалось наличие образца в другом городе, откуда были заимствованы нормы права на самоуправление.

Магдебургское право Слуцку (1652 г.) также предоставлялось «по образцу других городов», по которому «другие города и местечки судятся...»[125] По уставу 1662 г. в Слуцке действовали нормы магдебургского и хелминского права[126]. Городу Ушачи в 1758 г. предоставлялось магдебургское право «и все прерогативы и вольности, которыми города коронные и Великого княжества Литовского пользуются... по образцу других городов... и в

---

121 AGAD, AR, dział XV, teka 5, nr 5.

122 Ibidem, dział XXIII, teka 84, Akta miejskie miasta Lubcza, s. 5.

123 Ibidem, teka 24, Akta Miejskie, Siebież, nr 2; Newel, nr 2.

124 П. Никитин. История города Смоленска. М., 1848, приложения, стр. LX—LXV.

125 AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, Priwilegia i Listy..., k. 30; teka 154 Księstwo Słuckie, Miasto Słuck, s. 1.

126 Ibidem, teka 154, Ustaw dla miasta Słucka od Xcia Bogusława.

первую очередь *ближайших к себе»* (курсив наш.— *А. Г.*)[127].

При введении магдебургского права в Биржах (1589 г.) за образец было взято Вильно, а в аналогичном привилее Кейданам (1590 г.) — Вильно и Ковно[128].

Кроме магдебургского права, в городских судах частновладельческих городов применялись также саксонское право («Саксонское зерцало»), которое служило одним из правовых источников для магдебургского (наряду с магдебургским городским правом шеффенов и обычным правом), имперский свод законов (Каролина) со статьями уголовного права и уголовного процесса и Литовский статут. Так, например, городской суд в Несвиже в январе 1729 г. при вынесении приговора за детоубийство ссылался на саксонское право, имперские законы и магдебургское право[129]. В 1755 г. князь Михаил Казимир Радзивилл отменил декрет магистратского суда Несвижа за слишком суровую меру наказания — изгнание из города зимой женщины с детьми, обвиненной в рождении внебрачного ребенка. Князь посчитал, что ее надо было судить по саксонскому праву и Литовскому статуту и снял с должности членов магистрата[130]. Этот акт магната стал процендентом.

В Кейданах, по привилею Януша Радзивилла 1647 г., при рассмотрении дел в городском суде применялось магдебургское право, но магистрат обязан был обращаться и к имперскому праву[131].

Магнат по своему усмотрению вводил магдебургское право в городе или видоизменял его. Введение магдебургского права магнат мог растянуть на десятилетия. Слуцку оно было дано вторично (после того, как владельцы города фактически его отменили в начале XVI в.) королевским привилеем (по ходатайству магната) 27 августа 1652 г.[132] и утверждено сеймом 24 марта

---

[127] Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, nr 5981, s. 260.
[128] M. Baliński. Starożytna Polska..., t III. Warszawa, 1846, s. 564; E. Tyszkiewicz. Birże. Rzut oka na przeszłość miasta, zamku i ordynacyi. St.-Petersburg, 1869, s. 122.
[129] AGAD, AR, dział XV, teka 6, Processa w rozmaitych sprawach...
[130] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 84, лл. 24—25.
[131] Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, nr 6322, k. 194.
[132] AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, Copia Prawa..., k. 30; teka 154, Miasto Słuck, przywilej..., s. 2—3.

1653 г.[133] Богуслав Радзивилл интерпретировал текст привилея 1652 г. об органе городского самоуправления. Вместо двухстепенных выборов магистрата с последующим назначением владельцем города из выбранных лиц бурмистров, советников и лавников Радзивилл в ноябре 1654 г. назначил пожизненно 12 членов городской «сессии» с ограниченными функциями, поставив над ними «директора» — военного коменданта города с обширными полномочиями (он мог издавать распоряжения помимо «сессии»). В 60-е годы XVII в. «сессия» (магистрат), увеличенная вдвое (ежегодно заседала половина состава), получила большие права по управлению городом. По распоряжению магната в замковом суде для мещан применялось как магдебургское, так и хелминское право. Однако магдебургское право в Слуцке введено все еще не было. Об этом прямо говорится в петиции магистрата князю (октябрь 1664 г.) и ответе Б. Радзивилла[134]. Оно было введено через полстолетие после издания королевского привилея. 9 сентября 1700 г. эконом Слуцкого княжества С. Незабитовский, наконец, передал городу разрешение рейнского пфальцграфа, отца малолетней владелицы Слуцка, пользоваться магдебурским правом[135]. Но в системе городского управления оставались и прежние нормы.

Характерно, что магнат и центральная власть Речи Посполитой сделали уступку горожанам Слуцка в период обострения социальной и политической обстановки в Белоруссии. Но воспользовавшись военными действиями в годы войны (1654—1667 гг.) и усилением гарнизона города, магнат так и не дал горожанам полного самоуправления, отделываясь лишь неопределенными обещаниями. В последней трети XVII в., когда обстановка в стране стабилизировалась, магнат и не собирался выполнять обещанное, подтвердив лишь суррогат магдебургского права. Введение самоуправления по магдебургскому праву в 1700 г. было вынужденной уступкой мещанам, чтобы заручиться их поддержкой в условиях

---

133 Volumina Legum, t. IV. Petersburg, 1859, s. 194.

134 AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, Copie przywileiow y Listow..., kk. 2—3, 13; teka 134, Sprawy Sessyonalistów...; teka 154, Ustaw dla Miasta...

135 Biblioteka Narodowa w Warszawie, Zbiory specjalne, B.O.Z., nr 911, k. 461.

притязаний на город магнатских семей Сапег и несвижских Радзивиллов.

В течение длительного периода, когда в Слуцке не было введено магдебургское право, самоуправление осуществлялось на основе особого для этого города права с действовавшими здесь нормами местного обычного права, включая и вечевые традиции: некоторые вопросы внутригородской жизни решались собраниями горожан в целом по городу, в его частях, по сотням и десяткам (на последних во главе с сотниками и десятниками) [136]. В Мире в 1579 г. Миколай Крыштоф Радзивилл (Сиротка) утвердил некоторые права городского самоуправления; здесь войт избирался мещанами, из своей среды [137]. В Мире была ратуша, но немецкого городского права мещане не имели [138]. Есть сведения, что в 1619 г. Сапега, владелец Гор Великих и Горок Малых, ввел в этих городах право самоуправления наподобие магдебургского [139]. В принадлежавших Ходкевичу Шкудах в 1572 г. были введены нормы хелминского и магдебургского права, а в 1645 г. утверждено магдебургское право [140]. Нет сведений о магдебургском праве в Койданове, Кореличах, Лахве, Романове, Смолянах, но в документах XVIII в. здесь упоминаются ратуши и, кроме того, в Койданове — войт и лентвойт, в Лахве — войт, бурмистры, лавники и писарь, а в Романове — городской суд [141]. Можно считать, что в этих городских поселениях, принадлежавших разным владельцам, было особое в каждом право на городское самоуправление. Но в качестве образца брались определенные магнатами нормы магдебургского права. К этому добавлялись нормы местного обычного права и положения, вводимые самими магнатами, которые корректировали нормы самоуправления.

---

136 AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów...
137 AGAD, AR, dział XXIII, teka 150, Przywileje i Ustawy...
138 M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 651; W. Rewieńska. Miasta i miasteczka magdeburskie w województwach wileńskim i nowogródzkim. «Ziemia Lidzka». Rok III. Nr 1. Lida, 1938, s. 3.
139 M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 719.
140 Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, nr 6321, kk. 309—312.
141 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3374, лл. 22 об., 23, 74; д. 3606, лл. 6—6 об.; оп. 4, д. 1590, л. 1; AGAD, AR, dział XXIII, teka 87, Akta Miejskie.

Некоторые нормы магдебургского права в разной степени магнаты Белоруссии ввели и в принадлежавших им городах, не имевших самоуправления: главным образом это выражалось в структуре местной власти (должности), иногда в раскладке повинностей [142].

Признаком городского строя Речи Посполитой, в том числе и частновладельческих городов Белоруссии и Литвы, было то, что права и функции органов самоуправления, применение норм городского права имели почти для каждого города свои особенности. Именно об этом писал Ф. Энгельс: «Почти у каждого города было свое особое право...» [143]

Основным принципом самоуправления по магдебургскому или другому городскому праву в частновладельческих городах Великого княжества Литовского было окончательное выделение мещан как сословия из окружавшего город подвластного магнату бесправного крепостного населения и придание этому сословию особых преимуществ и льгот, закрепленных затем феодальным правом. Мещане были изъяты из-под непосредственной власти и суда наместников магната, были созданы городские учреждения, осуществлявшие право самоуправления (выборы городских властей, определение правил избрания, судопроизводства), порядок налогообложения, определение основ деятельности ремесленных цехов и торговых корпораций, порядок торговли и т. д. Магдебургское право было для мещан магнатских городов основной сословной привилегией, во многом ставившей их наравне с мещанами королевских городов Белоруссии и Литвы.

Процесс получения права на городское самоуправление затянулся (см. табл. 11), причем не всегда получение этого права означало, что с этого момента город играл важную экономическую или оборонную роль. Иной раз и небольшие города получали право с «локационной» целью, а сравнительно большие города долго (или совсем) не получали магдебургского права (как, например, Быхов).

---

142 А. П. Грыцкевіч. Кіраванне прыватнаўладальніцкіх гарадоў Беларусі без магдэбургскага права (XVI—XVIII стст.). «Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук», № 4, 1974, стар. 49—58.

143 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 338.

Таблица 11

Введение права на городское самоуправление в частновладельческих городах и местечках Великого княжества Литовского

Дата привилея	Город	Вид права	Владелец города	Кто издавал привилей
1441	Слуцк	магдебургское	Олелько	великий князь
1503		городские права	Олелькович	князь
27.VIII.1652		магдебургское	Радзивилл	король
Между 1507 и 1534	Влодава	магдебургское	Сангушко	магнат
11.V.1572	Шкуды (Иогансберг)	хелминское и магдебургское	Ходкевич	магнат
27.XII.1579	Мир	некоторые права городского самоуправления	Радзивилл	магнат
23.IV.1586	Несвиж	магдебургское	Радзивилл	король
9.III.1589	Биржи	магдебургское	Радзивилл	король
15.IV.1590	Кейданы	магдебургское	Кишка	король
16.IV.1590	Любча	магдебургское	Кишка	король
1607	Кретинга (Карольштадт)	магдебургское	Ходкевич	магнат
8.VIII.1618	Друя	магдебургское	Сапега	магнат
1619	Горы Великие	право самоуправления наподобие магдебургского	Сапега	магнат
1619	Горки Малые	право самоуправления наподобие магдебургского	Сапега	магнат
23.III.1623	Себеж	магдебургское	с 1634 по 1654 и с 1678 г. Радзивилл	король

24.III.1623	Невель	магдебургское	с 1634 по 1654 и с 1678 г. Радзивилл	король
4.X.1634	Бешенковичи	магдебургское	Сапега	король
1637	Ружаны	магдебургское	Сапега	король
1648		упоминаются ратуша, магистрат и магистратский суд		
1728		упоминается магдебургское право		
1644	Шклов	упоминается ратуша	Сенявский	
10.IV.1762		магдебургское	Чарторыский	король
1652	Жировицы	магдебургское	Жировицкий униатский монастырь	король
27.VIII.1652	Копыль	магдебургское	Радзивилл	король
1726	Лахва	упоминаются войт, бурмистры, лавники, писарь	Радзивилл	—
1729	Столбцы	магдебургское	Чарторыский	—
1742	Романов	упоминается городской суд	Нейбургские	—
24.IV.1757	Кореличи	в инвентаре упоминается ратуша	Радзивилл	—
23.VI.1758	Ушачи	магдебургское	Жаба	король
1760	Смоляны	упоминается ратуша	Сангушко	—
6.X.1762	Старый Мядель	магдебургское	Кощиц	король
1.XII.1762	Бобр	магдебургское	Огиньский	король
1776	Койданов	упоминается ратуша	Радзивилл	—

Как правило, получение самоуправления было результатом борьбы против феодального гнета, выражало стремление горожан еще более выделиться из окружающего феодально зависимого населения. В получении частновладельческими городами самоуправления были заинтересованы и магнаты, которые стремились создать для себя экономическую опору. Центральная власть Речи Посполитой, отражая интересы феодалов, не чинила препятствий магнатским городам в получении самоуправления. Иногда она использовала это право исходя из политических соображений. Так, в середине XVII в. в период освободительной борьбы украинского и белорусского народов правительство Речи Посполитой проводило политику маневрирования, идя на соглашение с купечеством и богатыми мещанами белорусских городов. Предоставление в 1652 г. магдебурского права Копылю и утверждение его Слуцку можно объяснить не только желанием Богуслава Радзивилла укрепить опорные военные пункты в своих владениях, но и стремлением правительства Речи Посполитой привлечь на свою сторону мещан этих белорусских городов, сделав некоторые уступки. Это и подчеркивалось в решении сейма в марте 1653 г.[144]

Как видно из табл. 11, не всегда имеющиеся в нашем распоряжении данные дают возможность точно указать, каким видом городского права пользовались горожане Белоруссии и Литвы и точную дату привилея на городское самоуправление. Однако можно с уверенностью утверждать, что в отличие от польских городов повсеместно в частновладельческих городах Великого княжества Литовского применялось магдебургское право в различных его модификациях, а не хелминское или сьродское (от города Сьрода, илиНоймарк, в Силезии, также производное от магдебургского права). Лишь в принадлежавших Ходкевичам (а затем Сапегам) Шкудах было введено хелминское право (видимо, по примеру городов Восточной Пруссии), но и здесь наряду с ним применялось вначале в некоторых случаях и магдебургское[145]. Нормы хелминского права не удержались даже в этом пограничном литовском городе и были заменены

---

[144] Volumina Legum, t. IV, s. 194.
[145] Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, nr 6321, k. 310.

нормами близкого ему магдебургского, распространившегося в городах Великого княжества Литовского.

Не все источники дошли до нашего времени, поэтому в ряде случаев приходится прибегать к помощи косвенных данных о существовании самоуправления в городах (упоминания о ратуше, бурмистрах и радцах в инвентарях или других документах, упоминания о городском суде и т. д.).

В некоторых случаях нельзя с достаточной уверенностью назвать дату грамоты на городское самоуправление. Это опять-таки связано с тем, что до нашего временеми не дошли соответствующие документы. Особенно это относится к XVI и тем более к XV в.

Так, неизвестна точная дата получения магдебургского права мещанами города Влодавы в Брестском повете. Однако в тексте привилея 1540 г. указано, что такое право мещане имели раньше[146]. Первый привилей на магдебургское право Влодаве был дан Андреем Сангушко между 1507 и 1534 гг.

В общей сложности в XVI — первой половине XVII в. из 17 белорусских частновладельческих городов 9 имели самоуправление, а в последующем периоде — 12 из 25. В основе городского самоуправления, как уже отмечалось, лежало выделение мещан из общей массы феодально зависимого населения магнатской вотчины и организация сословной замкнутой корпорации с определенными привилегиями, в том числе с правом создания городских властей, наделенных административными и судебными функциями.

Введение самоуправления по магдебургскому праву в частновладельческих городах Великого княжества Литовского нельзя рассматривать только как законодательные акты короля и магнатов, даруемые в знак их милости. Самоуправление горожан прежде всего связано с их выделением в особое сословие, с теми процессами в экономической и общественно-политической жизни феодального города, которые характеризовались дальнейшим отделением города от деревни, борьбой горожан против феодального гнета, а также борьбой низов против патрициата. Самоуправление по магдебургскому праву в частновладельческих городах Белоруссии и Литвы сви-

---

[146] M. Baliński. Starożytna Polska pod względem historycznym..., t. III, s. 750, 751.

детельствовало также о заинтересованности магнатов в создании и поддержании постоянного экономического фактора — магнатских городов, опираясь на которые магнаты проводили свою политику как внутри государства, так и вне его.

Применение норм магдебургского права в белорусских и литовских частновладельческих городах происходило с известными вариациями.

4. Система городского самоуправления

Самоуправление в белорусских и литовских частновладельческих городах складывалось в течение длительного времени. Менялись функции отдельных компонентов самоуправления, возникали новые органы с новыми функциями. В основу структуры органов городского самоуправления были взяты институты немецкого (магдебургского) права.

Наиболее ранней фигурой в системе самоуправления был войт (от немецкого «фогт» — наместник). Должность войта существовала во всех частновладельческих городах, как имевших право самоуправления, так и не имевших.

Войт осуществлял главную распорядительную власть в городской общине, возглавляя городской «урад» (раду, магистрат). Одной из основных функций войта была судебная. Он осуществлял войтовский суд в городе. Так, в привилее 1590 г. Кейданам говорится о войтовском суде, на решения которого мещане могли апеллировать владельцу города [147]. В привилее 1647 г., данном этому городу Янушем Радзивиллом, говорилось, что войт «криминальные и кровавые дела судить должен, чтобы решить дело в кратчайший срок» [148]. Остальные дела решал он совместно с членами магистрата. Войт председательствовал в городском суде, состоявшем из радцев (советников) и лавников.

Власть войта в частновладельческих городах в течение XVI — XVIII вв. претерпела изменения, связанные с введением магдебургского права и расширением компетенции органа городского самоуправления, однако и до конца рассматриваемого периода власть его оставалась

---

[147] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 564.
[148] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1195, л. 14.

большой. Назначение войта в частновладельческих городах с магдебургским правом осуществлял магнат, хотя в ряде случаев владелец уступал это право магистрату или собранию горожан с последующим утверждением. Назначение войта магнатом или выборы его находились в прямой зависимости от степени городского самоуправления, которой пользовались мещане того или иного города.

При введении, например, магдебургского права в Несвиже 18 июня 1586 г. владелец города назначил войта пожизненно. В своем привилее магнат определял порядок его избрания в будущем [149]. Войтами здесь назначались из двух кандидатов, избираемых мещанами, как шляхтичи, так и мещане. Документ о выборах 1712 г. убеждает, что войтом избирался ставленник магната, в данном случае феодал, а процедура выборов была весьма далека от демократического волеизъявления [150].

Войт в Мире избирался мещанами и утверждался магнатом, как это отмечено в княжеских привилеях 1619 и 1746 гг. Выбранный князем кандидат в Копыле утверждался и объявлялся мещанам особым универсалом [151]. В Любче войт назначался магнатом. В Друе магнат тоже утверждал войта без каких-либо консультаций с населением города. Более того, в XVIII в. функции войта осуществлял даже друйский эконом [152], т. е. наместник магната в его латифундии. В данном случае городской магистрат возглавлял непосредственно глава магнатской администрации.

В противоположность практике назначения войтов пожизненно в привилее на магдебургское право городу Ушачи (1758 г.) указывалось, что «в этом городе по образцу других городов литовских функция войта... годичной только должна быть...» [153]

---

[149] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1338, л. 27; д. 1361, л. 6.

[150] AGAD, AR, dział XV, teka 5; teka 6, Processa w Rozmaitych sprawach, Tranzakta i zapisy Nieczaja Wójta Nieświeżskiego; teka 7, Electia na Woytowstwo Mieszczan Nieświezkich.

[151] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 664—1, л. 102; д. 1292, л. 11; д. 1305а, л. 59; AGAD, AR, dział XXIII, teka 150, Przywileje i Ustawy 1579—1821; M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 677.

[152] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1348, оп. 1, д. 1, л. 207; AGAD, AR, dział XXIII, teka 84, Akta miejskie miasta Lubcza, s. 5; O. Hedemann. Dzisna i Druja magdeburskie miasta. Wilno, 1934, s. 384, 388.

[153] Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, nr 5981, k. 260.

Такая ежегодная сменяемость войта относится ко второй половине XVIII в. и распространялась на города Белоруссии и Литвы.

В Слуцке должность войта была учреждена еще в XV в. В Литовской метрике первой четверти XVI в. упоминается слуцкий войт Стецко[154]. В этом белорусском городе встречается единственный случай существования в городах Великого княжества Литовского отдельных войтов в разных его частях. В Старом городе, Новом городе и Острове в конце XVI в. были свои войты[155]. Это было связано с разделом Слуцка в 1582—1592 гг. между тремя братьями Олельковичами, т. е. у каждого князя в принадлежавшей ему части города был свой войт.

Характерно, что войт Слуцка всегда назначался из наиболее богатых мещан, нередко из членов одной семьи. В XVI — начале XVII в. должности войтов переходили в семье Тишевичей чуть ли не по наследству[156].

Семья Тишевичей вела крупную торговлю с городами Польши и Пруссии, вывозя туда скупленные ремесленные изделия и сельскохозяйственное сырье. Эта семья по сути монополизировала иноземную торговлю города в северо-западном направлении. Некоторые ее представители имели свои собственные речные торговые суда («витины») и отправляли их вниз по Неману вплоть до Кролевца (Кенигсберга). К тому же представители этой патрицианской семьи были кредиторами магнатов, ссужая им большие денежные суммы.

Иногда войт или войтовичи (сыновья войта) временно получали имения феодалов со всеми правами феодалов над местным населением. Так, в 1589 г. слуцкий войт Куприян Тишевич и его сыновья за одолженные князю 4100 коп грошей литовских (315 килограммов серебра) получили местечко Любань, село Таль и сельцо

[154] J. Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895, s. 331.

[155] Рукописный отдел библиотеки (далее РОБ) АН Литовской ССР, ERS-606, л. 2; AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, plik «Kopijarze Przywilejów, Praw i nadań...», k. 92; teka 136, Akta summowe; teka 148, Od Jeremicz Lubań.

[156] ЦГИА БССР, ф. 737, оп. 1, д. 1, л. 409; Отдел рукописей библиотеки Вильнюсского государственного университета (далее ОРБ ВГУ), А-87, № 13159, л. 58; AGAD, AR, dział XXIII, teka 136, Akta Summowe.

Озомлю с мещанами и крестьянами с правом взимания чинша и других податей и суда над населением [157]. Лишь в 1621 г. оба войтовича — «мещане слуцкие» Михайло и Омельян Куприяновичи Тишевичи, получив все долги с магната, отказались от прав на владение Любанью и Талью [158]. Должником Омельяна Тишевича был князь Ежи Вишневецкий, задолжавший слуцкому войтовичу еще большую сумму — 7200 коп грошей литовских, за что тот получил в залог имения [159].

Сближение положения войтов и феодалов, получение ими земель от магната происходило и ранее. Еще в первой четверти XVI в. слуцкий войт Стецко получил от княгини землю [160]. И Омельян Тишевич во второй четверти XVII в. владел селом Гричиновичи и платил в казну магната «поконьщизну» [161] (налог, взимавшийся с мелких служилых феодалов). В 1649 г. в Гричиновичах насчитывалось 25 дымов (крестьянских хозяйств) и 32 волоки 16 моргов (волока =30 моргам =21,37 га) земли. В 1645 г. в фольварке Маньково, принадлежавшем Омельяну Тишевичу, насчитывалось 16 волок 17 моргов [162].

В 1677 г. фольварком Маньково владели паны Ян и Николай Тишевичи с платой поконьщизны за 10 используемых волок 60 злотых в год или с выполнением военной службы [163].

Все это свидетельство того, что часть одного, разветвившегося войтовского рода Тишевичей уже в первой половине XVII в. официально вошла в состав группы военно-служилых феодалов — земян. Другая же часть осталась в небольшой верхушке мещан — группе панов-мещан, но приобрела права феодалов и представляла собой одну из низших категорий вассалов. Именно из этой группы и выбирал магнат войта, который бы надежно проводил в жизнь политические требования магната в городской общине. В 1657—1661 и 1663 гг. слуцким

---

157 AGAD, AR, dział XXIII, teka 148, Od Jeremicz Lubań.
158 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 2, л. 163.
159 Oddział rękopisów Biblioteki PAN w Krakowie, nr 4327.
160 J. Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895, s. 331.
161 Минская старина, вып. IV, стр. 85.
162 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7384, лл. 5, 18.
163 AGAD, AR, dział XXV, nr 1420/1, k. 29.

войтом вновь был представитель этой же семьи Василий Тишевич [164].

В течение XVII—XVIII вв. войтами назначались представители узкой группы панов-мещан. За весь этот период лишь один раз в 1718 г. войтом стал шляхтич (Оттен) [165]. Владельцы города были уверены, что их влияние на магистрат будут лучше осуществлять представители городского магистрата, чем шляхтичи.

Во второй половине XVII в. в связи с расширением прав городского магистрата функции войта несколько сузились. В этот период в городе установился новый порядок назначения войта. Протоколы заседаний слуцкого магистрата в 1678 г. констатируют, что магистрат в полном составе избирал двух кандидатов в войты из среды панов-мещан, обычно из своего состава. Назначение одного из кандидатов делал магнат или его эконом. Во второй половине XVIII в. «генеральная сессия» магистрата в присутствии всех городских чиновников, как это было в декабре 1782 г., избирала «единогласно» уже трех кандидатов на должность войта с представлением магнату для выбора одного из них [166]. Срок полномочий войта длился три года [167]. Но обычно магнат оставлял войта на повторные сроки, так что нередко должность войта была занята пожизненно. В некоторых городах (Друя, Несвиж, Биржи) существовала должность заместителя войта — ландвойта, или лентвойта [168].

Войты в белорусских и литовских частновладельческих городах имели определенные магнатами права и привилегии. В пользу войта шла известная часть различных сборов натурой — «провиант войтовский». В особых универсалах были зафиксированы доходы, которые шли в пользу войтов, денежные сборы, например: за вход и выход через городские ворота («брамное»), за сдачу комнат в доме («подсоседное») и др. Кроме того, войт получал долю от судебных доходов. В Несвиже в 1688—

---

164 AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey.

165 Минская старина, вып. IV, стр. 137.

166 AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, Kopijarze, k. 26; teka 134, Copie; teka 133, Rozmaitości; teka 151; teka 154, Kopie.

167 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5821, л. 68.

168 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 693-2, л. 8; AGAD, AR, dział XV, teka 5; teka 6; O. Hedemann. Dzisna i Druja magdeburskie miasta. Wilno, 1934, s. 389.

1689 гг. он ежегодно получал 400 злотых дохода за судебную деятельность [169].

Войт имел участки земли в городе и за его пределами, не облагавшиеся городскими повинностями и налогами. Эти участки обычно были освобождены и от уплаты налогов в казну магната. Привилеем Миколая Крыштофа Радзивилла Несвижу от 18 июня 1586 г. войту передавалось 6 волок земли, а также «всякие выгоды с города Несвижа согласно праву магдебургскому» [170]. В других местах этот надел был меньшим.

В XVI—XVIII вв. в частновладельческих городах Белоруссии и Литвы в руках войта оставалась распорядительная административная власть. Он был не только главой органа городского самоуправления, но и главой суда. Вначале власть войта была бóльшей. По мере введения самоуправления по магдебургскому праву власть его частично ограничивалась органами городского самоуправления. Войт был доверенным лицом магната и представлял его интересы.

Органом городского самоуправления был магистрат (рада). Уже в королевских или магнатских привилеях на магдебургское право городам обычно в самой общей форме указывался состав органа городского самоуправления и способы его формирования. Более конкретно состав магистрата и его формирование определялись последующими привилеями магната. Как правило, в состав магистрата входили войт, бурмистры, радцы (райцы), лавники, писарь, хотя, строго говоря, лавники по смыслу магдебургского права вместе с войтом составляли особую судебную коллегию — войтовско-лавничий суд — и в магистрат не входили. О существовании такого особого суда с представительством лавников от разных частей города (два лавника от Старого города и по одному — от Нового города и Острова) упоминает устав Слуцка 1621 г. [171] В архивных материалах второй половины XVII и XVIII в. по Слуцку и в документах XVI—

---

[169] РОБ АН Литовской ССР, ERS-889, Lauda albo uchwały..., s. 152, 180; AGAD, AR, dział XV, teka 6, Process Szachny Wojta Nieśwież-skiego...

[170] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1337, л. 54; д. 1338, л. 27; д. 1361, л. 7.

[171] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna porządku dla Miasta Słucka, k. 5.

XVIII вв. по другим городам нет упоминаний о таком суде.

Первоначальное название органа городского самоуправления в частновладельческих городах Белоруссии и Литвы, как и в королевских, «городская рада» постепенно было вытеснено в XVII в. названием «магистрат», которое закрепилось и просуществовало до конца XVIII в.

Какой-либо точной цифры численности членов городского совета не существовало не только в Великом княжестве Литовском, но даже в городах Германии, откуда была взята форма органа городского самоуправления. Правда, со времени царствования императора Генриха VI Гогенштауфена (с 1190 по 1197 г.) установился обычай избирать 12 членов городского совета. Однако в XIII в. в разных городах Германии это число варьировало: от 12 в Констанце (впрочем, там оно доходило иногда и до 16), 14 в Трире и Гамбурге до 15 в Любеке, Кельне и 16 в Регенсбурге[172].

В польских городах в период феодализма (до конца XVIII в.) количество членов магистрата также варьировало. В Кракове было 24 советника, из них 8 правящих ежегодно, в Старой Варшаве и Ловиче — 12 (6 правящих), в Полоцке — 5—7, в других мазовецких городах — 6, в Великой Польше в XVI—XVIII вв. — от 4 до 7, кое-где — 4—8 советников[173].

Не было однообразия в количественном составе членов магистрата и в белорусских и литовских городах. Но и здесь общее количество членов магистрата приближалось к 12. Это указывает на то, что при введении магдебургского права в частновладельческих городах Великого княжества Литовского первоначально за основу брался классический образец.

По сохранившимся немногочисленным документам можно установить приблизительный состав магистрата Несвижа: от 1 бурмистра, 3 советников и 3 лавников в 1620 г. до 4 бурмистров, 4 советников и 4 лавников, кроме войта и писаря, во второй половине XVIII в. (ежегод-

---

172 H. Planitz. Die deutsche Stadt im Mittelalter. Graz—Köln, 1954, S. 311—312.

173 S. Pazyra. Geneza i rozwój miast mazowieckich. Warszawa, 1959, s. 278—279; Z. Kulejewska-Topolska. Nowe lokacje miejskie w Wielkopolsce od XVI do końca XVIII wieku. Poznań, 1964, s. 75—76; J. Bardach. Historia państwa i prawa Polski, t. I. Warszawa, 1973, s. 406—407.

но заседали войт, бурмистр, советник, 2 лавника и писарь) [174].

В отдельных случаях в решении городских, наиболее важных дел принимало участие все мещанское население Несвижа («поспольство»). «Поспольство» Несвижа участвовало в выборах войта и членов магистрата, как это записано в привилее князя Радзивилла от 18 июня 1586 г. и как это видно из акта об избрании войта в 1712 г. Оно вместе с магистратом принимало решения по вопросам городского хозяйства. Это решение так и называлось «плебисцитом» (27 сентября 1592 г.) [175]. В 1646 г. простой народ («люд посполитый») Несвижа на собрании избрал контролеров за деятельностью магистрата поровну от трех частей города [176].

Более полное представление по сохранившимся документам можно составить о численности магистрата в принадлежавшей Сапегам Друе, где, кроме войта и писаря, было по 3 бурмистра, радцы (советника) и лавника, а ежегодно заседали по одному от каждой группы. Им сопутствовало 9 «общинных мужей» (по 3 заседало ежегодно). Избранные в магистрат Друи лица проходили своеобразную «табель о рангах», поочередно занимая посты от «общинного мужа» до бурмистра [177]. В данном случае в самой неприкрытой форме действовал порядок, применявшийся и в других частновладельческих городах,— создание городской элиты.

В Копыле по привилею 1652 г. в состав магистрата входили, кроме войта и городского писаря, 2 бурмистра, 4 «райцы» и 4 лавника [178]. Можно предполагать, что и здесь существовали ежегодные смены «рочных» членов магистрата с резервными. В принадлежавших Сапегам Ружанах в 60-е годы XVII в. в годовой («рочной») смене магистрата насчитывалось 1 бурмистр, 2—3 советника и 3 лавника [179].

---

[174] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 39, л. 309; оп. 4, д. 1337, л. 58; AGAD, AR, dział XV, teka 5, Akta, ściągające się do Kamienic, domow i placow, nr 1; teka 7, Rozmaitości...; dział XXV, nr 2669/3, kk. 6, 7, 13.

[175] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1338, л. 30; д. 1361, л. 6; AGAD, AR, dział XV, teka 7, Electia na Woytowstwo...

[176] AGAD, AR, dział XV, teka 7, Petitia ludu pospolitego...

[177] O. Hedemann. Dzisna i Druja magdeburskie miasta..., s. 389—391, 394.

[178] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 677.

[179] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1373, оп. 1, д. 1, лл. 6—304.

В привилее городу Ушачи (1758 г.), где выборы в магистрат проводились ежегодно, было записано: «Владельцы города всегда будут иметь право из избранных кандидатов бурмистра подать, войта поставить, советников и лавников утвердить...» [180]

Магдебургское право в городах Белоруссии и Литвы, как говорится в текстах привилеев на право самоуправления, трансформировалось по мере заимствования от одних городов к другим с привнесением установившихся местных обычаев и норм, установленных магнатами. Нормы магдебургского права на территории Литвы и Белоруссии в XVI—XVIII вв. значительно отличались от своего первоначального образца — городского права в Магдебурге XIII в.

В частновладельческих городах, где не было введено магдебургское право, мещане не имели своего особого городского магистратского суда. Действовал либо войтовский суд, либо в весьма редких случаях войтовсколавничий.

До середины XVII в. в Слуцке мещане не имели городского бурмистровско-радецкого суда. Традиционная форма копного суда сохранялась здесь долго, уступив затем место городскому суду, созданному на основании самоуправления по магдебургскому праву из всех членов магистрата. Характерно, что копные суды, в которых участвовали мещане, находились в ведении замкового суда и войта города (т. е. подчинялись как княжеской администрации, так и городской, причем войт собирал копу в целом по городу или по его частям), тогда как в сельских местностях Белоруссии и Литвы они подчинялись гродским судам [181], а в сельских местностях Слуцкого княжества — замковому [182]. В других частновладельческих городах копного суда, подобного слуцкому, в сохранившихся документах не отмечено.

С середины XVII до конца XVIII в. магистрат в Слуцке, как и в других частновладельческих городах, осуществлял функции городского суда [183]. «Сессионали-

---

[180] Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, nr 5981, k. 260.
[181] Спрогис И. Предисловие. АВАК, т. XVIII. Вильна, 1891, стр. XXXV.
[182] АВАК, т. XVIII. Вильна, 1891, стр. 255, 260, 261.
[183] Минская старина, вып. IV. (Тройчанский архив). Минск, 1913, стр. 85, 94.

По мере постепенного расширения прав органов самоуправления роль администрации владельца города, которая ранее осуществляла ряд функций рады или магистрата в непосредственном решении повседневных вопросов городской жизни, отодвигалась на второй план. Тем не менее в течение всего рассматриваемого периода магистрат осуществлял свою деятельность под строгим надзором магната и его администрации. Право на самоуправление и его осуществление не освобождало мещан частновладельческих городов от зависимости и власти магнатов, владельцев городов, но эта зависимость мещан от феодала в отличие от феодальной зависимости крестьян не была крепостной.

С расширением сферы деятельности магистрата (в разных городах по разным причинам) распространилось его влияние на многие стороны внутригородской жизни, а его юрисдикция — на разные группы горожан, а не только мещан. Иногда магистрат фактически выступал в роли феодального владельца (был залогодержателем магнатских имений) и ему было подчинено в известной степени сельское население, включая и военно-служилых людей. Магнат порою передавал магистрату судебную власть не только над мещанами, но и вообще над всем населением своего владения (вплоть до земян), т. е. доверял ему функции замкового суда, оставляя за собой право контроля. Городской магистрат представлял интересы всей массы мещан, но фактически находился в руках патрициата — панов-мещан, которых поддерживал магнат, наделяя их льготами и привилегиями. В целом магистраты частновладельческих городов Белоруссии и Литвы пользовались бóльшими правами, чем органы городского самоуправления королевских городов (особенно это видно на примерах «шляхетных» магистратов, как их называли сами магнаты, городов Несвижа и Слуцка), но находились в то же время под строгим контролем владельца города и его администрации. Усиление роли органов городского самоуправления в частновладельческих городах во второй половине XVII и в XVIII в. было вызвано рядом причин (ростом экономического значения городов, антифеодальной борьбой народных масс, поли-

---

д. 1305а, лл. 34, 59, 114; д. 1337, л. 54; д. 1338, л. 27; д. 1361, л. 6; д. 1605, лл. 6, 9; д. 1607, л. 198; д. 1618, л. 31; д. 5929, л. 3; ф. 737, оп. 1, д. 1, л. 409.

тикой магнатов, стремившихся опереться на города в своей постоянной борьбе за власть).

Находясь под строгим контролем владельца города, магистраты частновладельческих городов контролировали ремесленную и торговую деятельность мещан и других жителей города (евреев, солдат). Их функции по сбору налогов и выполнению повинностей распространялись даже на немещанское население городов, а судебная власть — на жителей юрисдик. Это объясняется незначительностью юрисдик в частновладельческих городах и большим подчинением магистратам еврейского населения в этих городах, поскольку и мещане, и евреи были в феодальном подданстве магнатов. Таким образом, самоуправление частновладельческих городов в известном смысле было шире, чем королевских.

Многие архивные материалы опровергают вывод А. И. Барановича о том, что процесс ликвидации самоуправления в XVIII в. в частновдалельческих городах наблюдался во всей Речи Посполитой [187].

Сохранение магистратами частновладельческих городов своих позиций в последней четверти XVIII в. (постановление сейма 1776 г. о ликвидации магдебургского права в большинстве городов и в местечках на них не распространялось) показывает, что в них в отличие от большинства королевских роль самоуправления по-прежнему была большой вплоть до конца XVIII в. Усиление роли магистратов отразилось и в укреплении и упорядочении деятельности магистратских судов во второй половине XVII—XVIII в. Магистратские суды, состоявшие из членов магистрата, представлявших, как правило, небольшую олигархическую группу патрицианских семей, руководствовались интересами этой богатой городской верхушки, которая укрепила свою власть над основной массой мещанства. Развитие самоуправления только формально увеличивало права рядовых мещан. Это было отражением существовавших социальных противоречий в среде самого мещанства.

---

[187] А. Баранович. Упадок города Речи Посполитой. (Староконстантинов в XVIII столетии). «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 43, 49.

Глава IV

ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОРОДА — ВОЕННАЯ ОПОРА МАГНАТОВ

1. Города-крепости

В частновладельческих городах Белоруссии XVI—XVIII вв., как и в городах Западной и Восточной Европы, строились оборонительные сооружения. Развитие фортификации в городах в значительной степени соответствовало их назначению как военной опоры магнатов. В них были сосредоточены гарнизоны и ополчения горожан и военно-служилых людей. В связи с этим на всем протяжении XVI—XVIII вв. именно крупнейшие частновладельческие города Слуцк, Несвиж, Старый Быхов отличались от других особым типом планировки и застройки как города-крепости. И в других городах строились сооружения, которые были предназначены для более или менее длительной обороны.

Строительство крепостей в Белоруссии предпринималось по инициативе магнатов. Целью создания оборонительных сооружений было усиление власти магнатской олигархии в Речи Посполитой, укрепление политического положения отдельных магнатских семей. Однако военное значение фортификации частновладельческих городов было направлено не только против возможного нападения неприятельских войск, отрядов других феодалов во время междоусобиц, но и в значительной мере против народных масс.

Крепостные сооружения в Белоруссии в соответствии с общим развитием фортификационного дела в Европе по своему виду и типу на протяжении XVI—XVIII вв. претерпевали изменения. В основном это были укрепленные пункты, подготовленные к упорной круговой и долговременной обороне, с постоянным гарнизоном, вооружением, запасами амуниции и продовольствия. Ф. Энгельс называет такие оборонительные сооружения «долговре-

менной фортификацией» и отмечает, что это «...способ приведения в мирное время местности в такое состояние обороны, которое заставило бы неприятеля применить против нее правильную осаду...» [1]

Самой старой формой укрепления городов (и наиболее легко выполнимой) была сомкнутая вокруг них оборонительная деревянная ограда (палисад), состоявшая из двойного или тройного ряда столбов, вкопанных в землю, плотно прилегающих друг к другу и образующих стену. Пространство между рядами столбов засыпалось землей.

Более крупные города еще ранее были укреплены земляными валами, рвами, крепостными стенами с дозорными и боевыми башнями. Стены городских укреплений чаще всего были деревянными, возводились и каменные укрепления (стены з зубцами, башнями и амбразурами). Башни и крепостные стены были снабжены бойницами, предназначенными для стрельбы, сбрасывания камней и горящей смолы. Укрепления строили жители городов и крестьяне близлежащих деревень.

О строительстве городских укреплений и для обороны населения во время осады говорится в сохранившемся отрывке Слуцкой летописи начала XV в.: «...И зараз кнегиня град около града заложила и низина ровнаты ся и подвышаты ся почела и в коротком часе великое множство людзи славных, годных, можных, верных и зычливых мирян намножило ся на мешканье и тиснути ся почали взглядом покою от неприятелев наступивших. Тая ж кнегиня церковь соборную Пресвятое Богородицы на высоком городе назваными дытынец зачавшы и скончила року 1409» [2].

Другим видом оборонительных сооружений в частновладельческих городах были замки — укрепленные резиденции феодалов. Такие замки были построены в XVI в. в Смолянах, Мире и Несвиже. Так же как и крепости, они строились на труднодоступных местах — на холмах, берегах рек и озер. Их укрепления, кроме рвов и земляных валов, состояли из стен и башен, окружавших внутренний замкнутый двор, в центре которого стоял дворец. Таким был замок в Мире, построенный в 1506—1510 гг.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 326.

[2] Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. 1. Вильна, 1867, стр. VII.

Кроме четырех крепостных стен он имел пять башен с бойницами и высокий земляной вал. Внутри двора размещался трехэтажный дворец, украшенный скульптурами и наружными лепными деталями, живописью [3].

В XIV в. стали применять порох в качестве метательного средства, началась эпоха огнестрельной артиллерии. Введение артиллерии на вооружение армий и особенно изобретение чугунных ядер (наряду с применением каменных) вызвали существенные изменения в фортификации. Если до этого города и замки брали главным образом измором, после длительной осады, то уже в XV и XVI вв. осада велась с помощью артиллерии и заканчивалась штурмом пробитых пушками стен осажденного города или замка.

При создании оборонительных сооружений применялось несколько систем фортификации. В XVI в. в Речи Посполитой, как и во всей Европе, была распространена так называемая староитальянская система. Образцом ее с известной модификацией были принадлежавшая Радзивиллам Несвижская и Ляховичская (владение Ходкевичей, затем Сапег) крепости [4]. А. Грушецкий не считает фортификацию Несвижского замка староитальянской, он относит ее к старофранцузскому типу крепостей и ставит под сомнение авторство Д. М. Бернардони, поскольку знаменитый итальянец не строил замков в других местах [5]. Эта точка зрения противоречит высказыванию автора середины XVII в. Юзефа Нароновича-Нароньского, который в 1669 г. относил фортификацию Несвижского замка к староитальянской системе [6]. По этой системе каменная стена была заменена земляным валом, а башни — более низкими и выступающими вперед бастионами, на которых устанавливали артиллерийские орудия, обстреливавшие предполье (за рвом) и куртины (часть земля-

[3] История Белорусской ССР, т. 1, стр. 154—155; М. А. Ткачев. Военное зодчество Белоруссии XIII—XVIII вв. (По памятникам Северо-Западной и Юго-Западной Белоруссии). Автореф. дисс. Минск, 1972, стр. 29—31.

[4] F. Markowski. Zamek Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła Sierotki w Nieświeżu. «Kwartalnik Architektury i Urbanistyki», t. IX. Zeszyt 2. Warszawa, 1964, s. 158—159.

[5] A. Gruszecki. Fortyfikacja zamku w Nieświeżu. «Kwartalnik Architektury i Urbanistyki», t. X. Zeszyt 2. Warszawa, 1965, s. 144.

[6] J. Naronowicz-Naroński. Budownictwo wojenne. Wydała z rękopisu J. Nowakowa. «Prace Komisiji Wojskowo-Historycznej». Seria B, nr 4. Warszawa, 1957, s. 3.

ного вала между бастионами); толщина стен и башен увеличивалась. Мощные бастионы были основными пунктами сопротивления. Огонь из размещенных в них орудий по фронту и флангам вплоть до соседних бастионов затруднял атаку на куртины и продвижение на близкое расстояние осадной артиллерии. Поэтому основной целью атаки осаждающих были сами бастионы [7]. При устройстве укреплений земля, вынутая при рытье, использовалась для насыпи.

Крепостные ограды с пятиугольными бастионами в течение XVI и XVII вв. получили повсеместное распространение и с некоторыми изменениями и усовершенствованиями применялись вплоть до середины XIX в. После войн в Нидерландах бастионная фортификация усовершенствовалась. Появился так называемый староголландский тип фортификации, применявшийся в основном для обороны расположенных на открытой, ровной местности городов (примером такого типа фортификации была Слуцкая крепость [8], построенная в 30—40-е годы XVII в.). Этому типу сооружений отдавалось большее предпочтение при возведении вокруг городов рвов и каналов. Главный вал, составлявший городские стены, насыпался ниже прежних и был только земляным [9]. Гласис (земляная пологая насыпь впереди наружного рва) возводился для размещения стрелков с целью защиты крепостных укреплений от артиллерийского огня и обстрела близлежащей местности.

По этому образцу строились и другие крепости в Белоруссии и Литве: в конце XVII в. крепость Старый Быхов, принадлежавшая магнатскому роду Сапег, радзивилловские Биржи [10] и др.

Дальнейшие усовершенствования в фортификационном деле были введены французским инженером маршалом Вобаном. Он стремился усилить бастионы. Куртина делалась короче, и ее прикрывали с фронта равелинами, треугольными фортификационными сооружениями, служившими не только прикрытием куртины от огня противника, но и для поддержки соседних бастионов сосредо-

[7] Historia wojskowości. Warszawa, 1960, s. 190—193.
[8] Zarys dziejów wojskowości polskiej do roku 1864, t. I. Warszawa, 1965, s. 380.
[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 337.
[10] Zarys dziejów wojskowości polskiej do roku 1864, t. II. Warszawa, 1966, s. 70—71.

точенным продольным огнем. Эти усовершенствования применялись и в крепостях, принадлежавших магнатам Белоруссии и Литвы, в течение XVIII в.

Города-крепости магнатов Великого княжества Литовского были не только оборонительными пунктами при осаде городов. Их планировка (Старый Быхов, Несвиж, Слуцк) предусматривала ведение уличных боев. В таких случаях некоторые крупные каменные здания, в том числе и культовые, могли служить местом концентрации отрядов осажденных защитников города, а узкие улочки затрудняли действия штурмовых групп осаждающих. Так, например, в марте 1706 г. в результате штурма шведский отряд под командованием подполковника Траутфеттера овладел укреплениями Несвижа. Оборонявшие город украинские казаки засели в стенах иезуитской коллегии и в домах[11]. Шведы подожгли город, но вынуждены были отступить, так и не захватив замка и здания иезуитской коллегии[12].

Одной из крупнейших крепостей Великого княжества Литовского была Слуцкая. Слуцк уже к началу XVI в. был сильным укрепленным пунктом, с мощными для того времени оборонительными сооружениями. Об этом свидетельствуют данные летописей того времени. Ни крымские татары во время набегов 1503—1506 гг., ни Михаил Глинский дважды в 1508 г. не могли взять эту крепость. Так, в 1505 г. «...и хотяху татаре взяти Слуцк, и не могоша, биша бо их из града крепко...» Татары «замок... штурмовали, делая подкопы и огонь подкладывая, но мужественно оборонялись Случане... и множество Татар под замком полегло...»[13]

Князь Михаил Глинский во время феодального восстания в Белоруссии и на Украине против великого князя Сигизмунда в 1508 г. «...Слуцкий замок осадил... Но видя, что замок как из амбразур, так и частыми вылазками обороняли, ...задумал при помощи метательных снарядов замок сжечь, но, когда у него много людей убили...» отступил. Характерно, что Слуцкую крепость смог

---

[11] B. Tauroginski. Z dziejów Nieświeża. Warszawa, 1937, s. 60.
[12] E. Kotłubaj. Galerja nieświeżska portretów Radziwiłłowskich. Wilno, 1857, s. 409.
[13] Полное собрание русских летописей, т. II. СПб, 1843. Ипатьевская летопись, стр. 364; M. Stryikowski. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi, t. II. Warszawa, 1846, s. 327.

лишь в 1595 г. взять казацкий отряд С. Наливайко[14], и то лишь при помощи крестьян и городской бедноты.

Уже к концу XVI в. были укреплены оборонительными сооружениями наиболее старинные части самого Слуцка — Старый и Новый город. Об этом писал в 1593 г. проезжавший через город во главе посольства московский дьяк Трифон Коробейников. Он отметил, что «Слуцкой город (Новый город. — *А.Г.*) поменши Коломны, деревянной; да около города острог на городовое ж дело, а в остроге (Старом городе. — *А.Г.*) торги да дворов с 200, ...а под городом, под стеною две реки» — Весея и Случь. Наблюдательный русский дипломат, обращавший на своем пути внимание на все крепости, добавил: «А в воротех и в острозе стоят воротники и стрелцы с рушницами, иноземца не сказав в острог не пустят». При этом Т. Коробейников сравнил укрепления Слуцка и Минска: «...городом и торги тот город Слуцк города Менска болшы и лутчи...»[15] Оборонительные сооружения Минска специалисты считали неплохими для того времени[16]. Земляным валом, стенами и глубоким, заполненным водой рвом была защищена значительная часть Слуцка, в которой насчитывалось около 900 дворов горожан.

В 30—40-е годы XVII в. вокруг обеих частей Слуцка были возведены мощные фортификационные укрепления. В течение более полутора веков они сохранялись в хорошем состоянии. Слуцкая крепость не утратила своего оборонного значения до конца XVIII в.

Самой старинной частью Слуцка был Старый город, расположенный на правом берегу Случи. По данным инвентаря 1728 г., здесь находилась внутренняя крепость, состоявшая из Верхнего и Нижнего замков, построенных еще в XV в. при впадении реки Бычок в Случь. Крепость отделялась от кварталов Старого города не только рекой, впадающей в Случь, но и прорытым для оборонительных целей каналом. Верхний замок был построен на насыпанном холме, называвшемся Копец (ныне Безбожная

---

[14] A. Gwagnini. Kronika Sarmacyey Europskiey. W Krakowie. 1611. Księg II, część I, s. 76, 77; Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604 гг.). В кн.: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II. Киев, 1896, стр. 32.

[15] Хождение Трифона Коробейникова. Православный палестинский сборник. 27-й выпуск. СПб, 1888, стр. 74—75.

[16] A. Gwagnini. Kronika Sarmacyey Europskiey. W Krakowie, 1611. Księg II, część I, s. 77.

горка), а у основания холма стоял Нижний замок. Верхний представлял собой сооружение круглой формы и занимал площадь в 1,5 га. Нижний — прямоугольной формы площадью в 1,9 га [17]. Верхний замок возвышался не только над Слуцком, но и над всей окружающей местностью.

В Новом городе, расположенном на левом берегу Случи, находился укрепленный Новый Замок (цитадель), воздвигнутый в XVI в. в форме квадрата с выступающими из общей линии укрепления четырьмя башнями по углам и достраивавшийся в XVII в. В отличие от внутренней крепости в Старом городе цитадель входила в систему внешних укреплений Слуцкой крепости. Новый замок занимал площадь в 1,1 га (без башен и вала). Он также был окружен рвом, соединяющимся со Случью. Вся территория Старого и Нового города была окружена оборонительными сооружениями—земляным валом, рвом и бастионами. При входе в город стояли укрепленные ворота: в Старом городе — Виленские, Копыльские и Островские «с башней» (все каменные «в вале вымурованы»), в Новом — деревянные Новомейские [18]. Через ров у ворот были построены подъемные мосты [19].

Два предместья Слуцка — Остров и Тройчаны в систему городских фортификационных сооружений не входили. Слуцкая крепость по праву считалась одной из сильнейших в Великом княжестве Литовском. Современники назвали ее «бастионом Литвы» [20].

В описании Минской губернии конца XVIII в., составленном русскими офицерами и инженерами, о Слуцкой крепости говорится: «...Можно принять за первую знаменитость сего города укрепление... в коем по правую сторону реки Случи... состоит бастионов восемь, равелинов три, а по левой бастионов пять, равелин один... Старое и новое места города укреплены земляным валом и рвом, бастионами и равелинами» [21]. В описании Минской губер-

---

[17] ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 5, л. 20. (Подсчет наш).
[18] Там же, лл. 6, 11, 22, 29, 33—35.
[19] Ю. Егоров. Градостроительство Белоруссии. М., 1954, стр. 95, 97.
[20] Przypisy historyczne do poprzedzającego artykulu o starodawności fary i parafii Słuckiey. «Dzieje dobroczynności krajowej i zagranicznej z wiadomościami ku wydoskonaleniu jej służącemi». Rok II. Wilno, 1821, s. 810.
[21] Ю. Егоров. Градостроительство Белоруссии, стр. 95.

нии конца XVIII в. даны размеры городских укреплений: «...фигуру имеет круглую с укреплением оному каждому радиусу длина триста сажень (640 м. — *А.Г.*), в окружности имеет три версты триста сажень...» [22], т. е. 3 840 м. Судя по плану города, составленному в конце XVIII в., Слуцк — это крепость размерами около 1300×1300 м. Расположенный на равнине город был ключевой, господствующей позицией. Крепость имела артиллерию, а гарнизон — достаточное количество огнестрельного оружия и боеприпасов. Об этом свидетельствуют летописные данные начала XVI в. В 1595 г. Наливайко взял в качестве трофеев в Слуцке и увез со своим отрядом 12 лучших пушек, 80 гаковниц (пищалей) и 700 рушниц (мушкетов) [23]. По реестру арсенала здесь в 1620 г. было 26 орудий (в том числе 5 больших осадных пушек, 11 полевых пушек), 130 пищалей и 83 мушкета, кроме розданных выбранцам и пехотному отряду 150 мушкетов [24]. В начале Северной войны, в 1703 г., в Слуцкую крепость только из Ляхович было перевезено 19 пушек [25]. До конца XVIII в. эта частная крепость, принадлежавшая князьям Радзивиллам, сохраняла свое военное значение. Это подчеркивалось русскими офицерами и инженерами, авторами описания Минской губернии.

Другой крепостью центральной части Белоруссии была Несвижская, принадлежавшая также Радзивиллам. Еще в начале XVI в., когда Несвижем владели магнаты Кишки, здесь был построен деревянный замок [26]. Он был расположен на острове (соединявшемся с Несвижем) в 200 м от зданий несвижских жителей в северо-восточном направлении. Здесь укрывалось население, когда к городу приближался неприятель.

В конце XVI в. Несвиж, ставший центром радзивилловских владений, был значительно укреплен, а резиденция князей Радзивиллов — Несвижский замок — перестроена: деревянные укрепления замка были заменены каменными. Возведение городских укреплений и замка здесь (в основе своей сохранившем старые контуры и застройку до нашего времени) связано с деятельностью

---

[22] ЦГИА СССР, ф. 1350, оп. 312, д. 90, л. 102 об.
[23] Kronika Marcina Bielskiego, t. III. Sanok, 1856, s. 1743.
[24] AGAD, AR, dział VII, nr 641.
[25] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1610, л. 28.
[26] B. Tauroginski. Z dziejów Nieświeża. Warszawa, 1937, s. 9.

Николая Крыштофа Радзивилла (Сиротки) (1549—1616 гг.). Этот магнат получил образование в университетах Германии, жил в Италии, Австрии, Франции [27], учился военному делу во время Ливонской войны, затем усовершенствовал фортификацию Несвижского замка. Около 1582 г. для перестройки замка и строительства зданий в городе из Италии был приглашен архитектор Джованни Мария Бернардони. 7 мая 1583 г. был заложен фундамент нового замка [28]. В начале 1586 г. Радзивилл-Сиротка издал привилей несвижским мещанам, в котором давал им определенные льготы, с условием при возведении городских укреплений выстроить («помуровать») «двое ворот, чтобы город замкнут был» [29]. Мещане были обязаны возводить каменные укрепления. Для этого в привилее Радзивилла на магдебургское право городу Несвижу от 18 июня 1586 г. предусматривалось, чтобы несвижские мещане ежегодно работали по насыпке валов вокруг города «с каждого пляца оседлого по пренту» насыпи (т. е. по 4,87 м), «вплоть до действенной насыпки и окончания этого вала» [30]. К 1600 г. (см. помещенную в книге Б. Таурогиньского гравюру Томаша Маковского, выполненную около 1600 г. [31]) фортификационные работы в городе и замке были закончены. Поддержание валов в состоянии готовности к обороне соблюдалось и впоследствии, о чем свидетельствует постановление городской рады и «поспольства» Несвижа от 27 сентября 1592 г. Несвижские мещане обязаны были чинить городские укрепления и насыпать вал там, где потребуется, для чего были предназначены собиравшиеся для этого деньги, а в случае необходимости и выход мещан «яко на гвалт» [32]. В привилее короля Владислава IV Несвижу от 2 марта 1633 г. говорилось о «высоких и основательных стенах» в системе городских укреплений [33]. Во время русско-польской войны 1654—1667 гг. фортификация замка, который не был взят во время осады 1654 и 1659 гг., и

---

[27] В. П. Грицкевич. Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии. Минск, 1968, стр. 14—15.
[28] B. Tauroginski. Z dziejów Nieświeża. Warszawa, 1937, s. 23.
[29] AGAD, AR, dział XV, teka 5, nr 1.
[30] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1337, л. 55; д. 1338, л. 28; д. 1361, л. 8.
[31] B. Tauroginski. Z dziejów Nieświeża. Warszawa, 1973, s. 23.
[32] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1338, л. 30.
[33] Там же, д. 1361, л. 11.

особенно городские укрепления были в значительной мере повреждены, и после этой войны, как отмечено в королевском привилее 29 октября 1669 г., оборонительные сооружения начали возводиться вновь[34]. Несвижская крепость оставалась важным военным пунктом в конце XVII и в течение XVIII в., местом сосредоточения военных отрядов частной армии князей Радзивиллов. В мае 1706 г. городские укрепления Несвижа и замковая фортификация в значительной мере пострадали, но были вновь восстановлены[35]. На стратегическую важность Несвижской крепости указывает и то, что ее неоднократно занимали русские войска во время пребывания их на территории Белоруссии, особенно во второй половине XVIII в.

При строительстве оборонительных сооружений Несвижа были использованы особенности местности, на которой расположены город и замок. Город и замок были соединены плотиной и мостом[36].

Остров, на котором стоял Несвижский замок, был вытянут в направлении с запада на восток. Строился он на прямоугольнике размерами примерно 170×120 м, что не совсем совпадало с правилами военно-инженерного искусства того времени, так как обычно в конце XVI — первой половине XVII в. крепости чаще всего имели форму квадрата. Фортификационные сооружения Несвижской крепости состояли из рва, опоясывавшего крепость, земляных укрепленных валов с четырьмя бастионами[37].

Куртины (вал) и бастионы Несвижского замка, судя по гравюре Т. Маковского, были укреплены камнем. По верху вала шла дорога, защищенная бруствером с так называемой лавкой под ним с внутренней стороны (для боеприпасов во время обороны). Ров, окружавший крепость, был довольно широким и глубоким. Вода в него поступала из соседних прудов. С наружной стороны рва находилась еще одна достаточно широкая дорога[38] для

---

[34] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1361, л. 13.

[35] E. Kotłubaj. Galerja nieświeżska portretów Radziwiłłowskich. Wilno, 1857, s. 410.

[36] B. Tauragiński. Z dziejów Nieświeża. Warszawa, 1937, s. 33.

[37] A. Gruszecki. Fortyfikacja zamku w Nieświeżu. «Kwartalnik Architektury i Urbanistyki», t. X. Zeszyt 2. Warszawa, 1965, s. 141.

[38] F. Markowski. Zamek Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła Sierotki w Nieświeżu. «Kwartalnik Architektury i Urbanistyki», t. IX. Zeszyt 2. Warszawa, 1964, s. 158—159.

передвижения стрелковых отрядов, защищавших подступы к крепости и затруднявших атакующие действия противника. Эта дорога также была защищена гласисом с наклоном к предполью. У гребня гласиса с внутренней стороны была устроена так называемая лавка для боеприпасов. В гласисе были устроены полукруглые ниши — большие и одиночные посреди каждой стороны насыпи (за исключением места напротив ворот замка), а меньшие и двойные — на углах. Они служили для прикрытия во время вылазок осажденных из замка [39]. Гласис был окружен водной преградой — рвами с двух сторон, а с двух других — прудом. Впоследствии берега были облицованы камнем [40]. Ворота замка с подъемным мостом через ров были двухэтажными (для целей обороны), второй этаж сообщался с валом. Над воротами возвышалась дозорная башня. Против ворот не было равелина, однако его роль выполнял треугольник в гласисе, через который выходили две подъездные дороги [41].

Укрепления самого города представляли собой земляной вал (в форме неправильного пятиугольника) с 7 бастионами. Городские ворота помещались в башнях, встроенных в куртины. Укрепления защищали только Старый город, а Новый оставался неукрепленным. Холмы, окружавшие город, в систему укреплений не вошли, что представляло опасность, так как неприятель мог свободно ставить на них батареи для обстрела. Бастионы городских укреплений были земляными, частично защищенными палисадами, в то время как куртины — каменными. Выделялся большой бастион, полностью укрепленный камнем, в менее угрожаемом углу укреплений города, со стороны замка. Судя по всему, Миколай Крыштоф Радзивилл предназначал этот бастион не столько для защиты города, сколько для защиты замка [42]. Таким образом, при строительстве укреплений города и замка прежде всего обращалось внимание на защиту княжеской резиденции. Городские укрепления окружал ров с водой, за которым был устроен гласис. А. Грушецкий отмечает, что укрепления города были построены по более

---

[39] F. Markowski. Zamek Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła..., s. 159.
[40] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5373, л. 2.
[41] A. Gruszecki. Fortyfikacja zamku w Nieświeżu. «Kwartalnik Architektury i Urbanistyki», t. IX. Zeszyt 2. Warszawa, 1965, s. 143, 144.
[42] Ibidem, s. 145.

старому, чем староитальянский, типу фортификации, но с элементами староитальянской школы. Он также подчеркивает, что впоследствии (как это видно на рисунке города 1810 г.) на одном из холмов возле города был воздвигнут еще один бастион [43]. Этот новый бастион был построен к северу от города возле пруда [44] и фактически защищал подступы к замку.

К городским укреплениям внутри города относились и три монастыря — бенедиктинский, бернардинский и доминиканский. Массивные, с мощными стенами и небольшими окнами-бойницами, они усиливали обороноспособность города [45].

Артиллерия Несвижского замка в 1753 г. состояла из 30 пушек. В 1734 г. в нем насчитывалось 409 ружей и 59 «янычарок» [46] (особого рода ружей, бывших на вооружении турецких янычар и янычарской хоругви Несвижского гарнизона).

В Восточной Белоруссии выделялась крепость Старого Быхова. В 1590—1610 гг. тогдашний владелец Быхова великий литовский гетман Ян Кароль Ходкевич построил здесь укрепленный замок, а город превратил в одну из сильнейших крепостей Белоруссии. Еще более укрепили его Сапеги, к которым Быхов перешел по наследству в 1625 г. [47]

Эта важная в стратегическом отношении крепость занимала выгодное положение, находясь на ровном плато, которое возвышалось над поймами Днепра и Сапежинки.

Быховская крепость выдержала осаду в 1648 и 1654—1656 гг., была взята русскими войсками в 1659, 1663 и 1707 гг. [48] Ко второй половине XVIII в. крепостные стены внешнего оборонительного кольца города были в значительной мере повреждены. Однако городские укрепления

---

[43] A. Gruszecki. Fortyfikacja zamku w Nieświeżu..., s. 145.
[44] Как это видно из плана Несвижа начала XIX в. (См. Ю. Егоров. Градостроительство Белоруссии. М., 1954, стр. 96).
[45] Ю. Егоров. Градостроительство Белоруссии, стр. 99—100.
[46] AGAD, AR, dział VII, nr 641.
[47] M. Baliński. Starożytna Polska pod względem historycznym..., t. III, s. 809—810; Живописная Россия, т. III, СПб—М., 1882, стр. 423; W. Dworzaczek. Genealogia. Warszawa, 1959, tablice 166, 169.
[48] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 810; Живописная Россия, т. III, стр. 423.

еще долго сохранялись. К началу XX в. в городе сохранилось 10 чугунных пушек Быховской крепости [49].

Укрепленной крепостью был и замок в Мире. Он был не только резиденцией магнатов, но и их опорным пунктом, пригодным для обороны. Мирский замок был построен по инициативе белорусского магната Юрия Ивановича Ильинича, маршалка надворного литовского, в связи с нападением крымских татар на этот район и отрядов Михаила Глинского. Впоследствии укрепления замка были усилены наследником угасшего рода графов Ильиничей — князем Миколаем Крыштофом Радзивиллом. Замок выдерживал осады, но дважды подвергался нашествию шведских войск, которые весной 1706 г. разрушили его. Позднее укрепления замка были восстановлены [50].

Сохранилось описание Мирского замка 1688 г. после ряда реставрационных работ: «...замок Мирский, в квадрат из камня выстроенный, с четырьмя башнями по углам, а пятая башня высокая, заново реставрирован, земляным валом окружен... При входе в замок выстроенный из камня редут... При входе в ворота старый подъемный мост, окованный четырьмя поясами железными... у этого моста две цепи на двух кольцах... В стене по обе стороны два кольца дубовых на двух железных прутах, на которых подъемный мост поднимают и опускают... В воротах 3 пушки железных» [51].

Замок в Мире свидетельствует о высоком уровне художественной и строительной культуры белорусского народа. Наряду с чертами, свойственными оборонительному сооружению, он носит характер дворцовой постройки. В типе постройки здесь сохранены традиции замковой архитектуры Литвы и Польши [52].

Аналогичные замки строили магнаты Великого княжества Литовского и в других своих владениях.

Не всегда замки феодалов были достаточно укрепленными. В пограничном с Русским государством районе Великого княжества Литовского в Витебском воеводстве находился принадлежавший Радзивиллам Невель (с 1654

---

[49] Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон, т. XXXI. СПб, 1900, стр. 461.
[50] Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. VI. Warszawa, 1885, s. 485, 486.
[51] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4468, л. 14.
[52] Ю. Егоров. Градостроительство Белоруссии. М., 1954, стр. 36.

по 1678 г. входивший в состав Русского государства)[53]. До середины XVII в. в этом городе был деревянный замок князей Радзивиллов, сгоревший во время войны 1654—1667 гг. Русские отстроили деревянный замок. После передачи Россией в 1678 г. Невеля Речи Посполитой город вместе с замком был возвращен Радзивиллам. По данным 1679 г., в замке были двое ворот с башнями. Здесь были и городские укрепления с валом и палисадом, укрепленным пятью башнями, в четырех из них были городские ворота. Линия городских укреплений составляла около 880 м. На городских башнях и в замке было 8 пушек небольшого калибра и 17 пищалей[54].

К числу небольших крепостей относился и замок в Любче. В первой половине XVII в. Радзивиллы построили здесь каменный замок, служивший им опорным пунктом[55].

В восточной части Белоруссии во владениях графов Сенявских в 1643 г. был укрепленный замок (наряду с городскими оборонительными сооружениями) в Шклове. Он был окружен со стороны реки Езоны деревянным «парканом», а с другой стороны — «острогом». Въезд в замок был со стороны реки через деревянный мост и подъемный мост перед самыми воротами замка[56]. Несмотря на казалось бы не очень сильные фортификационные сооружения, замок все же был подготовлен к осаде и сопротивлению его гарнизона, так как водная преграда и защитные сооружения позволяли осажденным сдерживать напор наступающих. В 1661 г. посреди замка стояла высокая деревянная башня, с которой велся обстрел окрестностей[57].

Кроме замковых, в Шклове находились в XVII—XVIII вв. городские укрепления, состоявшие из вала, пяти деревянных башен и семи редутов. Общая длина городской фортификационной линии, частично шедшей над Днепром, а частично над рвом, окружавшим город, составляла около 2750 м[58].

---

[53] M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 709—710.
[54] AGAD, AR, dział XXV, nr 2104, s. 207—209, 218—219.
[55] M. Römerowa. Lubcz nad Niemnem. «Ziemia Lidzka». Rok IV. Nr 6. Lida. Czerwiec, 1939, s. 173; М. А. Ткачев. Военное зодчество..., стр. 31—32.
[56] Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, Rkps. nr 4470, k. 1.
[57] Ibidem, nr 4471, kk. 7, 8.
[58] Ibidem, nr 4473, kk. 14—15.

В начале XVI в. каменный замок был в Койданове, деревянные замки — в Логойске, Друцке. А. Гваньини в своей книге, изданной в 1578 г., перечисляет замки в Дубровне, Копыси, Шклове, Быхове, Чашниках, Сенно, Друе и других городах, принадлежавших магнатам[59].

Такие же замки были в Молодечно (владение князей Збаражских, затем Огиньских), Кейданах (владение рода Кишек, затем Радзивиллов), Клецке, Давид-Городке (владение Радзивиллов), Копыле (владение Олельковичей, затем Радзивиллов), Турове, Заславле, Ружанах (владение Сапег), Петрикове, Глуске, Мыши и т. д. В Горах Великих стоял деревянный замок с 7 башнями (владение князей Друцких-Горских).

Принадлежавшие магнатам небольшие белорусские города также обычно имели укрепления, но менее значительные. Нельзя согласиться с утверждением В. Ревеньской, что в западных районах Белоруссии в отличие от других европейских стран укрепленные фортификационными сооружениями города составляли исключение. В. Ревеньская отметила, что лишь Вильно и Несвиж были опоясаны каменными стенами, выстроенными только в XVI в., а палисадом, или так называемым «парканом», были окружены Клецк и Дисна. В. Ревеньская также сделала предположение, что и Любча в середине XVII в. могла иметь какого-то рода фортификацию, ибо там было двое ворот, построенных из кирпича и дерева[60]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что городские укрепления были не только в Несвиже, но и в других частновладельческих городах. Так, в 1659 г. упомянуты деревянные оборонительные сооружения в Глубоком[61]. В 1693 г. в Мире существовал вал с воротами каменными[62]. В 1670, 1702, 1788 гг. в описаниях Давид-Городка упоминается вал, который должны были укреплять горожане[63]. Аналогичные укрепления были и в королевских городах в этих районах Бе-

---

[59] A. Gwagnini. Kronika Sarmacyey Europskiey. W Krakowie, 1611, Księga II, s. 112, Księga III, s. 24, 26, 27; M. Baliński. Starożytna Polska..., t. III, s. 720.

[60] W. Rewieńska. Miasta i miasteczka w północno-wschodniej Polsce. Wilno, 1938, s. 41—42.

[61] O. Hedemann. Głębokie (szkic dziejów). Wilno, 1935, s. 33.

[62] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1305а, лл. 105, 107.

[63] Там же, оп. 2, д. 1913, лл. 64 об., 211; AGAD, AR, dział XXV, nr 683, s. 25.

лоруссии. Все это опровергает выводы В. Ревеньской об отсутствии фортификационных сооружений вокруг городов западной части Белоруссии.

Фортификационные сооружения в небольших частновладельческих городах имели меньшее стратегическое значение, чем в крупных крепостях и даже в замках владельцев этих городов. Объясняется это рядом причин. Прежде всего не все магнаты могли себе позволить из чисто финансовых соображений строить первоклассные крепости. Кроме того, не было большой необходимости иметь сильно укрепленные пункты в центре каждого феодального владения. Достаточно было для проведения своей политики иметь две-три крепости с сильными гарнизонами, которые бы в случае необходимости могли защищать целые латифундии. Наконец, магнаты, защищая в первую очередь свои резиденции, ставили население частновладельческих городов в зависимость от своей политики и в оборонном отношении (возможность укрытия в стенах замков, зависимость от расквартированных в замках или в городах гарнизонов), чем косвенно сдерживали и погашали проявления антифеодальных выступлений в белорусских частновладельческих городах. Что же касается горожан, то далеко не все жители этих городов имели такой достаток, чтобы возводить за свой счет дорогостоящие фортификационные сооружения. Даже в наиболее крупных городах, принадлежавших магнатам, известная, часто значительная часть населения жила в неукрепленных частях города (предместья Слуцка, Новый город и предместья Несвижа и т. д.). Все это сказывалось в ходе частых в феодальную эпоху войн на экономическом развитии белорусских частновладельческих городов, особенно страдавших во время неурядиц и борьбы магнатских группировок за власть и в период вторжений иностранных армий.

Однако, как правило, все белорусские частновладельческие города были укрепленными пунктами, имевшими фортификационные сооружения различных типов (от наиболее сложных в военно-инженерном отношении до самых простых), и играли определенную, иногда весьма значительную с военной точки зрения роль в проведении классовой политики феодалов Белоруссии и Литвы.

2. Городские ополчения милиционного типа

На какую военную силу в городах опирались магнаты Белоруссии и Литвы в проведении своей политики, какова была организация этой силы, на каких правовых основах базировалось комплектование городских ополчений, какое военно-политическое применение они имели? Документы и материалы советских и польских архивов дают возможность частично ответить на эти вопросы и осветить ранее не известную историкам сторону социальной жизни белорусских и литовских городов — организацию и функции городских ополчений в принадлежавших магнатам городах Великого княжества Литовского.

Дошедшие до нас источники и отрывочные данные исторической литературы дают лишь общее представление об организации, численности, вооружении и боевой подготовке городских ополчений милиционного типа. Больше всего таких материалов сохранилось о Слуцке, меньше о Несвиже, Биржах, Койданове. О других частновладельческих городах данные минимальны.

В условиях феодального строя магнаты Белоруссии и Литвы опирались в своей военной политике на принадлежавшие им города не только как укрепленные оборонительные пункты, но использовали их для мобилизации горожан в ополчения, для содержания постоянных гарнизонов и для концентрации в этих городах своих воинских формирований, состоявших из наемных солдат и офицеров и главным образом из военно-служилых людей, организованных в местные феодальные ополчения.

В случае необходимости магнаты собирали в качестве дополнительной военной силы к основным войскам вооруженные городские ополчения милиционного типа. Эти ополчения существовали с начала XVI в., во время обороны городов Белоруссии от набегов крымских татар. Как свидетельствуют летописцы, горожане вместе с отрядами феодалов защищали города. По-видимому, эти ополчения генетически связаны с ополчениями городов Киевской Руси.

Ополчения собирались в более крупных городах, имевших фортификационные сооружения, и использовались в большинстве случаев для обороны. В значительной мере в ополчениях были заинтересованы как магнаты, так и сами горожане, в том числе и трудящиеся, так как войны несли бедствия в первую очередь им; взятие

неприятелем местности сопровождалось грабежами, насилиями, убийствами, пожарами, эпидемиями, нередко значительными разрушениями. В обстановке феодальной анархии, частых войн и упадка центральной власти в Речи Посполитой городские ополчения были хоть и небольшой, но известной силой, которая могла защищать город, имущество и жизнь горожан. Эгоистическая политика магнатов, смотревших на городские ополчения, да и на сами города как на орудия и средства в своей политической игре, часто ставила горожан под удары. Таким образом, к использованию городских ополчений магнаты подходили с классовых позиций. Однако в условиях феодального строя другого выхода для создания организованной вооруженной силы у белорусских и литовских горожан не было. Как правило, магнаты всегда держали под контролем городские ополчения и, прибегая к ним, опирались на богатую городскую верхушку — членов магистрата и цеховую старшину. Таким путем предотвращались возможные выступления городской бедноты против самих магнатов и класса феодалов в целом. Но основную роль в предотвращении выступлений горожан против феодального гнета играли гарнизоны магнатских крепостей, состоявшие из наемных солдат и военно-служилых людей.

Самостоятельного военного значения городские ополчения частновладельческих городов Белоруссии и Литвы в отличие от феодальных ополчений не имели. Военное дело было одним из основных занятий феодалов в Великом княжестве Литовском, как и во всех странах Европы в эпоху феодализма. Городские ополчения милиционного типа в Западной Европе (особенно во Фландрии), несмотря на их некоторые успехи в развитии военного искусства в XIII—XIV вв., не получили признания. С военно-практической точки зрения наспех собранные, плохо вооруженные и недостаточно обученные эти ополчения значительно уступали рыцарской коннице или наемным войскам. Французский король Филипп VI, по свидетельству хрониста Фруассара, в середине XIV в. заявлял, что он будет водить в бой только дворян. Горожане, по его словам, балласт, который тает и исчезает в рукопашном бою, как снег на солнце. «Можно пользоваться их стрелками да золотом. Пусть сидят дома и охраняют своих жен и детей». Для военного дела, считал король, годятся толь-

ко дворяне, изучившие его и получившие соответственное воспитание с детских лет[64]. Такая точка зрения выражала не только высокомерие феодалов по отношению к горожанам, но и отражала реальную действительность в развитии военного дела в эпоху феодализма. Аналогичным было положение и в Великом княжестве Литовском. Лишь этим можно объяснить то обстоятельство, что городские ополчения существовали в основном в крупных, экономически более развитых частновладельческих городах, имевших достаточно сильные оборонительные сооружения. Самостоятельно городские ополчения в поле не выступали, в сражениях не участвовали, а вели боевые действия только во время обороны городов.

Военная служба основной массы городского населения — мещан — считалась повинностью в пользу владельца частновладельческого города, а не государства[65]. Поэтому магнат определял основные положения службы, а высшие чиновники его администрации или коменданты гарнизонов контролировали несение этой повинности.

В случае особой угрозы горожане обязаны были в составе ополчения с оружием в руках оборонять город («...чтобы каждый из мещан и гостей каких-либо, в нынешнее время в городе находящихся, сам с челядью своей и с оружием всяким выходил...»)[66]. Каждый горожанин обязан был участвовать в военных учениях («муштрах»), учебных стрельбах, содержать в порядке оружие. Для учебных стрельб предназначалось особое место, отводилось время[67].

Непосредственное управление городскими ополчениями осуществлял магистрат города, войт и назначаемые магистратом должностные лица. Все вопросы, касающиеся организации, управления, снабжения ополчения, решались на сессиях городских магистратов[68]. В случае

---

[64] Ганс Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. III. М., 1938, стр. 327.

[65] А. П. Грицкевич. Повинности жителей частновладельческого города Белоруссии в XVI—XVIII вв. «Материалы конференции молодых ученых АН БССР». Минск, 1962, стр. 117, таблица 1.

[66] Przyczynki do dziejów Słucka (1654—1660 rr,). «Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny», t. II. Warszawa, 1881, s. 145—146.

[67] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, лл. 6, 7.

[68] Materjaly historyczne (przez P. M. Iwanowskiego). «Athenaeum», t. III. Wilno, 1850, s. 4, 6; Przyczynki do dziejów Słucka (1654—1660 rr.). «Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny», t. II. Warszawa, 1881, s. 137—138.

военных действий воинскими единицами и подразделениями городских ополчений командовали офицеры и сержанты гарнизонов городов [69].

Состав ополчений колебался в зависимости от численности населения города. Так, в мае 1706 г. при осаде Несвижского замка войсками шведского короля Карла XII в составе гарнизона Несвижской крепости было местное городское ополчение из 110 мещан [70]. В декабре 1673 г. в Биржах насчитывалось 139 жителей-ополченцев. Городское ополчение Койданова в 60—70-х годах XVIII в. было также немалочисленным. Можно предполагать, что оно составляло не менее 130 человек, так как в этот период именно такое количество домохозяев-христиан было в Койданове [71], в условиях милиционной системы все горожане должны были участвовать в ополчении.

Наиболее крупным было слуцкое городское ополчение. Все мужское население, способное носить оружие, было распределено по полкам. Полки формировались по месту жительства, по районам города. Всего в Слуцке в июне 1655 г. было создано 4 полка (см. табл. 12). Полки делились на сотни и различались по количественному составу. Больше всего сотен было в двух полках войта слуцкого и Яна Стрельниковича, сформированных в Старом городе,— 10 сотен из 18. Полк, сформированный из жителей Нового города, Новомейский, по численному составу был равен Островскому, сформированному в предместье Слуцка — Острове. Жители другого слуцкого предместья Тройчаны входили в состав шестой сотни полка войта слуцкого.

Часть сотен представляла собой военные формирования из «лёзных людей», прибывших в Слуцк в военное время. Из них был укомплектован личный состав двух сотен полка Яна Стрельниковича (1-я и 2-я сотни «лёзных людей»), а также 4-я сотня «лёзного люда» Островского полка [72]. В формировании подразделений милиционного ополчения из «лёзных людей» проявилась политика администрации магната и городских верхов отделить эти при-

[69] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, miasto Słuck, Ustaw dla Miasta Słucka od Xcia Bogusława.

[70] E. Kotłubaj. Galerja nieświeżska portretów Radziwiłłowskich. Wilno, 1857, s. 410.

[71] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3374, лл. 22 об., 74; оп. 4, д. 1451, л. 1.

[72] РОБ АН Литовской ССР, ERS-889, s. 50—52.

Таблица 12

Полк	Количество сотен	Численность полка, человек
Пана войта Слуцкого	6	600
Пана Яна Стрельниковича	4	400
Новомейский	4	400
Островский	4	400
Всего 4	18	1800

Таблица 13

Полки	Количество сотен	Количество домов
Маркса	3	305
Олайкевича	4	549
Лапицкого	2	392
Итого	9	1246

шлые и часто беспокойные элементы от остальных людей для выполнения воинской повинности.

В сотне — единице древнерусского войска — насчитывалось первоначально 100 человек. Сотня на Украине в XVI—XVIII вв. в большинстве случаев тоже была представлена 100 человеками [73]. Такие сотни в городских ополчениях делились на десятки [74]. В слуцком городском ополчении летом 1655 г. насчитывалось примерно 1800 горожан-ополченцев.

Такая же десятичная система организации городского ополчения существовала и в других частновладельческих городах Великого княжества Литовского. В 1635 г. в Копыси было 5 сотен (названных по именам сотников) [75]; в 1643 г. в Шклове 11, в том числе 4 «Заднепровские» сотни. Эти сотни также делились на десятки [76]. В начале XVIII в. на сотни и десятки делилось городское ополчение частновладельческого Быхова [77]. В уставе литовского подканцлера графа Михаила Сапеги (1758 г.) отмечено, что ополчение Быхова подразделялось именно так [78].

---

[73] Большая Советская Энциклопедия, т. 40, 2-е изд., стр. 134.

[74] Акты Виленской археографической комиссии, т. XVIII. Вильна, 1891, стр. 257; AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey, 1661 г., 1664 г.

[75] AGAD, AR, dział XXIII, teka 27, plik 5, nr 4.

[76] Biblioteka Czartoryskich, Rkps. nr 4470, kk. 6—40.

[77] I. T. Baranowski. Trzy hrabstwa białoruskie. «Wieś i folwark». Warszawa, 1914, s. 267.

[78] I. T. Baranowski. Epigon feudalizmu na Białej Rusi. «Rocznik Towarzystwa przyjaciól nauk w Wilnie 1909», t. III. Wilno, 1910, s. 81.

В Биржах в 1673 г. городское ополчение состояло из 14 десятков, в каждом из них было по 10 человек (за исключением двух десятков)[79]. Аналогичный состав десятков был и в сотнях слуцкого ополчения, что подтверждает общую цифру количественного состава этого ополчения.

Так же как и в слуцком городском ополчении, система его комплектования в Биржах строилась по территориальному и социальному принципу: на «пописе» 1673 г. на правом крыле стояли два десятка членов магистрата (в состав этих десятков входили и жители городского центра — домов на рыночной площади), затем шли десятки горожан, отдельно был сформирован 14-й десяток из коморников[80].

Десятичная система деления на сотни и десятки существовала в Слуцке еще в 20-е годы XVII в.[81]. Во второй половине XVII в. количественный состав полков и сотен здесь изменился по сравнению с серединой XVII в. Это было вызвано ходом военных действий и миграцией населения. 7 июня 1661 г. был произведен «попис» города. На нем было представлено 3 полка из 10 сотен и отдельно монастырских юрисдичан — всего 1019 человек[82]. В 1681 г. в трех слуцких полках насчитывалось 1095 человек[83].

В инвентаре Слуцка 1689 г. еврейское население было тоже включено в городские полки и сотни. По данным этого инвентаря, здесь сохранялось деление горожан на три полка — два от Старого города (полки Маркса и Олайкевича) и один от Нового (полк Григория Лапицкого)[84]. Судя по данным, приведенным в табл. 13, в каждую сотню входило более 100 человек, в среднем по 138 только домохозяев, а если учесть только семьи мещан, которых в городе насчитывалось 1091[85], то и тогда состав сотни был в среднем 121 человек. Таким образом, к концу XVII в. количественный состав сотни в Слуцке возрос; лишь один полк — Островский — был упразднен после

---

79 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1451, л. 1.

80 Там же.

81 Акты Виленской археографической комиссии, т. XVIII, стр. 257.

82 AGAD, AR, dział XXIII, teka 137, Rejestra, Rachunki, Specyfikacye. Popis miasta Słuckiego w Roku 1661.7.VI.

83 Ibidem, teka 133, Rewizyia Domow w Słucku Roku 1681.

84 Ibidem, dział XXV, nr 3835/1, s. 1—135.

85 Подсчитано нами.

разрушения предместья Остров в 50-х годах XVII в. во время русско-польской войны.

Десятичная система деления горожан Слуцка на полки и сотни существовала и в XVIII в.[86] Даже к концу XVIII в., в 1777г. жители Слуцка были распределены по сотням (всего 5), но ремесленники, входившие в состав цехов, уже были выделены из этой сотенной организации[87]. В этот период сотни администрацией магната и городским магистратом использовались в значительной мере для сбора податей.

Полковая система деления жителей Слуцка использовалась владельцем города и городским магистратом в течение XVII и XVIII вв. не только для обороны города, но и выполнения сторожевой повинности (стража в воротах, на валах, пожарная охрана и т. д.), а также с фискальной целью: в полках и сотнях собирались налоги и различные сборы, причем делали это те, кто возглавлял военные единицы, из которых состояло ополчение. Полковники, сотники и подсотники освобождались от некоторых повинностей: сбора денег на насыпку валов («валовую работу»), на освещение улиц, от квартирных денег солдатам, от постоя солдат и офицеров гарнизона[88].

Десятичная система ополчения белорусского частновладельческого города связана с аналогичной системой феодальных городов Киевской Руси, а затем Новгорода, Пскова и других русских городов. Это сходство сотен в белорусском и русском феодальном городе еще более разительно, если учесть, что с течением времени до XVIII в. фискальный характер сотен все более усиливался как в Белоруссии, так и в России (так называемые посадские сотни в русских городах).

В военно-организационном отношении десятичная система ополчения белорусского феодального города, несомненно, восходит от такой же системы древнерусских городов, которые выставляли пехотную рать, состоявшую из сотен и десятков. Позднее очень сходная организация городского ополчения была в Новгороде и Пскове, войска

---

[86] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7431, л. 52; д. 7437, лл. 5, 13, 15; оп. 4, д. 5815, л. 25.
[87] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Inwentarz seu Dyspartyment Podatkow Całorocznych Miasta Słucka, 25.V 1777.
[88] AGAD, AR, dział XXV, nr 3835/1, s. 1—135.

которых также состояли из полков и сотен [89]. Сотни и десятки были в стрелецком войске в Русском государстве с XVI в. В более поздний период сотни сохранились до XX в. в казачьих конных и пеших частях.

В городском ополчении существовала соответствующая организационная структура должностных лиц, предводителей военных единиц. Специального военачальника из мещан, который бы руководил всеми четырьмя городскими полками, не было. Это объясняется тем, что от предводителей обороны города и городского ополчения (около 2 тыс. человек) требовались специальные военные знания, что было не под силу кому-либо из членов городского магистрата. Кроме того, даже при строгом отборе магнатом кандидатов на высшие городские должности владелец города, исходя из интересов класса феодалов, опасался все же передавать единоличное руководство городским ополчением представителю мещан. Главным образом поэтому такого военачальника в Слуцке не было.

В то же время назначение предводителей военных единиц осуществлялось городским магистратом. Во внутренние дела городского ополчения администрация магната вмешивалась уже не столь рьяно, полагая, что городская верхушка, паны-мещане, не допустят к командирским должностям кого-либо из бедноты. Таким образом, и в организации городского ополчения магнаты умело играли на противоречиях, существовавших среди самих горожан, поддерживая, как и в ряде других вопросов, городские верхи.

Книги протоколов заседаний слуцкого магистрата второй половины XVII в. содержат решения об обороне города и организации городского ополчения. Городские полки и сотни упоминаются в декабре 1654 г.[90] 20 июля 1655 г., в период войны между Русским государством и Речью Посполитой, «городская сессия» приняла решение о ревизии оружия и боевого снаряжения в четырех городских полках. «На этой сессии были избраны новые начальники, принадлежащие к полкам»[91]. Были избраны четыре полковника: пан войт слуцкий (из богатой купеческой

---

[89] Е. А. Разин. История военного искусства, т. II. М., 1957, стр. 60, 148.

[90] Materjały historyczne (przez P. M. Iwanowskiego). «Athenaeum», t. III. Wilno, 1850, s. 2.

[91] РОБ АН Литовской ССР, ERS-889, s. 50.

семьи Семен Волкович) [92], пан Ян Стрельникович, командир Новомейского полка Максим Петрыка и командир Островского полка Микита Дзёртка. Эти лица принадлежали к богатой верхушке горожан. Видимо, при назначении на посты учитывались не только их влияние и богатство, но и определенные организаторские способности, личная храбрость. Эти качества могли проявляться у белорусских купцов во время разъездов с товарами, при нападениях на них разбойников или шляхтичей.

При каждом полковнике был «поручик полковничий», являвшийся помощником командира полка. В полках в зависимости от количества сотен были сотники — командиры сотен и 1—3 помощника сотников («подсотники», или «подсотничие»[93]). В 1655 г. были сотники и без подсотников. Младшими командирами были десятники, хотя в списке командного состава, утвержденного сессией магистрата, они не значатся. Всего в июле 1655 г. в городском ополчении Слуцка насчитывалось четыре полковника, четыре «поручика полковничих», 18 сотников, 18 их помощников [94]. В протоколе сессии магистрата назначение младших командиров (десятников) не зафиксировано. По-видимому, это не входило в компетенцию городского магистрата и десятники назначались самими полковниками. Аналогичные должности были и в других частновладельческих городах Великого княжества Литовского. В XVIII в. в Быхове были сотники и десятники [95]. Сотники значатся и в Копыси в 1635 г.[96], в Шклове в 1643 г. [97]

В случае вакансии должности полковников замещались решением сессии городского магистрата. Так, в протоколе заседания магистрата от 30 октября 1674 г. говорилось: «...Полковничья должность в городе Старом и Новом вакантна. На которую нужно, чтобы особа по выбору панов коллег (членов магистрата.— *А. Г.*) была избрана и поставлена»[98]. Таким же способом замещались

---

[92] Минская старина, вып. IV, стр. 36.
[93] AGAD, AR, dział XXIII, teka 137; teka 151; dział XXV, nr 3835/1, s. 1—135.
[94] РОБ АН Литовской ССР, ER|S-889, s. 34, 50—52.
[95] I. T. Baranowski. Trzy hrabstwa białoruskie. «Wieś i folwark». Warszawa, 1914, s. 267.
[96] AGAD, AR, dział XXIII, teka 27, plik 5, nr 4.
[97] Biblioteka Czartoryskich, Rkps. 4470, kk. 6—40.
[98] AGAD, AR, dział XXIII, teka 151, Księga Mieyska...

должности поручика и сотника, причем обычно один из сотников производился в следующий чин. Протоколы магистрата отмечают, что на эти должности «избирались» паны-мещане [99]. Однако представление на эти должности производилось полковниками. Этот обычай настолько укоренился, что магистрат иногда не использовал свою функцию утверждать назначение. Так, 16 августа 1679 г. полковнику Яну Стрельниковичу было предложено, «чтобы сотников прежних от должности отрешил и более способных поставил на предстоящем генеральном пописе» [100].

Вооружение ополчения в основном соответствовало уровню развития военного дела того времени. Богатые и состоятельные мещане могли приобретать самое современное вооружение: мушкеты, сабли, ружья, пистолеты.

Так, в 1678 г. у богатого слуцкого мещанина Ивана Скочкевича, старосты Спасского православного братства, были сабля в серебряной оправе «по-казацки», пара торунских мушкетов и огнестрельное оружие «во множественном числе» [101]. Стоило оружие дорого. Мушкеты, хранившиеся в 1673 г. в слуцком городском цейхгаузе, стоили по четыре злотых каждый [102]. Однако такая цена на огнестрельное оружие была по карману купцам и ремесленникам-мастерам.

Бедные мещане имели лишь рубящее холодное оружие (например, бердыш). Мещане белорусских городов носили с собой сабли и другое оружие. Именно поэтому все цеховые уставы запрещали приносить с собой оружие членам цеха на цеховые сходки во избежание кровопролития во время споров на заседаниях. В уставе слуцкого цеха скорняков от 1 января 1662 г. отмечалось: «На сходку собравшись, братья старшие и младшие, ни один не должен при себе иметь оружия, приспособленного к бою...» [103] В уставе чулочников от 7 ноября 1664 г. значилось: «На сходку собравшись, братья старшие и младшие, ни один не должен при себе иметь саблю, палаш, нож, ни какого-либо другого оружия, приспособленного к

---

99 AGAD, AR, dział XXIII, teka 151, Księga Mieyska...

100 Ibidem.

101 Минская старина, вып. IV. (Тройчанский архив). Минск, 1913, стр. 74.

102 AGAD, AR, dział XXIII, teka 151.

103 Ibidem, teka 134, s. 19; teka 154. nr 18, s. 17.

бою...»[104] Такое же запрещение записано в уставах цехов шорников и седельщиков, сафьянников, слесарей, кузнецов, ткачей, сапожников сафьянницкого ремесла [105].

Магнаты Белоруссии и Литвы обязывали горожан иметь оружие и содержать его в исправном состоянии. Так, каждый биржанский мещанин должен был иметь свой мушкет и холодное оружие (записано в уставе князя Богуслава Радзивилла в 60-х годах XVII в.). В привилее Биржам на городское право в 1683 г. княгиня Людовика Каролина установила, что каждый мещанин обязан был иметь алебарду или мушкет и саблю [106]. В Быхове каждый мещанин в начале XVIII в. должен был иметь пищаль [107]. Повинностью слуцких мещан также было (записано в инвентаре 1751 г.) содержать оружие для военной службы [108].

Иногда постановления о вооружении мещан выносили не магнаты, а мещане самоуправлявшихся городов. 27 сентября 1592 г. было принято «постановление города Несвижа: войта, бурмистров, райцев и лавников и всей рады и поспольства всего города Несвижа», в котором говорилось, что каждый мещанин был обязан на основании более раннего постановления магистрата иметь пищаль, порох, пули. Не выполнивший этого требования платил штраф в городскую казну — одну копу грошей литовских [109]. В Слуцке по уставу 1621 г. не имевший исправного оружия горожанин платил в городскую казну четыре копы [110].

В постановлении слуцкого магистрата от 23 февраля 1655 г. говорилось, что комендант города придал каждому полковнику городского ополчения двух офицеров гарнизона, которые должны были проверять оружие в домах мещан [111]. Во время войны такие ревизии проводились в

---

104 AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, s. 37, teka 154, nr 18, s. 94.
105 Ibidem, teka 134, s. 56, 70, 88, 100; teka 154, nr 18, s. 23, 54, 63, 72, 83, 134.
106 E. Tyszkiewicz. Birże. Rzut oka na przeszłość miasta, zamku i ordynacyi. Petersburg, 1869, s. 136—137.
107 I. T. Baranowski. Trzy hrabstwa białoruskie. «Wieś i folwark». Warszawa, 1914, s. 268.
108 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 7.
109 Там же, д. 1338, л. 31.
110 AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna porządku dla Miasta Słucka, k. 7.
111 Materjały historyczne (przez P. M. Iwanowskiego). «Athenaeum», t. III. Wilno, 1850, s. 4.

городах ежемесячно (как это было в Биржах в 1648—1649 гг.) [112]. В приказе слуцким мещанам на случай осады и штурма города (от 31 августа 1655 г.) отмечалось, «чтобы каждый свое оружие имел дома наготове, а также порох и пули»[113]. Этот же приказ предусматривал, чтобы во время штурма оборонявшиеся на городских валах мещане, которые не имели ружей, а лишь холодное оружие, приносили с собой «по пять камней величиной с кулак» для обороны. Часть ополченцев была вооружена пищалями [114]. На «пописе» трех полков Слуцка 7 июня 1661 г. у 760 хозяев с «домашними» и 259 «гостей и лёзных» насчитывалось 532 ружья и 766 единиц холодного личного оружия [115].

В крупных частновладельческих городах существовали городские цейхгаузы, в которых в мирное время хранились оружие мещан, снаряжение и боеприпасы. В рескрипте князя Богуслава Радзивилла слуцким горожанам (1661 г.) предлагалось, чтобы каждый мещанин, записавшийся в городские книги, «от себя в цейхгауз публичный городской, для своей собственной потребности отдал мушкет фитильный...» Князь давал гарантию, что принадлежащее мещанину оружие не будет взято для нужд гарнизона крепости [116].

Магнат не заставлял мещан покупать за свой счет более дорогое современное оружие (мушкеты с колесцовым или с кремневым замком). В этом проявилось его стремление дать возможность вооружиться гораздо большему количеству мещан. Это требование означало и то, что магнат смотрел на городское ополчение как на вспомогательную силу в случае осады города и поэтому обращал не столь пристальное внимание на вооружение ополченцев более современным огнестрельным оружием.

Вооружая горожан для обороны, владелец города в то же время опасался восстания населения. Поэтому наряду с содержанием сильного гарнизона он обязывал в обычное время всех жителей хранить оружие в цейхгаузе [117].

---

[112] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 693-2, л. 21.
[113] Przyczynki do dziejów Słucka (1654—1660 гг.). «Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny», t. II. Warszawa, 1881, s. 138.
[114] Ibidem.
[115] AGAD, AR, dział XXIII, teka 137.
[116] Ibidem, teka 154.
[117] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 5.

Сбор городского ополчения проходил в порядке, предусмотренном военными уставами эпохи средневековья. Обычно это был выстрел из пушки, барабанный бой — общий сигнал тревоги для гарнизонов магнатских крепостей или стук в городские бубны, как свидетельствует постановление магистрата и мещан Несвижа от 27 сентября 1592 г. Уклонение от воинской повинности наказывалось денежными штрафами. В несвижском городском ополчении, как и в ополчениях других городов, принимали участие не только домохозяева, но и «коморники», снимавшие комнаты («коморы») у домовладельцев. В постановлении говорилось: «...А в бубен как только ударят, чтобы сразу приходили, а особенно мужчины и хозяева особами своими так, как для необходимости, под виною 12 грошей на городской урад...»[118]

На случай нападения на город, например на Слуцк, комендант разработал приказ о действиях городского ополчения при осадном положении. Приказ этот был утвержден «городской сессией» 31 августа 1655 г. и предусматривал строгую дисциплину во время военных действий, объясняющуюся как военной необходимостью, так и предупреждением каких-либо волнений среди городской бедноты. В случае тревоги запрещалось звонить в колокола, стучать в бубны и собираться в толпы. Все мещане (по сотням) должны были выходить из дому на отведенные полкам и сотням места обороны на городском валу. Сотни должны были во всеоружии выступить на отведенные им участки после сигнала — выстрела из пушки в Верхнем замке. Если время позволяло, сотни собирались в полк, в случае же острой необходимости самостоятельно вступали в бой. Таким образом, сотня была основной тактической единицей в ходе боя. Во время штурма горожанам запрещалось кричать, ругать неприятеля, следовало действовать оружием, внимательно слушая приказы офицеров гарнизона, приставленных к сотням в качестве военных советников. Запрещалось стрелять на дальнее расстояние, а лишь в упор. С целью создания необходимой плотности огня на валах ополченцы, имевшие огнестрельное оружие, равномерно распределялись с теми, у кого было холодное оружие и камни. Под угрозой смертной казни запрещалось покидать оборо-

[118] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1338, л. 31.

няемые позиции в том случае, если в городе начинались пожары. Для тушения привлекались только женщины. Неукрепленные предместья сжигались, чтобы затруднить противнику возможность обстреливать город. Так, в 1655 г. было сожжено предместье Слуцка — Остров. Вводился рацион продуктов на случай долговременной осады города [119]. Только благодаря таким строгим мерам командованию гарнизона удалось поддержать дисциплину и отстоять город во время его осады в сентябре 1655 г. войсками князя Трубецкого. Этот приказ свидетельствует, что в оперативно-тактическом отношении городское ополчение подчинялось военному командованию, состоявшему из кадровых офицеров и служившему интересам феодалов.

Таким образом, военно-тактическое применение городских ополчений было ограничено. Их основное и повсеместное назначение определялось условиями феодальной эпохи: быть вспомогательной силой в случаях осады городов-крепостей неприятельскими отрядами. Основными военными формированиями в XVI—XVIII вв. в Белоруссии оставались феодальные ополчения и наемные войска. Однако бывали случаи, когда магнаты использовали городские отряды в качестве наступательной силы в вооруженных спорах одних феодалов против других. В этих случаях городское ополчение играло ту же роль, что и отряды шляхты или военно-служилых людей. Так, вместе с отрядами военно-служилых людей городское ополчение Быхова в XVIII в. участвовало в обороне границ владений своего магната [120]. При этом боевая выучка ополченцев не принималась в расчет командовавшими феодалами, стремившимися добиться своей цели, не считаясь с потерями, которые несло это ополчение. Такой случай произошел с койдановскими мещанами во второй половине XVIII в., когда Койданов и Койдановское графство были переданы Радзивиллами «в заставу» князьям Воронецким (с 1760 по 1778 г.). Управляющий графством пан Дрессель, назначенный Воронецкими, заставил койдановских мещан собрать ополченцев и вооружиться за свой

---

[119] Przyczynki do dziejów Słucka (1654—1660 rr.). «Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny», t. II. Warszawa, 1881, s. 138.

[120] I. T. Baranowski. Epigon feudalizmu na Białej Rusi. «Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie 1909», t. III. Wilno, 1910, s. 81.

счет. Затем он велел им совершить наезд на имение панов Костровицких в Новоселках. Во время этой военной экспедиции боевая удача не сопутствовала койдановскому ополчению. Войт Николай Поночка был убит, погибло много мещан, немало было и покалечено, оружие у оставшихся в живых было отобрано [121]. Таким образом, за междоусобную борьбу феодалов в условиях анархии, которой характеризовалась политическая жизнь в Речи Посполитой в XVIII в., расплачивались горожане. В полевых условиях городское ополчение не могло противостоять шляхетскому отряду.

Одной из форм поддержания военной дисциплины в мирное время, что являлось одновременно и повинностью жителей частновладельческого города, были так называемые «пописы генеральные»[122]. В какой-то определенный день всем горожанам (или по сотням в течение нескольких дней) вменялось в обязанность явиться с исправным оружием на одну из городских площадей или определенное место возле города. В Слуцке для «пописов» была отведена площадь перед Новой крепостью (замком) в 0,198 га [123]. Все участвовавшие в «пописе» заносились в особую ведомость вместе со сведениями об их оружии и военном снаряжении. Уклонение от «пописов» строго преследовалось. «Пописы» назначались иногда раз в квартал (в Биржах в 1636 г.) [124] или в зависимости от обстоятельств. Так, в августе 1672 г. слуцкий магистрат в связи с войной Речи Посполитой против Турции и Крыма принял меры к обороне города. Сотникам каждого городского полка было приказано распорядиться, чтобы люди имели наготове ружья, порох и пули и чтобы через неделю после объявления приказа вышли на «генеральный попис»[125].

Обычно «пописы» проводились по одному разу в год, как это было в Быхове [126] и в Слуцке [127]. По уставу Слуц-

---

[121] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3374, лл. 22 об., 25 об.
[122] Przyczynki do dziejów Słucka (1654—1660 гг.). «Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny», t. II. Warszawa, 1881, s. 145.
[123] ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 5, л. 29 об. Подсчет наш.
[124] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 693-2, л. 9.
[125] AGAD, AR, dział XXIII, teka 151, Księga Mieyska...
[126] I. T. Baranowski. Trzy hrabstwa białoruskie. «Wieś i folwark». Warszawa, 1914, s. 268.
[127] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna porządku dla Miasta Słucka, k. 7.

ка 1621 г. «пописы» продолжались в течение трех дней в декабре в присутствии старосты, капитана (коменданта крепости) и войта. При этом тщательно проверялось оружие [128].

В военное время на «попис» с оружием должны были явиться не только горожане, но и временно жившие здесь мещане других городов Белоруссии, как частновладельческих, так и королевских, вместе со своими слугами. Духовенство, жившее в городе, обязано было выставлять на «попис» своих слуг с оружием [129]. Однако эти постановления военного времени исходили не от городского магистрата, а от наместников магната [130].

Таким образом, магнаты даже при проверке боеспособности горожан не передоверяли военной власти магистрату, хотя на «попис» прибывали как мещане, так и другие жители города. В случае же осады на городские валы призывалась даже шляхта, жившая в городе. Обычно такому призыву предшествовали переговоры коменданта крепости с представителями шляхты [131]. В обороне города принимало участие и еврейское население, которое в середине XVII в. не было включено в городские полки. В протоколе сессии магистрата Слуцка 19 января 1655 г. отмечалось, что «...евреи в этом городе свою оборону имеют» [132]. В конце XVII в. еврейское население Слуцка уже было распределено по городским полкам. В эти полки были включены и поселившиеся в Слуцке поляки, немцы, русские [133].

Об участии в городском ополчении других групп населения свидетельствует и универсал князя Михаила Казимира Радзивилла, данный Несвижу (август 1654 г.). В нем говорилось, что евреи, которые построили свои дома на городских пляцах, должны были подчиняться магистрату в выполнении сторожевой и оборонной повинности, насыпке валов и участии в «пописах» [134].

---

[128] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna..., k. 7.
[129] Przyczynki do dziejów Słucka (1654—1660 гг.). «Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny», t. II. Warszawa, 1881, s. 145—146.
[130] Ibidem, s. 145.
[131] Przyczynki do dziejów Słucka..., s. 146.
[132] Materjały historyczne (przez P. M. Iwanowskiego). «Athenaeum», t. III. Wilno, 1850, s. 3.
[133] AGAD, AR, dział XXV, nr 3835/1, s. 1—135.
[134] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1361, л. 22.

Таким образом, если вначале городские ополчения в частновладельческих городах Великого княжества Литовского состояли из мещан, то впоследствии в них входили все горожане, принимавшие присягу в «подданстве» магнату, владельцу города. Это было связано не только со стремлением магната усилить оборону своей крепости, но и с целью унифицировать повинности, в том числе и оборонные, для всех сословно-религиозных групп городского населения.

Магнат требовал от мещан, чтобы они сами присутствовали на «пописе». В военном наказе Януша Радзивилла бурмистрам и всей раде Биржи 8 декабря 1648 г. было предложено городским властям строго «следить, чтобы каждый из дома своего особой своей выходил на попис, не отбывая его работником или каким-нибудь нанятым гультаем» [135].

Однако на практике богатые горожане или вдовы-мещанки выставляли вместо себя наемников [136]. И в военных действиях вместо богатых горожан, таким образом, принимали участие наемники из бедноты. Этот принцип замены участника городского ополчения выставленным взамен себя «пахолком» был полностью взят у феодалов: в войско Великого княжества Литовского на «пописы» и в походы шли выставленные в случае отсутствия мелких феодалов «пахолки» [137].

В отдельных случаях городские ополчения частновладельческих городов Великого княжества Литовского имели не только пехотные части и подразделения, но и такие роды войск, как конница и артиллерия. Устав Слуцка от 5 мая 1621 г., подписанный правителем княжества во время малолетства князя Богуслава Радзивилла — его дядей Крыштофом Радзивиллом, гетманом польным литовским, предусматривал создание отряда кавалерии в составе городского ополчения: «Каждый, на Рынке проживающий, и каждый купец, коморы свои на рынке имеющий, и каждый цехмистр должен в доме своем иметь хорошее седло и все конное снаряжение... и сами сотники как ружья, с оружием, так и конное снаряжение... в домах своих иметь

---

[135] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 693-2, л. 21.
[136] Там же, д. 1451, л. 1.
[137] См. Русская историческая библиотека, т. 33. Петроград, 1915. Литовская метрика, столб. 484—1374.

всегда должны будут»[138]. Таким образом, в первой половине XVII в. здесь был не только отряд конного городского ополчения, но и командиры пехотных войсковых единиц — сотники — выступали в случае обороны конно.

Характерно, что кавалерийский отряд горожан состоял из богатых горожан. По-видимому, он был вспомогательным отрядом городского ополчения и использовался комендантом крепости для усиления конных вылазок кавалерийских отрядов гарнизона в случаях осады города. Верхушка слуцких мещан, отправлявших военную повинность конно, напоминает аналогичную социальную группу конных мещан витебских, живших в самом городе Витебске и уравненных привилеем 1597 г. с остальными витебскими мещанами (в отличие от конных мещан посельских)[139]. И в Слуцке часть городской верхушки (купечества) была представлена выходцами из феодалов-бояр, поселившихся в XV—XVI вв. в самом городе[140].

В последующих документах середины XVII в. упоминания о городской коннице в Слуцке и службе горожан в качестве кавалеристов нет. Необходимость иметь кавалерийский отряд в составе городского ополчения отпала, так как владелец города в несколько раз увеличил гарнизон, включив кавалерийские части в его состав. Эти отряды, составленные из наемников или военно-служилых людей, лучше отвечали своему назначению и были более надежным инструментом с военной точки зрения.

В одном из привилеев, данным князем Крыштофом Радзивиллом горожанам Бирж в мае 1636 г. после консультации с мещанами, указывалось, что взамен расширения прав горожане будут нести определенную воинскую повинность по обороне этого пограничного города и замка. «Пописы» вводились раз в квартал с тем, чтобы проверять способности мещан стрелять из пушек, кроме проверки их вооружения как пехотинцев[141]. Это единственный известный нам случай использования городских ополченцев в качестве артиллеристов.

---

[138] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna porządku dla Miasta Słucka, k. 7.

[139] И. Лаппо. К истории сословного строя Великого княжества Литовского. Конные мещане Витебские в XVI столетии. «Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому». М., 1909, стр. 270, 275.

[140] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 2.

[141] Там же, д. 693-2, л. 9.

В целях боевой подготовки мещан магнаты предписывали городским властям проводить учебные стрельбы, военные учения, парады. В рескрипте князя Богуслава Радзивилла слуцким мещанам от 25 января 1662 г. отмечено, что для учебных стрельб предназначалось особое место и отводилось время [142]. Каждый горожанин и в середине XVIII в. обязан был участвовать в военных учениях и учебных стрельбах [143]. Быховские мещане в XVIII в. обязаны были участвовать в военных учениях под руководством десятников и сотников [144].

В боевую подготовку белорусских мещан магнаты привносили и значительный элемент чисто спортивных состязаний с целью, как они писали, «приохотить горожан к боевой готовности». Генеральные «пописы» заканчивались спортивными состязаниями по стрельбе, условия которых определялись магнатом. В уставе Слуцка 1621 г. князь Крыштоф Радзивилл записал, чтобы на учебных стрельбах присутствовали староста княжества (наместник князя), капитан (комендант крепости) и войт, которые и были судьями этих стрелковых состязаний. Они определяли лучших стрелков. Если в цель попадали многие, то приходилось стрелять по мишеням повторно. Состязание длилось до тех пор, пока не выбывали все проигрывавшие, за исключением трех лучших стрелков. Победителей торжественно объявляли судьи, выдавали им аттестаты. Эти три победителя получали награды: освобождались на год, до очередного «пописа», от чинша и от всяких городских повинностей, за исключением оборонной. Кроме этих состязаний вводились ежемесячные соревнования, но не для всех, как это было на «генеральном пописе», а лишь для добровольцев. Магнат устанавливал для подобных соревнований три премии из княжеской казны: занявший первое место получал мушкет, за второе — саблю, за третье — пику [145].

Такой же обычай был введен в 1731 г. в Несвиже владельцем города князем Михаилом Казимиром Радзивиллом (Рыбенько). Ссылаясь на давний обычай во многих

---

142 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 6.
143 Там же, л. 7.
144 I. T. Baranowski. Trzy hrabstwa białoruskie. «Wieś i folwark». Warszawa, 1914, s. 268.
145 AGAD, AR, dział XXIII, teka 133, Ustawa ogólna porządku dla Miasta Słucka, k. 7.

городах Европы и в самой Речи Посполитой (например, «курковое братство», организация мещан-стрелков в Кракове и в других городах Польши), Радзивилл для подготовки мещан к обороне города и замка ввел ежегодные состязания по стрельбе. Они проводились в начале лета в торжественной обстановке на специально отведенном месте за монастырем бенедиктинок. Право первого выстрела принадлежало князю или лицу, назначенному им. Второй стреляла жена магната или по ее повелению кто-нибудь другой. Третьим — губернатор Несвижского замка, четвертым—войт, затем поочередно члены магистрата и все жители города, пришедшие на состязание со своими ружьями. Назначенные судьи определяли победителя, пуля которого попала в середину цели. Победитель провозглашался на год «королем» и после соревнований в городской ратуше получал в награду бархатный («аксамитовый») пояс с серебряными пластинками. Если судьи признавали двух или трех победителей, выстрелы которых одинаково поразили цель, назначался повторный тур состязаний между ними до тех пор, пока не определялось первое место.

В привилее князя предусматривался случай, когда первое место занимал сам магнат, его жена или губернатор. Победитель уступал свое место любому жителю Несвижа, и тот получал титул «короля». Наградой первому стрелку города, имя которого записывалось в протоколы несвижского магистрата, было освобождение на год с одного пляца от всех повинностей как в пользу владельца города, так и в пользу магистрата, а также освобождение от податей в казну Речи Посполитой. Победитель освобождался и от уплаты в аренду княжеской казны и города сбора за выкурку определенного количества пива и браги. Чемпион должен был приобрести за свой счет серебряную табличку весом в 1 лот (11,69275 грамма.— *А. Г.*) с выгравированными на ней именем победителя и годом, в котором он добился успеха. Табличка прикреплялась к поясу. Вместе с тем победитель назначался на год смотрителем «шихауза» (места для стрельбы) со всеми сооружениями и приспособлениями [146].

Магнаты способствовали обучению горожан стрельбе и тренировкам не только вручением призов и установле-

---

[146] Текст привилея опубликован в кн.: B. Taurogiński. Z dziejów Nieświeża. Warszawa, 1937, s. 62, 65—66.

нием льгот победителям. В одном из распоряжений Богуслава Радзивилла слуцкому магистрату в 60-е годы XVII в. указывалось, что для тренировки мещан в стрельбе князь запретил лавочникам брать прибыль больше двух грошей с фунта при продаже пороха мещанам и городской молодежи. Таксу устанавливал войт. За Слуцком, на берегу реки Бычок с начала лета мещанам и городской молодежи разрешалось каждое воскресенье и по праздникам после обеда стрелять в цель. Победители награждались подарками[147].

Более постоянным видом войсковых единиц, кроме городского ополчения, были набранные из горожан отряды городских выбранцев. Такие отряды были известны в белорусском частновладельческом городе Слуцке во второй половине XVII — первой половине XVIII в.

Городские выбранцы в Слуцке существовали наряду с постоянным составом выбранецких рот, находившихся в слуцком гарнизоне[148]. Набирались они на основе добровольного принципа из мещан, которые освобождались от повинностей в пользу города и магната. При этом городские выбранцы не оставляли своих занятий ремеслом и торговлей. Они отличались от выбранцев, живших в шести деревнях около Слуцка, тем, что в состав гарнизона магнатских войск не входили.

В инвентаре Слуцка 1689 г. среди городских выбранцев встречаются суконщик, чулочник, скорняк, солодовник, мясник, шаповал, «фурман». Но известную часть их составляла городская беднота—«лёзные» и «подсоседи», не имевшие часто своих домов[149]. В отличие от других горожан они больше времени уделяли военной муштре под командой специально назначенного князем (по представлению городского магистрата) поручика, профессионального солдата. Поручик городских выбранцев получал от магистрата жалованье и форму. Магистрат оплачивал и выбранецкого барабанщика[150]. У городских

[147] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Miasto Słuck, Ustaw dla Miasta...
[148] А. П. Грицкевич. Материалы из истории слуцких выбранцев как источник по крестьянской генеалогии. «Советское славяноведение», 1973, № 5, стр. 60—69; А. П. Грыцкевіч. Беларускія выбранцы. «Полымя», 1970, № 11, стар. 249—253.
[149] AGAD, AR, dział XXV, nr 3835/1, s. 9—130.
[150] Ibidem, dział XXIII, teka 151, Księga Mieyska...

выбранцев были также свои писарь, составлявший списки, подхоронжий [151] и, видимо, хоронжий.

Численность городских выбранцев была неодинакова. В 70—80-е годы XVII в. количество их превышало сто. Так, в протоколе сессии магистрата Слуцка от 7 февраля 1680 г. было записано, что поручику выбранцев из цейхгауза было выдано 82 мушкета для раздачи. Сессия магистрата 25 июня 1680 г. решила вопрос о покупке для городских выбранцев 100 штук фитильных мушкетов. Магистрат констатировал 25 июня 1682 г., что количество выбранцев из «лёзных мещан» увеличено на 26 человек и им выданы мушкеты [152]. Таким образом, городские выбранцы насчитывали в этот период примерно 130 человек. В первой половине XVIII в. количество их сократилось. В 1728 г. в Слуцке было всего лишь три городских выбранца [153]. Такое незначительное их количество в этот период объясняется тем, что магнат не особенно нуждался в притоке в свои воинские формирования людей из города — у него было достаточно солдат из сельского населения (военно-служилых людей — земян, выбранцев, бояр), да и с экономической точки зрения невыгодно было магнату отвлекать от торговли и ремесла горожан.

Городские ополчения на протяжении всего периода XVI—XVIII вв. сохранились лишь в городах, принадлежавших магнатам Белоруссии и Литвы. Опубликованные в литературе данные свидетельствуют, что в королевских городах Белоруссии такой вооруженной силы не было. Хотя магистраты Могилева, Полоцка и Минска предписывали цехам иметь свое оружие, однако городское ополчение не составляло постоянную организацию и не имело четкой системы и самостоятельного значения, как это было в частновладельческих городах. Собирали такие ополчения в королевских городах феодалы очень редко. Во второй половине XVII и в XVIII в. сбор городских ополчений в королевских городах Белоруссии вообще уже не практиковался. Это было связано в первую очередь с общим социально-политическим строем в Речи Посполитой, феодалы которой не очень доверяли мещанству Белоруссии, особенно во время частых войн с Русским государством в XVI—XVII вв. Кроме того, военное значение го-

---

[151] AGAD, AR, dział XXV, nr 3835/1, s. 68, 92.
[150] I b i d e m, dział XXIII, teka 151, Księga Mieyska...
[153] ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 5, лл. 16, 25, 33.

родских ополчений в период создания регулярных армий было небольшим.

Ополчения, состоявшие из жителей частновладельческих городов, как уже отмечалось, были вспомогательной военной силой магнатов, которая играла известную роль в политике, проводимой феодалами Великого княжества Литовского, участвовали в «домашних войнах» магнатов. Основным, а часто и единственным источником формирования городских ополчений были мещане. Ополчения белорусских частновладельческих городов генетически связаны, как это следует из их организации, с ополчениями древнерусских городов, феодальных республик (Новгорода, Пскова). Служба в ополчении была повинностью мещан в пользу магната, который контролировал ополчение, отдавая руководящие посты в нем верхушке городского общества.

Наряду с чисто военным применением войсковые единицы ополчения (полки, сотни, десятки) были удобной формой выполнения повинностей. К концу XVIII в. эта фискальная функция военных единиц почти целиком заменила первоначальную основную задачу ополченцев-горожан — военную службу.

В организационном отношении городские ополчения отличались как от феодальной армии Речи Посполитой (войска Великого княжества Литовского, коронного войска), так и от воинских формирований в частных армиях магнатов Белоруссии и Литвы.

В условиях нараставшей в XVII—XVIII вв. феодальной анархии в Речи Посполитой потребность магнатов Белоруссии и Литвы в военной силе возрастала. Поэтому наряду с феодальными ополчениями, военно-служилыми людьми в сельской местности в обороне магнатских владений участвовали и городские ополчения. Частновладельческий город был для магната не только источником доходов, но и представлял в целом военную опору. В этом смысле в повинностном отношении сословие горожан приближалось к мелким служилым феодалам, вольным людям, к верхушке крестьянства, которая также должна была отправлять воинскую службу в пользу магната. Мещане в частновладельческом городе, владевшие городскими землями при условии несения ряда повинностей, в том числе и военной, приближались к низшей группе вассалов и еще больше отделялись от крепостных крестьян. В то же

время участие мещан белорусских частновладельческих городов в собираемых магнатами военных ополчениях усиливало зависимость горожан от владельца города. Во второй половине XVIII в. магнаты все менее стремились опираться в военном отношении на мещан и других горожан частновладельческих городов. Горожане все же не могли сравняться по боевым качествам с войсками, они участвовали в феодальных междоусобицах неохотно. К концу XVIII в. военная роль городских ополчений стала падать, а сама организация полков и сотен потеряла свой военный характер, превратилась в административные и фискальные единицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из особенностей исторического развития Великого княжества Литовского было существование на его территории частновладельческих городов вплоть до конца XVIII в. Почти все они в Белоруссии и Литве принадлежали крупным феодалам — магнатам. В XVI—XVIII вв. они составляли 40—49% всех городов. Удельный вес их увеличился во второй половине XVII—XVIII в. за счет роста городских поселений и превращения некоторых местечек в города. Основные из них находились в центре и северо-восточной части Белоруссии. По величине и населенности они относились к средним и малым городам. Эти города были административными, политическими и экономическими центрами магнатских латифундий, лишь некоторые были крупными ремесленными и торговыми центрами. Частновладельческие города были одним из органических компонентов в развитии феодального общества Белоруссии, оказывали определенное влияние на социально-экономическую и политическую жизнь страны.

Процесс формирования городского населения в частновладельческих городах в известной мере отличался от этого процесса в королевских. Для королевских, как известно, большое значение имело бегство крестьян в город и перевод самими феодалами своих крепостных ремесленников из деревень в феодальные юрисдики в городах. В частновладельческих этот источник формирования городского населения имел меньшее значение и проявлялся своеобразно. При основании городов и местечек или превращении сельских населенных пунктов в городские магнаты переводили крестьян в сословие мещан. Приток же беглых крепостных в эти города был

значительно меньшим, чем в королевские. Иногда магнат переселял крепостных в город, если у него возникала необходимость привлечь их для выполнения каких-либо обязанностей или для пополнения городского населения. Переселение крепостных в феодальные юрисдики в частновладельческих городах почти не применялось из-за немногочисленности шляхетских и церковных юрисдик в магнатских городах и политики магнатов, направленной на ограничение и ликвидацию юрисдик.

В XVI — первой половине XVII в. владелец города привлекал для поселения в своем городе мещан из королевских городов и местечек, основывая для этого слободы (предместья или улицы), с освобождением на определенный срок новопоселенцев от выполнения повинностей. Магнаты, заинтересованные в эксплуатации крепостного крестьянства, запрещали прием беглых крепостных в частновладельческие города. Исключение делалось для остатков незакрепощенного крестьянства.

Эгоистичная политика магнатов отражалась на развитии городов. В борьбе магнатских группировок за власть частновладельческие города расплачивались разорением во время междоусобных войн своих владельцев. В этом также проявлялось общее отставание белорусских городов в экономическом развитии по сравнению с соседними странами, в том числе с Россией.

Общей закономерностью как для частновладельческого, так и для королевского города был процесс концентрации ремесленного производства и торговли. На протяжении XVI—XVIII вв. здесь развивались ремесло и торговля. Несмотря на тормозящее действие фольварочно-барщинной системы на большей части территории Великого княжества Литовского, социально-экономическое развитие частновладельческих городов, как и королевских, продолжалось. Процесс концентрации ремесла и торговли привел к тому, что среди частновладельческих городов выделились развитые ремесленно-торговые центры. К середине XVII в. (в некоторых городах во второй половине XVII в.) наблюдается отчетливая профессиональная специализация в ремесленном производстве ряда частновладельческих городов. Так, Клецк стал центром кожевенного ремесла; Слуцк — городом с преобладанием среди ремесленников кожевников, скорняков и металлистов; в Копыле до 80% ремесленников было

занято ткачеством, изготовлением одежды, прядением, а металлисты составляли менее 3%.

Еще рельефнее это проявлялось в ремесленной специализации городов в пределах одной латифундии. Причина такой специализации заключалась в связи городского ремесла с местным рынком продуктов сельского хозяйства, обслуживанием потребностей гарнизона, двора магната, торговыми связями с другими городами, а также в экономической политике магнатов.

В XVI — первой половине XVII в. частновладельческие города Белоруссии, средние и малые, по темпам развития ремесла в целом отставали от королевских, в значительной мере крупных и средних. Во второй половине XVII—XVIII в. в частновладельческих городах увеличилось общее количество ремесленных профессий. Большинство ремесленников работало для удовлетворения нужд городского, а также и сельского населения и было связано с производством на рынок. Но в частновладельческих городах во второй половине XVII—XVIII в. развивалось и ремесло как производство на заказ. Несмотря на дальнейшее развитие экономики магнатских городов в этот период, как общие политические и социально-экономические условия феодальной эпохи, так и непоследовательная и корыстная городская политика магнатов тормозили рост ремесла и торговли. Этим и объясняется преобладание малых городов среди частновладельческих (до трех четвертей) в течение всего рассматриваемого периода.

Особенностью экономической жизни этих городов было почти полное отсутствие в них юрисдик. Для королевских городов Речи Посполитой характерно их обилие. Отсутствие или минимальный удельный вес юрисдик облегчал организацию ремесленников в цехи, поскольку здесь не было серьезных препятствий для деятельности цехов со стороны феодалов, укрывавших в юрисдиках нецеховых ремесленников. Сам магнат стремился сделать цехи универсальными. В то же время это обстоятельство делало цехи более устойчивыми, а потому и более консервативными, закоснелыми. Цеховая верхушка получала поддержку магната и его администрации.

Частновладельческий город представлял собой экономический комплекс, где до середины XVII в. не имели силы такие привилегии отдельных групп ремесленников,

как право работать, не вступая в цех. В отличие от королевских городов Белоруссии магистраты частновладельческих, опираясь на поддержку магнатов, отчасти контролировали ремесленную деятельность евреев.

Однако политика владельца города по универсализации ремесленных цехов была непоследовательна и противоречива. Ко второй половине XVIII в. в частновладельческих городах выделяется значительная группа замковых ремесленников, непосредственно обслуживавших нужды магнатского двора и войска. Эти ремесленники имели особые привилегии и в цех не входили. Кроме того, со второй половины XVII в. те ремесленники-евреи, которые состояли в цехах вместе с мещанами, стремились выделиться, часто создавая особые ремесленные организации. Этот процесс нередко поддерживался магнатами и их администрацией, которые рассматривали деятельность ремесленников-евреев как монопольный источник доходов магнатской казны, и объективно наносил ущерб цеховым ремесленникам. Цехи боролись против конкурентов, нецеховых ремесленников, а также и против наступления феодалов на их права.

На вторую половину XVII—XVIII в. приходится выделение более сильных в экономическом отношении цехов.

Наряду с цехами в частновладельческих городах существовали (главным образом в XVII в.) организации ремесленников, не имевшие прав цеха. По мере количественного роста ремесленников в них такие объединения получали права цеха, самоуправление и выводились из-под непосредственного управления магистратом. Такая неполноправная организация ремесленников, не имея всех черт цеха, вместе с тем была построена на принципах регламентации производства и сбыта. Аналогичных ремесленных организаций в королевских городах Белоруссии не было. Это объясняется более подчиненным положением ремесленников отдельных профессий нуждам магната и города, а также более прочной властью магистрата в экономической жизни, чем в королевских городах. Такого рода переходная форма ремесленной организации к XVIII в. исчезла — неполноправные ремесленные организации превратились в цехи.

В развитие внутренней торговли частновладельческие города не вносили каких-либо существенных специфи-

ческих черт по сравнению с королевскими, так как и те и другие развивались в процессе концентрации ремесла и торговли. Заинтересованность магнатов в создании постоянных рынков в центрах магнатских владений основывалась на стремлении получать гарантированные и немалые доходы в виде пошлин с торговой деятельности населения. Удельный вес городского населения, занятого торговлей, был высоким. Значительная часть торговцев была занята лавочной торговлей. Во второй половине XVII—XVIII в. она развивается в значительной мере как специализированная. Для XVIII в. характерна аренда в лавочной торговле, а среди торговцев наблюдается имущественное расслоение. В XVIII в., особенно во второй половине, лавочная торговля почти повсеместно переходит в руки торговцев-евреев, чему способствовала магнатская администрация, которая давала некоторые льготы этой группе лавочников и стремилась использовать круговую поруку в рамках еврейского кагала для обеспечения постоянных прибылей в магнатскую казну с торгового оборота.

Вся полнота власти в частновладельческом городе сохранялась за его владельцем. Однако этот фактор не исключал участия частновладельческих городов в общем процессе получения права на самоуправление (в Белоруссии — магдебургского права, в Литве — магдебургского и хелминского). Но в отличие от королевских высшую власть в частновладельческих городах сохраняли их владельцы, магнаты. Для больших и средних городов период с середины XVII в. характеризуется усилением власти магистрата. Но сам магистрат подчинялся предписаниям владельца города и его администрации.

Усиление роли магистратов было вызвано ростом экономического значения этих городов и борьбой народных масс, а в связи с этим и стремлением магнатов и центральной власти Речи Посполитой привлечь на свою сторону городскую верхушку.

В общем процессе развития городов Белоруссии частновладельческие сыграли особую роль. Ряд черт экономической жизни частновладельческого города придавал определенные особенности развитию в нем таких процессов, как обмен между городом и деревней, рост ремесленного производства, переход от стадии мелкотоварного производства к стадии мануфактуры. Вместе с тем цехо-

вая организация имела здесь более прочные позиции, чем в королевском.

Частновладельческие города использовались магнатами не только как административные и хозяйственные центры латифундий. Они были городами-крепостями, оплотами военного могущества магнатов в государстве, базами для ведения междоусобных войн, оплотами сепаратистских устремлений магнатов в их противодействии централизаторской политике верховной власти и тем самым оказались орудием консервативных сил страны.

Магнаты привлекали к несению военной службы не только своих вассалов — земян, бояр, выбранцев и наемных солдат и офицеров, которые и составляли гарнизоны, постоянно находившиеся в частновладельческих городах. Они обязывали горожан отбывать военную повинность, созывая на случай осады городские ополчения, а также используя их в междоусобицах. С одной стороны, мещане выполняли в таких случаях функцию военно-служилых людей и этим отличались от крестьянства, с другой — собираемые магнатом военные ополчения еще более усиливали зависимость жителей городов от своего владельца. К концу рассматриваемого периода магнаты уже не собирали городские ополчения.

Общие процессы, определявшие развитие феодального города, лежали в основе социально-экономической и политической жизни частновладельческого города. Городское население выделялось в правовом отношении из окружающей массы закрепощенного крестьянства, имело свои особые права и привилегии. Наличие частновладельческих городов сказалось на роли крепостничества в Белоруссии и представляло собой особенность в системе крепостничества на территории всей нашей страны. В России, феодальном государстве с сильной центральной властью, частновладельческий город был исключением, а с XVII в. такая юридическая категория городских поселений вообще отсутствовала; вотчинными были села, а не города. Несмотря на тормозящее влияние консервативного общественного строя Речи Посполитой, что особенно сказывалось на развитии частновладельческих городов, в них, хотя и в замедленном темпе, шел процесс, характерный для всех городов феодальной Европы,— создавались предпосылки для зарождения капиталистических отношений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ ГРИЦКЕВИЧ. **ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОРОДА БЕЛОРУССИИ В XVI—XVIII вв. (социально-экономическое исследование истории городов).** Редактор Г. И. Вольская, обложка И. Т. Терехова, художественный редактор Ю. С. Сергачев, технический редактор Г. И. Якубовская, корректор З. Я. Авербах. Печатается по постановлению РИСО АН БССР. АТ 18032. Сдано в набор 1/VII-75 г. Подписано в печать 10/IX-75 г. Бумага тип. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 7,75+1 вклейка. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,4. Изд. заказ 97. Тип. заказ 1447. Тираж 2300 экз. Цена 1 р. 47 к. Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68. Типография имени Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета СМ БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.